

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

Март — Апрель

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

И. Л. Андреев

**О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА
ОТ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ
К КЛАССОВОМУ ОБЩЕСТВУ**

Одна из величайших научных заслуг Ф. Энгельса заключается в установлении того, что процесс возникновения классов и государства в ходе развития производительных сил и производственных отношений связан со сменой кровнородственных связей населения территориальными. Более того, несмотря на скудность и фрагментарность исторических материалов того времени (Энгельс неоднократно сетовал на это, полагая, что детали его концепции уточняют исследователи будущего), автору «Происхождения семьи, частной собственности и государства» удалось зафиксировать заключительный этап сосуществования, взаимопереплетения родовых и территориально-экономических связей.

Современный уровень науки, а главное — накопленный ею гигантский конкретный материал, освещающий как более ранние пласты истории Средиземноморья, так и историю социального развития народов других регионов, позволяет вернуться к сюжету, в основных чертах рассмотренному Ф. Энгельсом. Такое обращение к теоретическому наследию великого мыслителя представляется достаточно актуальным. Оно вновь подтверждает методологическую плодотворность марксистской теории исторического процесса, позволяющей вскрыть и материалистически объяснить движущие силы и особенности общественного развития тех народов, которые веками третировались буржуазной историографией как «неисторические» и т. п. Кроме того, современный материал позволяет дополнить в ряде звеньев выработанную Энгельсом концепцию смены первобытнообщинного строя классовым обществом, детализировать ее. Такая детализация достигается путем специального рассмотрения эпохи разложения первобытнообщинного строя, когда в рамках возрастных классов, мужских союзов, тайных ритуальных обществ зрели предпосылки будущей территориальной организации населения.

* * *

Процесс распада первобытнообщинного строя можно проанализировать в плане взаимодействия различных систем общественной организации и социального контроля.

Дело в том, что характеристика социальных структур этой переходной эпохи как родо-племенных и тем более кровнородственных не является исчерпывающей. Есть основания предполагать, что уже с глубокой древности родственные отношения имеют своим «противовесом» некий принципиально иной тип социальных связей населения. Однако подавляющее большинство исследователей, включая Л. Г. Моргана, изучало именно систему кровнородственных связей и барьеров. «Окаменев» в обычаях и преданиях, будучи предельно инертной и формализованной,

архитектоника форм родства настолько бросалась в глаза, что казалась исчерпывающей, и на многие десятилетия скрыла от исследователей противоположную тенденцию развития общественной организации и социального регулирования. Между тем такой подход объяснял главным образом устойчивость социальных систем этой эпохи, объективно затрудняя исследование внутренних противоречий процесса движения к классовому обществу.

Кровнородственная организация общественной жизни и социального регулирования достаточно хорошо описана в многочисленных источниках, а потому речь о ней будет идти лишь в плане сравнения с противоположными ей функционально-корпоративными структурами. На первых порах эти структуры проявляют себя как поло-возрастная организация, близкая кровнородственной по формам и даже по терминологии.

В принципе такая организация зафиксирована уже давно в виде возрастных «братств», мужских и женских союзов, а также тайных ритуальных обществ и часто трактуется как элемент кровнородственной организации. По наблюдению же Ж. Сюре-Канала, возрастные классы, изученные им в Тропической Африке, представляют собой форму организации, «перпендикулярную» к семейно-клановой структуре, поскольку «они группируют мужчин, а вместе с ними и женщин в ассоциации, соответствующие различным поколениям. Семейные связи и принадлежность к семье не имеют в этих обществах никакого значения»¹.

Однородные возрастные группы, «коллективы ровесников», получили в этнографической литературе название «возрастных классов». Члены этих групп у ряда народов «всю жизнь считают себя побратимами и даже близнецами»². Последнее обстоятельство, а также то, что возрастные братства, пройдя обряд инициации, получали «единое» новое имя (отличное от родового, но аналогичное ему), определенные отличительные знаки в виде тагуировки, шрамов и т. п. и были связаны обычаем взаимопомощи, не оставляют сомнений относительно их теснейшей взаимосвязи с кровнородственной организацией и своеобразного «подражания» ей. На этом основании возрастные классы можно рассматривать как нечто производное от кровнородственных связей. Между тем в этнографической литературе встречается и противоположная точка зрения, высказанная 70 лет назад Г. Шурцем. Согласно ей, «организация родства заменила первоначальный порядок деления возрастных групп», «матриархальное общество противопоставляет принцип кровного родства делению на возрастные группы»³.

Объективной основой выделения и обособления поло-возрастных групп является разделение труда. Возраст и пол достаточно жестко определяли место и роль индивида в производстве и общественной жизни, и тем самым обуславливали значительную общность задач и интересов у однородных поло-возрастных групп. Именно в этих группах молодежь усваивала (до семейного воспитания было еще весьма далеко) производственный и социальный опыт своей родо-племенной общности. Братства совместно выполняли тяжелые и громоздкие хозяйственные работы, выступали против врагов, проводили праздники и собрания. Возрастные группы стариков выполняли функцию социальной памяти коллектива.

Конкретная специализация функций возрастных групп тесно связана с характером хозяйственной деятельности в специфических природных и социальных условиях. В Западном Судане возрастные братства, по мнению Л. Е. Куббея, «не в последнюю очередь создаются как организации для совместной работы в земледелии. Первоначальное назначение их в этом смысле заключалось в обработке полей будущих или настоя-

¹ Ж. Сюре-Каналь, Прогресс и община, «За рубежом», 1966, № 49, стр. 24.

² А. Б. Летнев, Деревня Западного Мали, М., 1964, стр. 40.

³ Г. Шурц, История первобытной культуры, вып. 1, М., 1923, стр. 143, 146.

щих родственников жены и в хозяйственной взаимопомощи. Однако очень скоро выявилось и другое использование этих объединений: они поставляли барщинников по требованию или верховной власти или местных вождей, по-видимому, прежде всего для ирригационных работ»⁴. Таки-ми специализированными возрастными группами руководили представители общинной верхушки.

В Юго-Восточной Африке юноши, собранные по возрастным группам в военные краали, «действовали и как армия, и как полиция, и как рабочие отряды»⁵. В период объединения сотен мелких кланов нгунни под эгидой Чаки — главы клана Зулу — совершается переход от групп однолеток, сражавшихся в рядах своего клана, к регулярным военным полкам. «Когда подданных, — рассказывает А. Т. Брайант, — стали насчитывать не сотнями, а многими тысячами, возникла необходимость и в новой организации населения. Молодежь одного и того же возраста независимо от того, к какому клану она принадлежала, стали объединять в большие группы под прежним названием „амабуто“ — в роты или подразделения по несколько сот человек в каждом. Их единственным назначением было ждать приказа властелина и выполнять то государственное дело, которое будет на них возложено. Их главной обязанностью было участвовать в военных действиях и в набегах. Так прежние возрастные группы превратились в „воинские соединения“». «Подходящее лицо из числа знати, — продолжает автор, — назначалось их „полковником“, а полковник избирал из среды самой молодежи „капитанов“, которые становились командирами „батальонов“»⁶. Аналогичную трансформацию возрастных групп взаимопомощи в юношеские военные отряды отмечают также исследователи Средней Азии⁷.

Возрастные группы не ограничиваются объединением молодежи. «Организованные в рамках возрастного класса старики, — констатирует Ж. Сюре-Каналь, — стремятся укрепить свое положение, удерживая за собой некоторые секреты и некоторые функции, предоставляемые старшим по посвящению людям»⁸. Возрастные группы объединяют также девушек и женщин. Правда, в связи с дислокацией последних в течение большей части жизни в других родах и большей привязанностью к семье, эти структуры оказываются, как правило, гораздо менее прочными, хотя некоторые примеры косвенно свидетельствуют об аналогичных тенденциях развития женских возрастных групп в специфических исторических условиях. Это — матрилинейная организация массагетов в период правления царицы Тамирис, о которой сообщил Геродот; пятитысячная гвардия амазонок, носивших титул «жен царя» при дворе правителя Дагомена, или следы гинекократических структур у туарегов.

Приведенные примеры позволяют заключить, что возрастной принцип консолидации населения, существующий «рядом» с его родственными связями, получает толчок к развитию и становится контуром специфических общественных институтов. Это особенно интенсивно происходит в тех условиях, когда объем организационных задач намного перерастает рамки рода или когда необходимость оперативности при решении текущих задач (например, в процессе ирригации, в ходе военных операций и т. д.) обуславливают тенденцию к уменьшению числа промежуточных звеньев и сокращению «мертвого времени» социальной системы — разрыва между получением сигнала о каких-либо помехах, угро-

⁴ Л. Е. Куббель, Из истории древнего Мали, «Африканский этнографический сборник», V, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. 76, М.—Л., 1963, стр. 61.

⁵ А. Т. Брайант, Зулусский народ до прихода европейцев, М., 1953, стр. 128.

⁶ Там же, стр. 302, 303.

⁷ См. Г. П. Снесарев, О реликтах мужских союзов в истории народов Средней Азии, Доклад на VII конгрессе МКАЭН, М., 1954, стр. 6.

⁸ Ж. Сюре-Каналь, Африка Западная и Центральная, М., 1961, стр. 97.

жающих данному обществу, и принятием необходимых мер для его сохранения⁹.

Такова, видимо, объективная основа и движущая сила развития возрастных объединений эпохи разложения первобытнообщинного строя. Профессиональная дифференциация в это время лишь зарождается на уровне региональных хозяйственных систем, а потому главным внутриплеменным социальным расчленением остаются кровнородственная и поло-возрастная (корпоративная) организация, близкие, но не однозначные, и заключающие в себе противоположные тенденции развития. В этих условиях совокупность возрастных групп мужчин, опирающаяся на специфику сложившегося и нередко табуированного для противоположных групп разделения труда между полами, развивается в мужские союзы. Если один из этих союзов сливается с родо-племенной (кровнородственной) организацией на почве матриархата, то союзы второго типа нередко играют роль своеобразной «внеродовой» оппозиции, постепенно трансформируясь в тайные ритуальные общества; о последних речь пойдет ниже.

Будучи обычно совокупностью возрастных групп определенного пола, мужские и женские союзы, как бы преодолевая возрастные барьеры, осуществляют функцию более широкой интеграции населения для выполнения хозяйственных и общественных дел. Так, Л. Е. Куббель находит возможным говорить о «роли тайных союзов в хозяйственной жизни общины»¹⁰. Тем более это относится к «явным», открытым союзам. Развивая идеи С. П. Толстова, Г. П. Снесарев исследовал роль возрастных групп и мужских союзов в генезисе политической власти. «Из первобытных мужских объединений, — резюмирует он, — наряду с первыми органами „публичной власти“ выкристаллизовывались первичные военные отряды, вынесшие из мужских союзов и возрастной принцип объединений, и характер руководства, и внутреннюю дисциплину, поддерживаемую традиционными правилами товарищества. Основные принципы „дружины“ следует искать именно в рамках мужских союзов»¹¹. Видимо, одним из классических примеров репрессивного аппарата, выросшего из мужских союзов, может служить община спартиатов, голодствовавшая над илотами.

Г. П. Снесарев отмечал в относительно изолированных, труднодоступных районах Средней Азии (горный Таджикистан) наличие мужских объединений, не расчлененных по возрасту участников, а в местах оживленных этнических контактов — объединений, распадающихся на группировки сверстников. Он пытался рассмотреть их в генетически-стадиальной связи. «Можно предположить, — пишет он, — что процесс шел по линии постепенного членения ранее объединенных мужских коллективов»¹². Однако с неменьшим основанием можно предположить и обратное, особенно если степень развитости объединений представителей того или иного пола связывать не столько с интенсивностью этнических контактов, сколько со степенью развития привилегий определенного пола в кровнородственной структуре социальных связей.

Большой интерес представляет анализ взаимосвязи этих институтов. И здесь возвращение к истории Зулуленда может добавить некоторые небезынтересные детали. Последние касаются, во-первых, взаимодействия полков ветеранов и молодежи. Из «белых» (имеющих белые щиты) полков ветеранов обычно формировался центральный отряд, принимавший на себя в бою главный удар, а поэтому называвшийся «грудью войска». На флангах располагались молодежные «черные» полки, выдвигав-

⁹ См.: Г. Клаус, Кибернетика и общество, М., 1967, стр. 81.

¹⁰ Л. Е. Куббель, Указ. раб., стр. 61.

¹¹ Г. П. Снесарев, Указ. раб., стр. 7.

¹² Там же, стр. 3.

шие отряды из наиболее горячей и решительной молодежи (так называемые «рога войска») для окружения врага. Во-вторых, речь идет о взаимосвязи мужских и женских «полков» — возрастных групп. Когда пускали какой-нибудь полк мужчин, последние, намереваясь жениться, надевали головное кольцо. Одновременно старшая женская возрастная группа (иногда вся совокупность свободных женщин) по приказанию верховного вождя завязывала волосы узлом на макушке, что означало готовность к замужеству¹³.

Словом мужские и женские союзы тесно связаны с возрастными группами. В частности, С. А. Токарев, обстоятельно исследовавший мужские союзы Меланезии, видит в последних «высшую и качественно новую форму, в какую перерастают при изменившихся социальных условиях поло-возрастные группы»¹⁴. Вместе с тем они содержат качественно новую тенденцию развития социальной организации, которая наиболее рельефно проявляется в вырастающих на основе этих объединений тайных ритуальных обществах.

«Меланезия кишит тайными обществами, которые то существуют рядом с клубами (союзами мужчин — И. А.), то заступают на их место», — писал в 1900 г. Г. Шурц. Он отмечал также, что «тайные союзы разрастаются из мужских обществ, словно дикие побеги, распространяющиеся во все стороны»¹⁵. Позднее такую же мысль высказал С. П. Толстов: «Тайные союзы генетически связаны с союзами мужчин и системой возрастных классов и инициаций», в свою очередь вызванных системой матрилинейной филиации, матрилокального брака и ведущей ролью женщины в общественном хозяйстве¹⁶.

Ж. Сюре-Каналь пытается пойти дальше и высказывает предположение о механизме этого процесса. Возрастные классы, по его мнению, постепенно стали фиксироваться как ступени посвящения (это вполне в духе родо-племенных систем, где возраст в значительной мере обуславливает социальный статут индивида). И тогда над ними вырастает институт, внешне напоминающий некий «сверхвозрастной» класс, а внутренне трансформирующийся в принципиально иное членение общества: на привилегированных и рядовых. Правда, Ж. Сюре-Каналь полагает, что высшая ступень посвящения охватывает лишь стариков и выливается таким путем в геронтократию. Нам же представляется, что за этим организационным сдвигом проступают контуры гораздо более общей исторической закономерности. Вряд ли имеются достаточно серьезные основания отождествлять складывающуюся прослойку «посвященных» с самой старой частью мужского населения, исключая из нее более молодых по возрасту руководителей. Главное, как справедливо пишет Ж. Сюре-Каналь, в том, что «братство по возрасту уступает место содружеству, комплектующемуся путем кооптации и подготавливающему почву для создания привилегированной аристократии, причем принадлежность к такому содружеству предусматривает уплату довольно значительного взноса»¹⁷.

Иначе говоря, тайные общества находятся где-то на грани, отделяющей организацию социального регулирования первобытнообщинного строя от политической организации подавления и угнетения классово-антагонистического общества. Уже в тридцатых годах советские исследователи справедливо отмечали, что тайные общества «являются организацией, историческая роль которой в процессе становления классового общества учтена еще в ничтожной мере», особенно в процессах кри-

¹³ А. Т. Браунт, Указ. раб., стр. 129, 303, 307.

¹⁴ С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 2, стр. 57.

¹⁵ Г. Шурц, Указ. раб., стр. 136, 137, 139.

¹⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 311.

¹⁷ Ж. Сюре-Каналь, Африка Западная и Центральная, стр. 98.

таллизации функции подавления публичной власти и межплеменной консолидации¹⁸.

Что же представляют собой тайные ритуальные общества? Какова их социальная природа и роль в процессах генезиса эксплуатации и угнетения?

Прежде всего можно со всей определенностью сказать, что речь явно идет о противопоставлении одной части населения другой. Г. Шурц специально подчеркивает «неблагоприятное положение тех, кто не принадлежит к союзу»¹⁹, особенно в периоды осуществления последним своих акций в отношении «непосвященных». Сразу возникает вопрос: не идет ли речь о столь знакомом по литературе²⁰ соперничестве фратрий, не представляют ли собой эти акции тех устрашающих ритуальных «забав» вроде военно-религиозных игр, когда одна из сторон намеренно «нападает» на другую и «обижает» ее. Для постановки такого вопроса есть основания. И в литературе отмечена, хотя, к сожалению, не прослежена достаточно глубоко, «генетическая связь тайных союзов с фратриями»²¹.

Объективной основой связи поло-возрастных объединений и выросших из них тайных ритуальных обществ с фратриями как элементом кровнородственной организации является, можно полагать, в общем-то однородная функция «горизонтального» объединения населения. В то же время эти два типа интеграции социальных систем различаются между собой как по своим составным элементам (индивиды и родственные объединения), так и по характеру их взаимосвязи (функционально-корпоративная и кровнородственная).

И если в греко-римской античной древности именно фратрии и курии стали центрами, «фокусами» общественной жизни и подготовили в своих рамках территориальное единство коренного населения, то на древнем Востоке интеграция социального целого, позднее оформленная и закреплённая в территориальном делении населения, осуществлялась, можно предположить, преимущественно в рамках внеродственных объединений типа возрастных классов внутри мужских союзов. Последнее обстоятельство дает, по нашему мнению, ключ к наиболее убедительному объяснению того факта, что социальное расслоение в целом ряде обществ (древний Китай, Меланезия и др.) развивалось в сторону классовообразования в своеобразной форме социальных рангов, иерархия которых закреплялась в ритуальной символике и терминах старшинства²². Недаром в качестве простейшей, примитивной формы социальной дифференциации в древнейших цивилизациях было передаваемое по наследству «превосходство старших над младшими»²³. В этнографическом плане такая структура зафиксирована, в частности, К. Мелассу у гуро Берега Слоновой Кости²⁴.

Видимо, некоторые из тайных обществ в период интенсивной социальной дифференциации активизируются как организации той части населения, которая оказывается лишенной возможности адекватной защиты своих специфических интересов через кровнородственные каналы данной общественной структуры. По данным Вивиан Пак, у бамбара Ма-

¹⁸ См.: С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 312.

¹⁹ Г. Шурц, Указ. раб., стр. 137.

²⁰ См.: А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.

²¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 310.

²² См. М. В. Крюков, Социальная дифференциация в древнем Китае, сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 210 и др.; С. А. Токарев, Указ. раб., «Сов. этнография», 1933, № 3—4, стр. 41 и др.

²³ См.: G. Balandier, *Anthropologie politique*, Paris, 1967, p. 93; C. Coquery-Vidrovitch, *Recherches sur un mode de production africain*, «La Pensée», 1969, № 144, p. 67.

²⁴ Cf. Meillassoux, *Anthropologie économique de Gouro de Côte-d'Ivoire*, Paris, 1964, p. 27.

ли вплоть до недавнего времени параллельно существовали четыре тайных общества мужчин (Вара, Дута, Наго и Нья) и два аналогичных женских объединения (Ньягуа, Кулукуту)²⁵.

У туарегов же Сахары, где патрилокальность утвердилась сравнительно недавно, женщины, «отдав» официальную власть мужчинам, создали своеобразные женские общества с тайным музыкальным языком и даже неизвестным мужчинам «ленточным» письмом тифинаг.

Но при обращении к поздним тайным обществам подобное толкование их становится все менее удовлетворительным. Что же изменяется в их структуре и функциях?

В структуре этих объединений усиливается персонализация и тенденция к членению на группы со строго установленным количественным составом. Персонализация проявляется в индивидуальном приеме в тайное ритуальное общество лица, прошедшего определенную подготовку и выдержавшего соответствующие испытания (явный элемент возрастных инициаций, но теперь уже не связанный с возрастом посвящаемого), и имеет своим противовесом деперсонализацию, полное «растворение» посвященного в данном объединении, беспрекословное подчинение его дисциплине, обычаям и ритуалам товарищества.

Фильтр «лучших» осложняется еще одним обстоятельством, принципиально новым для первобытнообщинных институтов. Посвящаемый должен в одиночку, самостоятельно, т. е. без помощи родственников, угодить своим «тайным братьев» или сделать взнос в общую казну братства. В принципе угощение и раздача имущества типа «потлача» у индейцев северо-западного побережья Америки, тщательно проанализированного Ю. П. Аверкиевой²⁶, как будто не выходят за пределы обычаев, свойственных поздним этапам первобытнообщинного строя. Однако следует помнить, что они устраивались всем родом, затем вождем, либо «большим человеком», либо семьей, которая нуждалась в помощи рода или получила ее, но не индивидом как таковым. Кроме того, объектом угощения и одаривания был целый род или по крайней мере родственная группа, принявшая или должная принять участие в том или ином хозяйственном или общественном мероприятии.

Теперь же индивид, порывая с кровнородственными узами, выступает как субъект с персонально взятыми обязательствами и личной ответственностью за свои действия. А поскольку индивид, помимо собственного участия в деятельности тайного ритуального общества, вносит определенный взнос в казну, богатство этого индивида, которое, кстати, часто не соответствует его месту в кровнородственной иерархии, делает его особенно желанным в тайном ритуальном товариществе.

Постепенно зарождается также количественное членение «тайных братьев» на пятерки и «сороковки» (например, сорок тайных святых-чильтанов на средневековом Востоке)²⁷, десятки и производные от них сотни, тысячи, тьмы. Интересно, что эта десятиричная организация с удивительным универсализмом прослеживается в самых различных регио-

²⁵ V. Paque, Les Bambara, Paris, 1954, pp. 84—86.

²⁶ См.: Ю. П. Аверкиева, К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, «Американский этнографический сборник», I, ТИЭ, т. LVIII М., 1960, стр. 67—73 и др. Видимо, более поздним реликтом аналогичного «потлачу» института можно считать некогда отмечавшийся в Дагомее «Праздник обычаев», выступавший своеобразной формой демонстрации и частичного перераспределения излишков (С. Coquery-Vidrovitch, Указ. раб., стр. 74). В наши дни подобные традиции отмечены в тоголезских деревнях (J.-C. Froelich, Le paysan noir et le défi moderne, «Civilisation», vol. XIX, Bruxelles, 1969, № 4, pp. 456—463).

²⁷ В арабской сказке об Али-Бабе и сорока разбойниках последние (в этом трудном не согласиться с С. П. Толстовым) выступают как тайное братство, имеющее общую казну — пещеру с сокровищами и даже элемент тайного языка — вещее заклинание «сим-сим», открывающее посвященному дверь в пещеру (С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 312).

нах древнего мира от Китая до Рима. Может быть, именно в этой деперсонализации индивидов — членов тайных ритуальных товариществ — кроется сущность той железной организации и фанатичной энергии, какими характеризовались на ранних этапах своего существования все мировые религии? Разве от углубляющейся пропасти между посвященными и непосвященными так уж далеко до фанатически экзальтированной ненависти правоверного к неверному?

Словом, перенесенная из возрастных братств и объединений индивидов одного пола традиция взаимопомощи преодолевала в тайных ритуальных товариществах кровнородственную ограниченность, трансформировалась в мистической, окутанный ритуалами фанатизм. Иначе говоря, доминирующая при первобытнообщинном строе кровнородственная организация населения отягощается в рамках открытых, а тем более тайных корпоративных объединений своей противоположностью — организацией индивидов, основанием которой является совместное осуществление ими тех или иных общественных функций в принципе вне зависимости от кровнородственных связей и барьеров.

И наконец, о социальной природе мистицизма и таинственности, окутывавших деятельность тайных ритуальных обществ и являвшихся одним из самых характерных их признаков. Искусственная таинственность как социальный феномен часто встречается в истории древности и средневековья. Объективно она представляет собой паразитирование верхушечных социальных групп на глубоком невежестве основной массы населения. Путем создания напряженных социально-психических ситуаций эти верхушечные слои манипулируют поведением значительных масс людей, нередко провоцируя массовые психозы и даже психические эпидемии.

В последние годы в советской научной литературе справедливо поднят вопрос о социально-психологическом аспекте всемирной истории, который включает в себя исследование таинственности и связанных с нею социально-психологических феноменов страха и утраченного, особенно рельефно окрашивающих события ранних ступеней истории.

Тайные ритуальные товарищества буквально сотканы из этих социально-психологических тенденций. Их таинственность обусловлена, во-первых, стремлением скрыть факт нарушения кровнородственной солидарности, обезопасить себя от наказания со стороны руководителей рода и, быть может, от мести тотемов. Действительно, в церемониях и ритуалах «братья» участвуют переодетыми (причем в «тайной» одежде проявляется тенденция унификации), называют друг друга «тайными» именами и обмениваются «тайными» условными знаками и командами, что сводит на нет риск быть узнанными непосвященными и гарантирует определенную безопасность от возможных репрессий со стороны руководства кровнородственной организации.

Второй аспект таинственности ритуальных братств заключается в функции устрашения непосвященных. Кровную месть за ритуальные убийства во время церемоний или в ходе «тайных» расправ конкретно адресовать некому, тем более, что такое товарищество не является совокупностью родственников, а переодетые и ритуальная экипировка деперсонализируют участников репрессий.

«Скрытность» членства в тайных ритуальных товариществах позволяет его руководителям получать необходимую информацию о различных аспектах социальной жизни, особенно о деятельности кровнородственной организации, оперативно и «метко» совершать акты террора и другие акции. Это еще более разлагает кровнородственные структуры и связи, порождая подозрительность, опасение «невидимых» глаз и ушей братства и снижая общественную активность в рамках кровнородственной организации. Чтобы в полной мере оценить значение устрашающих масок и мистических ритуалов тайных обществ (например, «прокусывание» сонной артерии жертвы щипцами, по форме копирующими след зубов пан-

теры в африканском тайном союзе Эгбо и т. п.), надо принять во внимание терзаемую множеством табу, подавленную вечным страхом психику глубоко невежественного человека той эпохи.

Кстати, механизм устрашения был не только формой регулирования отношений с непосвященными, но пронизывал и внутрикорпоративные связи. В тайных союзах всемерно поддерживался страх перед коллективной местью брата в случае малейшего отступления от его устава и неповиновения руководству.

Возникновение и развитие тайных ритуальных объединений объективно порождает притязания верхушечных групп, узурпирующих определенные общественные функции, на монополию публичной власти, до сих пор сосредоточенной в рамках кровнородственной организации и в руках родовых старейшин. Это ведет к раздвоению публичной власти в эпоху крушения первобытнообщинного строя, к ее разделению между двумя соперничающими системами организации общественной жизни. «Мужские союзы представляют собой только одну из форм господства верхнего господствующего слоя. Другой такой формой является институт вождей», — пишет о Меланезии С. А. Токарев, отмечая далее, что это «раздвоение власти... связано с расщеплением первобытно-коммунистической общины на территориальную и родовую»²⁸. Складывается своего рода двоевластие, ведущее к противоборству кровнородственной и ритуально корпоративной организаций, продолжающемуся до тех пор, пока «генетическая» социальная революция (С. П. Толстов) не поставит на место этих систем политическую организацию общества и государство.

Сила кровнородственной организации публичной власти — в относительной всеобщности и демократичности общественного управления и социального контроля. Что же касается ритуальной корпоративной организации публичной власти, при которой «новые группы... создали новые органы для защиты своих интересов»²⁹, то для нее характерна выработка не связанных с кровнородственными отношениями, а потому особенно эффективных средств принуждения и насилия. Эти средства совершенно чужды классическому родовому строю, опирающемуся в регулировании межиндивидуальных отношений на убеждение и личный пример. Характерно, что Ф. Энгельс, анализируя возникновение Афинского государства, специально отметил беззащитность и бессилие родовых институтов перед наступлением социальной дифференциации и ростовщичества, перед корпоративными привилегиями ряда общественных групп: «Одним словом, родовой строй подходил к концу. Общество с каждым днем все больше вырастало из его рамок; даже худшие из зол, возникавших на глазах у всех, он не мог ни ограничить, ни устранить»³⁰. В результате народные массы оказались как бы между двух огней — оторвавшейся уже от народа родовой верхушкой и корпорациями крупных собственников и ростовщиков.

Итак, ритуальные корпоративные объединения развивают в публичной власти не столько функцию защиты общественных интересов, сколько функцию устрашения и подавления. Видимо, имея в виду именно эту сторону дела, С. П. Толстов характеризует тайные союзы как «террористические организации, осуществляющие примитивные функции публичной власти», охраняющие зарождающуюся собственность, обуздывающие межплеменные распри мерами религиозного, а иногда и физического террора, обеспечивающие подчинение непосвященных, рабов и женщин³¹. Кстати, еще раньше эта мысль была высказана С. А. Токаревым, писавшим в 1933 г. о выполнявших «функции общественной власти» тай-

²⁸ С. А. Токарев, Указ. раб., «Сов. этнография», 1933, № 5—6, стр. 14, 15.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 114.

³⁰ Там же.

³¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 311.

ных мужских союзах Меланезии. Он отмечал, что они «являются орудиями господства верхнего общественного слоя, надстройкой над экономикой разлагающегося первобытно-коммунистического общества» и «отражают те противоречия, которые растут в этом обществе»³². Причем С. А. Токарев тогда же сделал попытку наметить основные формы осуществления этого господства верхушки с помощью тайных мужских союзов: «Если дукдук при этом можно сравнить с судебно-административными органами господства командующего класса в классовом обществе, то ингиет напоминает в том же смысле церковную организацию последнего»³³.

Более раннюю ступень развития тайных ритуальных союзов, характеризующую значительным синкретизмом функций собственно организации общественной жизни и осуществления давления на определенные слои населения в интересах других, фиксируют исследователи доколониальной Африки южнее Сахары. «Важным элементом социальной организации многих африканских племен доколониального периода были тайные ритуальные объединения, определяемые как братства или корпорации. Некоторые из них сохранились до наших дней», — пишет польский африканист Ш. Ходак³⁴. «Велика была их роль, — продолжает автор, — в поддержании общественной дисциплины и порядка... Одной из важных функций этих организаций был контроль за системой власти, деятельностью королей и вождей, ограничение их автократизма. Эти объединения выступали также в качестве институтов правосудия (конечно, не в смысле современной юстиции) и как средство обеспечения соблюдения обычаев»³⁵.

Ж. Сюре-Каналь, признавая, что эти внеродственные объединения периода интенсивного разложения первобытнообщинного строя выполняют функцию публичной власти, добавляет следующее: «Власть эта используется для контроля над соблюдением обычаев, но она может быть направлена и на закрепление обычаев, выгодных высшим должностным лицам, с целью замены первобытной демократии геронтократией (господством стариков)»³⁶. Единственно, что в приведенной фразе определенно вызывает сомнение, это абсолютизация одного из возможных вариантов крушения основанной на кровном родстве первобытной демократии.

Публичная власть, начавшая отделяться (в рамках внеродственных мужских и тайных союзов) от основной массы населения, первоначально лишь карала нарушение обычаев и брала на себя труд их толкования. Технически примитивный аппарат связи обуславливал то, что власть распространилась лишь «на сравнительно узкие границы и узкий круг действий»³⁷. Если внешняя функция публичной власти, помимо родоплеменных военных акций, осуществлялась через систему традиционных организаций-клубов типа ацтекского «союза орлов» из самых смелых и удачливых воинов³⁸, то ее внутренние функции подавления начинались с интерпретации родовых традиций и обычаев, применения соответствующих санкций за отступление от установленных норм. «В древности, —

³² С. А. Токарев, Указ. раб., «Сов. этнография», 1933, № 3—4, стр. 81.

³³ Там же.

³⁴ Sr. Chodak, *Struktura systemów politycznych «charnej» Afryki*, «Państwo i prawo», Warszawa, 1962, № 3, s. 416.

³⁵ Там же, стр. 416, 417.

³⁶ Ж. Сюре-Каналь, Африка Западная и Центральная, стр. 98.

³⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 74.

³⁸ См.: Р. В. Кинжалов, Ацтекское золотое грудное украшение, К вопросу о ювелирном искусстве древней Мексики, «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XIX, Л., 1960, стр. 217—219.

писал Ф. Энгельс, — вся публичная власть в мирное время была исключительно судебной властью»³⁹.

Будучи в значительной мере освобожденными от кровнородственных связей, тайные ритуальные организации (так же, как в регионах с интенсивной инкорпорацией иноплеменников — «чужие» и нередко даже рабы) особенно удобны в качестве складывающегося средства социального принуждения по отношению к объединенным кровнородственными узами «своим».

«Как и на Новой Британии, мужские союзы на о-вах Банкс, — по свидетельству С. А. Токарева, — местами почти заменили собой вождей в качестве органов власти. Можно было быть наследственным вождем; но если вождь не занимал высокого ранга в Сукве и Тамате, он не имел и малой доли того веса и власти, каким располагали члены высших рангов в этих союзах. Только заняв в них высокое место, вождь получал подлинную власть»⁴⁰.

Приведенный выше тезис Ф. Энгельса дает объяснение тому факту, что наибольшего развития достигли те из ритуальных организаций, которые трансформировались в своего рода тайные судебные коллегии и трибуналы. В Сьерра-Леоне ритуальное общество Пурра играло именно такую роль по отношению ко всем племенам, с которыми оно было связано. Одной из его важнейших функций было взыскание долгов и наказание неисправных должников, другой — подавление межплеменной розни. В выполнении акций второго рода «мощный карательный аппарат» составляли все члены Пурра нейтральных племенных групп, которые ночью, вооруженные и одетые в устрашающие маски, нападали на деревню виновного племени. Половина награбленного имущества шла в казну Великого Пурры и на вознаграждение участников нападения, другая половина — на возмещение ущерба племени, «обиженного» жертвой расправы⁴¹. Превентивные меры против местнических тенденций родовой верхушки с целью «расчистки» торговых путей к побережью океана, а также взыскания долгов с помощью «замаскированных сыщиков» осуществляло тайное ритуальное общество Эгбо («Пантера») в Камеруне. «Даже старейшины племени, — отмечает Г. Шурц, — оказываются бессильными если только они не занимают соответствующего ранга в союзе Эгбо»⁴², причем право перехода в более высокий ранг нередко можно купить.

Словом, налицо тенденция слияния родовой верхушки с руководством тайного ритуального братства. Впрочем, более рельефно она, пожалуй, проявляется в деятельности мощного межплеменного тайного общества Мумбо Джумбо у мандинго. Наряду с регулированием межплеменного сотрудничества, его задачей был контроль за соблюдением обычаев и охрана тем самым привилегий родовой верхушки. Последней удалось проникнуть в руководство тайного братства и «помириться» с ним, подчинив его своему влиянию. В целом же анализ судебных и карательных функций тайных ритуальных организаций свидетельствует о том, что последние, как правило, стоят на страже интересов складывающихся крупных собственников и лиц, сосредоточивающих в своих руках посреднические и обменные функции, обеспечение и охрану безопасности торговых путей, пролегающих по территории многих племен и т. п. Так формируется их классовая направленность.

Вместе с тем было бы ограниченным и не соответствующим действительности представление о ритуальных тайных обществах как лишь о послушных орудиях в руках племенной верхушки. Это только один аспект

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 336.

⁴⁰ См. «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 456.

⁴¹ См.: С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 312, 313.

⁴² См.: Г. Шурц, Указ. раб., стр. 138, 139, а также «Народы Австралии и Океании», стр. 452.

их сущности. Другой, противоположный, аспект заключается в том, что простые труженики получили в них и надолго сохранили готовую форму сплочения и сопротивления эксплуатации, причем форму, сравнительно свободную от узко локальных и кровнородственных ограничений.

Это неоднократно подтверждала история. Движение карматов и восстание Мукадды, потрясшие в IX в. Ближний и Средний Восток, широко опирались на сохранившиеся в труднодоступных районах тайные ритуальные братства. Огромное влияние на местное население тайных братств оживило эти социальные движения и придало им глубоко народную окраску. «Первобытный тайный союз карматов, связанный с фратрией змеи, пережив в глуши деревень, в глубине архаических сельских общин ахеменидскую, парфянскую и сасанидскую эпохи, вышел в IX веке, разбуженный громом великой войны рабов, из недр забвения и стал мощным оружием в руках восставших во имя первобытнообщинного прошлого древних общин земледельцев»⁴³.

* * *

Признание принципа взаимообусловленности кровнородственных и функционально-корпоративных организаций открывает путь к анализу остающихся еще в тени аспектов зарождения социальной борьбы в глубоких недрах истории, в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классово-антагонистическому обществу. В свою очередь, изучение этих аспектов приносит новые подтверждения чрезвычайно важному и отнюдь не лишнему актуальности выводу Ф. Энгельса о том, что даже в самых мирных, «хозяйственных» формах, переход от первобытнообщинной формации к классово-антагонистическому обществу (как и всякий вообще переход от одной общественно-экономической формации к другой) неизменно предполагает применение насилия одних общественных групп по отношению к другим и никогда не может быть ничем иным, кроме как социальной революцией.

ON THE NATURE OF SOCIAL LINKS IN THE TRANSITION PERIOD FROM THE PRIMITIVE SOCIETY TO CLASS SOCIETY

The interaction of different systems of social organization and social control in the transition period from the primitive society to antagonistic class society is analyzed in the article. The social processes of the period are investigated as well as the interrelation between age societies, men's clubs and secret societies. Since these are in many ways the opposite of organization by blood kinship, research into their interaction helps to gain a nearer approach to the problem of the origin of antagonistic class society.

⁴³ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 336.

Л. С. Толстова

ДРЕВНЕЙШИЕ ЮГО-ЗАПАДНЫЕ СВЯЗИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ КАРАКАЛПАКОВ

Изучение сложной проблемы этногенеза каракалпаков, сравнительно небольшого тюркоязычного народа, живущего в основном в низовьях Амударьи, в пределах Каракалпакской АССР, впервые было поставлено на научную почву лишь в советский период¹. В советской исторической этнографии при изучении проблемы этногенеза народов исследователями привлекаются данные ряда смежных дисциплин — истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики, причем современные исследования в области этногенеза основываются на марксистском положении о формировании народностей и наций как исторически сложившихся общностей, в состав которых на протяжении истории входят различные племена и народности, местного происхождения и пришлые.

На вопросах этногенеза каракалпаков в той или иной мере останавливались в своих работах ряд исследователей — П. П. Иванов, С. П. Толстов, Т. А. Жданко, А. С. Морозова, Н. А. Баскаков, А. И. Ярхо, Т. А. Трофимова² и др.

На основании многолетних археологических и этнографических исследований, с привлечением всей совокупности данных смежных наук, С. П. Толстов создал концепцию происхождения и формирования каракалпакского народа, у истоков этногенеза которого, по его мнению, лежали сако-массагетские племена Приаралья (VII—II вв. до н. э.)³. Этнографические исследования Т. А. Жданко подтвердили наличие в этногенезе каракалпаков сако-массагетских, огузских и печенежских слоев, а также значительно углубили изучение более поздних этапов этногенеза каракалпаков, выявив в нем связи со средневековыми канглами, кыпчаками, монголами и Ногайской Ордой⁴.

¹ См.: Т. А. Жданко, Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии), Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1964, стр. 8, 9.

² П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, «Материалы по истории каракалпаков», «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1935; А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков (К вопросу этногенеза), канд. дис., Ташкент, 1954; Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 98; А. И. Ярхо, Антропологический тип каракалпаков, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее ТХЭ), т. I, М., 1952, стр. 585—599; Т. А. Трофимова, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, М., 1959.

³ С. П. Толстов, К вопросу о происхождении каракалпакского народа, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. II, М.—Л., 1947; его же, Города гузов (историко-этнографические этюды), «Сов. этнография», 1947, № 3; его же, Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике Восточного Приаралья), «Сов. этнография», 1950, № 4; его же, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, и др.

⁴ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IX, М.—Л., 1950; его же, Каракалпаки Хорезмского оазиса, ТХЭ, т. I, М., 1952; его же, Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии), ряд разделов в «Очерках истории Каракалпакской АССР», т. I, Ташкент, 1964, стр. 79—104, 117—133, и др.

Эта концепция происхождения каракалпакского народа не встретила в научной литературе существенных возражений. Однако нам представляется возможным значительно углубить во времени некоторые линии каракалпакского этногенеза, выявить в нем компоненты, восходящие к отдаленной древности. При этом нам придется вновь и вновь обращаться к трудам того же С. П. Толстова, к положениям, гипотезам, высказанным им в другой связи и по другому поводу и не увязываемым им самим непосредственно с этногенезом каракалпакского народа. В этой статье мы остановимся лишь на древнейших юго-западных связях в этногенезе каракалпаков, не касаясь других, относящихся к их этногенезу материалов, которые могли бы послужить темами отдельных работ. Разумеется, исследуемые нами здесь линии каракалпакского этногенеза не исключают других направлений их этногенетических связей, как древних, так и средневековых. Следует также добавить, что вопрос о древнейших юго-западных связях (с Передней Азией, Ираном), древнейших переднеазиатских компонентах касается не только этногенеза каракалпаков, но и не в меньшей степени этногенеза хорезмских узбеков — наиболее прямых потомков древнехорезмийского населения, а также, по-видимому, и туркмен⁵.

Наиболее яркой реликтовой группой в составе каракалпаков являются *мюйтены* (*müjten*). Автор данной статьи во время работы в Каракалпакском филиале АН УзССР в течение ряда лет занимался изучением вопроса о происхождении и этнической истории этого древнейшего каракалпакского племени⁶. Нами были проведены экспедиционные исследования среди каракалпаков-мюйтенгов в Каракалпакской АССР (Тахтакупырский и Муйнакский районы), а также на Зеравшане, среди связанных с ними общностью происхождения узбеков-митанов (Иштыханский и Нуратинский районы Самаркандской обл.). В разных местах обитания мюйтенгов был собран значительный материал, характеризующий их интереснейший и уходящий в глубь веков исторический фольклор, материальную и духовную культуру, обычаи, прежние родовые деления, самосознание, этнические процессы, происходящие в местах их расселения в прошлом и теперь. В процессе обработки и анализа полевых материалов нами привлекались также данные смежных дисциплин — антропологии, археологии, лингвистики, имеющие отношение к исследуемым вопросам, сведения ряда древних и средневековых письменных источников. Предварительные результаты наших исследований были опубликованы в ряде статей⁷. В настоящей работе наши прежние высказывания подытожены, существенно развиты и дополнены.

⁵ Отдельные высказывания об этом имеются в историко-этнографической литературе, см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 197, 198, 221; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81, 82; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 31, 60—64 и др.

⁶ Мнение о том, что племя мюйтен является древнейшим среди каракалпакских племен, высказывала в своих работах (указ. выше) и Т. А. Жданко. Однако этногенез мюйтенгов уходит, по-видимому, значительно дальше в глубь веков, чем это до сих пор предполагали исследователи.

⁷ Л. С. Толстова, А. Утемисов, Уточнение некоторых вопросов этногенеза каракалпаков, «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР» (далее «Вестник КК ФАН УзССР»), 1963, № 2; и х же. Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков, «Вестник КК ФАН УзССР», 1963, № 4; Л. С. Толстова, К вопросу о закавказско-переднеазиатских связях в этногенезе каракалпаков (мюйтены), «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 3; е е же, Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области (К вопросам этногенеза), «Вестник КК ФАН УзССР», 1966, № 4; е е же, Данные исторического фольклора и топонимии о происхождении этнографической группы «митан» (по материалам экспедиции на средний Зеравшан), «Вестник КК ФАН УзССР», 1968, № 2.

Предположения о древнейших переселениях в IV—III тысячелетиях до н. э. с юга и юго-запада, из областей Иранского нагорья в южную Туркмению и в низовья Амударьи, а также о различных связях между населением этих областей уже высказывались археологами⁸. А. В. Виноградов, развивая выдвинутое С. П. Толстовым положение о южных связях кельтеминарской культуры, на большом археологическом материале обосновывает точку зрения о том, что неолитическая культура Хорезма своими корнями глубоко уходит в неолитические и мезолитические культуры южных областей — Ирана и Передней Азии, с которыми она генетически тесно связана⁹. Это позволило выдвинуть гипотезу о первоначальном заселении человеком Хорезмского оазиса с юга — в IV тысячелетии до н. э. (а возможно и ранее, в VI—V тысячелетиях до н. э.)¹⁰. Разумеется, южное происхождение микролитойдной кельтеминарской культуры не исключало ее тесных культурных связей с единовременными культурами Урала, Прикамья, Приобья, Южной Сибири, нижнего Поволжья.

Антропологи также фиксируют значительное перемещение каких-то групп населения на территорию южной Туркмении (Кара-Депе, Геоксюр) с территории Ирана в IV—III тысячелетиях до н. э.¹¹. В южном Приаралье черепа восточносредиземноморского типа, по-видимому, впервые фиксируются антропологами для периода бронзового века (II тысячелетие до н. э.), в памятнике Кокча-3 (более ранние черепа здесь пока не обнаружены)¹². Наряду с преобладанием восточносредиземноморского типа, в древнем и раннесредневековом Хорезме антропологи отмечают и представителей переднеазиатского типа. Такого, например, изображение на монете хорезмийского царя Африга (IV в. н. э.), о котором Т. А. Трофимова пишет: «Короткая, как бы срезанная в области затылка голова, характерная для хеттских изображений, воспроизведена на монете «Африга»..., где при этом дан огромный выпуклый нос с опущенным кончиком. Это изображение может быть оценено, как портрет человека переднеазиатского типа, возможно с искусственно деформированной головой»¹³. Наличие среди населения Хорезма представителей

⁸ В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4; его же, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, и другие работы; И. Н. Хлопин, К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана, «Сов. этнография», 1960, № 5; В. И. Саринди, Тайны исчезнувшего искусства Каракумов, М., 1967; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 66; А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1; его же, Неолитические памятники Хорезма, М., 1968.

⁹ Подобное же мнение относительно вопросов генезиса кельтеминарской культуры долины Зеравшана высказывается в книге Я. Г. Гулямова, У. Исламова, А. Аскарлова «Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана», Ташкент, 1966, стр. 103, 109—112.

¹⁰ А. В. Виноградов, Указ. работы; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, стр. 178, 179 и др.

¹¹ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург, Антропологический состав населения южной Туркмении в эпоху энеолита, «Труды ЮТАКЭ», т. X, Ашхабад, 1961, стр. 487.

¹² Т. А. Трофимова, Черепа из могильника тазабагыбской культуры Кокча-3, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5, М., 1961. Следует напомнить, что характерными представителями восточносредиземноморского (или закаспийского) типа (с некоторой примесью монголоидных черт) являются туркмены, что неоднократно отмечалось исследователями (Л. В. Ошанин, Тысячелетия давность долихоцефалии у туркмен и вопрос о ее происхождении, «Русский антропол. журнал», т. 14, вып. 1—2, 1925; его же, Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа, «Труды ЮТАКЭ», IX, Ашхабад, 1959). К этому же типу относятся, в основном, узбеки южного Хорезма, не сохранившие родовых делений. Эти антропологические особенности весьма ярко свидетельствуют о направленности древних этнических связей предков этих народов.

¹³ Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2, ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 605.

переднеазиатского типа еще более четко определяет некоторые направления этнических связей населения этой области¹⁴.

В связи с этим очень интересно изучение антропологических признаков зеравшанских узбеков-митанов и амударьинских каракалпаков-мюйтен, которых мы рассматриваем как потомков представителей древнейших переселений. Антропологический тип зеравшанских митанов представляет значительный интерес в качестве этногенетического признака. Л. В. Ошанин определял антропологический тип узбеков бывшего рода митан района Кермине (ныне Навоийнский район Бухарской обл.) с выступающим арменоидным носом и обильным ростом третичного волосяного покрова как переднеазиатский, ассириодный¹⁵. Среди узбеков-митанов Самаркандской области также встречаются характерные представители переднеазиатского типа. Что касается узбеков-мюйтен Кунградского района Каракалпакской АССР и каракалпаков-мюйтен Тихтакупырского и Муйнакского районов, то и среди них явственно можно проследить черты переднеазиатского типа, хотя и несомненно в смешении с монголоидными признаками¹⁶. Согласно последним антропологическим исследованиям, среди каракалпакских племен мюйтены по совокупности признаков занимают первое место по нарастанию европеоидных черт (второе место занимают конграты, а наиболее монголоидны — ктаи)¹⁷. Принадлежность предков мюйтен к переднеазиатскому антропологическому типу нашла отражение в легендах мюйтен о происхождении их от библейского Ииса (Исава), все тело которого было покрыто волосами, а также в народной этимологии названия мюйтен, как «мой тан» (тадж. муй, тан, перс. муй тән) «волосатое тело», «тело, покрытое волосами»¹⁸.

Одним из этнографических признаков, уводящих этногенез мюйтен в наибольшую древность (по-видимому, более отдаленную, чем самих этноним) и доживающих до недавнего прошлого, является, на наш взгляд, распространенная в старину у мюйтен амударьинской и зеравшанской групп особая форма бороды, раздвоенной снизу. По этому признаку зеравшанские и каракалпакские мюйтены еще в начале XX в. узнавали друг друга¹⁹. Такая же форма бороды в древности была распространена у некоторых народов Переднеазиатского Востока, например, в древнем Шумере, со времени подчинения его аккадцам (III тысячелетие до н. э.)²⁰. Такая же раздвоенная форма бороды отмечается на статуэтках (переднеазиатского антропологического типа) ранних земледельцев южной Туркмении (Кара-Депе близ Ашхабада, III тысячелетие до н. э.)²¹. Эти аналогии говорят о том, что линии этногенетических

¹⁴ Напомним, что переднеазиатский антропологический тип был характерен, в частности, для населения Армянского нагорья.

¹⁵ Л. В. Ошанин, В. И. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 16.

¹⁶ Вследствие смешения с окружающими этническими группами у зеравшанских митанов, наряду с переднеазиатским, представлен также памиро-ферганский антропологический тип, а у каракалпаков-мюйтен — и южносибирский (черты этих типов встречаются и в смешанном виде).

¹⁷ Н. Рысиназаров, Проблема происхождения каракалпаков по данным антропологии, рукопись канд. дис., Нукус, 1969, график (составлен по методу Г. Ф. Дебеца, при его участии).

¹⁸ См. У. Кусекеев, Этнография Каракалпакской АССР, рукопись, 1933, стр. 19 и др. (Архив Каракалпакского филиала АН УзССР), а также полевые записи автора № 12, 16, 17 и др. за 1962 г. (хранятся в Архиве Каракалпакского филиала АН УзССР). Небезынтересно отметить, что по данным антропологических исследований, среди каракалпаков более сильный рост бороды по сравнению с другими группами зафиксирован у мюйтен и конгратов Муйнакского р-на (см. Н. Рысиназаров, Указ. раб.).

¹⁹ Полевые записи автора № 11, 17 и др. за 1963 г., № 10 за 1962 г. и др.

²⁰ S. N. Kramer, History begins at Sumer. Twenty-seven «First» in Man's recorded history, New York, 1959, pl. 13, 17.

²¹ И. Н. Хлопин, К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана, «Сов. этнография», 1960, № 5.

связей мюйтенов возможно восходят к III тысячелетию до н. э., и направление этих связей ведет здесь на Переднеазиатский Восток через территорию южной Туркмении.

Очень древние южнотуркменистанско-переднеазиатские аналоги обнаруживают некоторые элементы каракалпакского орнамента на ковровых изделиях. Например, одним из элементов каракалпакского орнамента является весьма распространенный мотив креста с расширяющимися крестовинами или закругленными концами, часто заключенного в медальоны ромбической или восьмигранной формы, а также различные варианты многоступенчатых пирамидок. Такие фигуры мы находим на ковровых изделиях хорезмских, самаркандских, ферганских и бухарских каракалпаков²². А. С. Морозова писала: «Своеобразные детали каракалпакского креста с широкими крестовинами и закругленными концами выделяют этот узор из традиционной орнаментики народов Средней Азии. Совершенно точная аналогия этого узора прослеживается в орнаменте отдельных народов Кавказа (дагестанцы, хевсуры) и в древних памятниках Триполья и Передней Азии»²³. Ею приводятся изображения подобных крестообразных фигур с рельефа ассирийского царя Саргона II в Хорсабаде (VIII в. до н. э.), орнамент ткани переднеазиатского происхождения из II Пазырыкского кургана (V в. до н. э.), орнамент на рукаве женской хевсурской одежды — наряду с примерами народного орнамента каракалпаков. Подобные же узоры отмечаются В. И. Сарияниди на керамике геоксюрского стиля (конец IV тысячелетия до н. э.) и коврового стиля (III тысячелетие до н. э.), которая принципиально отличается от керамики предшествующего периода тем, что в построении орнаментальных схем выделяется основное центральное изображение — чаще всего крестообразная фигура²⁴. В. И. Сарияниди находит аналогии этой орнаментике в древнейшем пиктографическом письме Шумера и Элама, где эти знаки имели не только декоративное, но и смысловое значение. «Целый комплекс других данных, — пишет В. И. Сарияниди, — позволил выдвинуть предположение, что в конце IV тысячелетия до н. э. ... из района древнего Элама какая-то группа племен проникла в юго-восточную Туркмению»²⁵.

Если мы вновь вернемся к археологии Приаралья, то здесь исследователями, помимо древнейших южных связей в период неолитической кельтеминарской культуры (IV—III тысячелетия до н. э.), о которых мы говорили выше, прослеживаются новые южные влияния в период бронзового века (камышлинский этап суярганской культуры). С. П. Толстов и М. А. Итина считают, что это связано с проникновением с юга в Приаралье в начале II тысячелетия до н. э. новых этнических групп, исторически связанных с областями Иранского нагорья и прилегающих стран²⁶.

Представляет несомненный интерес, что древнехорезмийская историческая традиция, сохраненная в трудах ал-Бируни, начало древнейшего хорезмийского летоисчисления возводит к приходу с юга мифического ос-

²² Т. А. Жданко, Народное орнаментальное искусство каракалпаков, ТХЭ, т. III, М., 1958, стр. 389 и др.; Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века, Нукус — Ташкент, 1963, стр. 203.

²³ А. С. Морозова, Узак. раб., стр. 153; см. также: И. М. Лосева, Искусство древней Месопотамии, М., 1946, стр. 80.

²⁴ В. И. Сарияниди, Тайны исчезнувшего искусства Каракумов, стр. 45, см. также, стр. 81, 82.

²⁵ Там же, стр. 42, 43.

²⁶ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 78; С. П. Толстов, М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1; М. А. Итина, О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы, «Сов. этнография», 1967, № 2.

Среди археологов Хорезмской экспедиции существует два мнения относительно происхождения суярганской культуры. Если С. П. Толстов и М. А. Итина говорят о проникновении суярганских племен с юга в начале II тысячелетия до н. э., то А. В. Виноградов (как и Я. Г. Гулямов) считает суярганскую культуру генетически преемственной кельтеминарской, а для II тысячелетия до н. э. допускает лишь влияния с юга (А. В. Виноградов).

нователя династии хорезмийских царей — Сиявуша — также ко II тысячелетию до н. э., правда, к его второй половине (XIII в. до н. э.)²⁷. На это обращал внимание в своих работах С. П. Толстов, выдвинувший гипотезу относительно связи названия Хорезм с восточными племенами хурритов, продвинувшихся с восточных окраин Иранского нагорья, вниз по Мургабу и Амударье. Согласно его гипотезе, слово «Хорезм» может означать «Земля (страна) народа Хварри или Харри»²⁸.

Вопрос об этнической принадлежности древних пришельцев из Ирана и Передней Азии на территории южной Туркмении и низовьев Амударьи, говоривших на неиндоевропейских языках, необычайно сложен и в настоящее время пока, видимо, неразрешим. Столь же сложен вопрос о происхождении некоторых топонимов и этнонимов, возможно, уходящих своими корнями в доиндоевропейскую эпоху. Если относительно древних языков Передней Азии существует значительная литература, базирующаяся на изучении письменных памятников²⁹, то ничего подобного нельзя сказать о древнейших языках Средней Азии, безусловно, восходящих к доиндоевропейскому периоду. Письменных источников этого времени в Средней Азии не найдено, и видимо, не может быть найдено, так как это был бесписьменный период в истории народов Средней Азии. Между тем, если языки иранской группы (хорезмийский, согдийский и др.), доступные научному изучению, получили распространение в Средней Азии, в том числе в Хорезмском оазисе, в начале II тысячелетия до н. э.³⁰, то появление человека на территории Хорезмского оазиса, как мы уже говорили, относится к значительно более раннему времени, притом первоначальное заселение низовьев Амударьи, видимо, шло с юга, с территории Иранского нагорья, в восточных частях которого обитали группы населения, возможно говорившие на разных доиндоевропейских языках, что еще более затрудняет исследование. И. Н. Хлопин допускает, что в южной Туркмении в III тысячелетии до н. э. обитали племена загро-эламской группы языков (родственные луллубеям, касситам и др.), «поскольку в настоящее время трудно установить восточные границы их расселения»³¹. С. П. Толстов же считал возможным связать происхождение названия Хорезм с племенным названием основателей государства Митанни, сложившегося в северной Месопотамии в

ног р а д о в, Неолитические памятники Хорезма, М., 1968 и другие работы). Мы думаем, что точка зрения о генетической преемственности кельтеминарской и суярганской культур вовсе не исключает возможности появления во II тысячелетии до н. э. новых пришельцев с юга, возможно родственных по происхождению первым переселенцам в Хорезм времен кельтеминара. В дальнейшем развитие этнической и культурной истории Хорезмского оазиса происходило на базе смешения носителей суярганской культуры с проникшими сюда несколько позже (в середине II тысячелетия до н. э.) с севера носителями тазабагтябской культуры степной бронзы (см. указ. выше работы С. П. Толстова и М. А. Итиной). Аналогичная картина прослеживается в заманбабинской культуре бронзового века нижнего Зеравшана (конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.), где также, наряду с местными традициями, обнаруживается очень сильное влияние культуры земледельческого юга Средней Азии и Ирана (Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», 1956, вып. 8; Е. Е. Кузьмина, Могильник Заман-Баба, «Сов. этнография», 1958, № 2; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, Указ. раб., стр. 167, 169). В. И. Сарияниди допускает возможность проникновения сюда в этот период каких-то этнических компонентов из юго-восточной Туркмении (В. И. Сарияниди, Хапуз-Депе как памятник эпохи бронзы, «Краткие сообщения Ин-та археологии», вып. 98, 1964).

²⁷ Абурейхан Бируни, Памятники минувших поколений. Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 47.

²⁸ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 80. Небезынтересно отметить, что на хурритском языке слово *haw* (*u*) *r* означало землю (И. М. Дьяконов, Языки древних народов Передней Азии, М., 1967). Первый элемент топонима Хорезм (Хваризм) мог восходить и к этому хурритскому слову.

²⁹ И. М. Дьяконов, Языки древних народов Передней Азии; Г. А. Меликишивили, Урартский язык, М., 1964; Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, и др.

³⁰ А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, М.—Л., 1941, стр. 7, 11.

³¹ И. Н. Хлопин, Указ. раб., стр. 97.

XVI в. до н. э., — хурритов (Хурри, Харри), и неоднократно высказывал мнение, что «между Хорезмом и Митанни протягиваются достаточно явные нити»³², приводя для подтверждения этой мысли, на наш взгляд, убедительные доводы³³. Сказать, каким был характер связей между Хорезмом и Митанни, с какими историческими событиями связаны переселения тех или иных этнических компонентов, в настоящее время не представляется возможным. Тем не менее, все же стоит обратить внимание на некоторые восходящие к древности этнонимы и топонимы Средней Азии, рассматривая этот круг вопросов на фоне смежных дисциплин и учитывая, что само по себе сходство элементов ономастики может быть и случайным.

Отголосками древнейшего периода в истории Хорезма (а отчасти Средней Азии в целом), по нашему мнению, является этноним *мюйтен* (*митан*), сохранившийся доньше среди названий племен каракалпаков и узбеков Приаралья и узбеков долины Зеравшана, а также значительное количество топонимов с основой *митан*, зафиксированных на левом берегу верхнего Хорезма средневековыми арабо- и персоязычными источниками (Хош-Митан, Ардахошмитан, Мада-Митан)³⁴; в долине Зеравшана (в среднем и нижнем течении) многие из таких названий сохранились и доньше (Митан, Актепе-Митан, Хоштепе-Митан, Урмитан и многие другие). В. А. Шишкин пишет о такой группе названий в Бухарском оазисе: «Бесспорно древними является... большая группа названий на «митан»: Рамитан, Армитан, Наумитан, Синджамитан, Сумитан, Зармитан, Хурмитан (или Хурмайтан)», и далее добавляет: «Следует обратить внимание на то, что все эти названия, без всякого исключения, не объясняются из современных таджикского и узбекского языков (или других языков современного населения Средней Азии), что свидетельствует о *большой древности их возникновения*»³⁵. В. А. Шишкин призывает провести специальное историко-лингвистическое исследование, чтобы выяснить языковую принадлежность и семантику этих названий и тем самым определить древние этнические наслоения в Бухарском оазисе. Представляет интерес замечание средневекового историка Наршахи (X в.), который сообщает, что Рамитан — очень древний город, древнее Бухары, он был раньше центром всей округи и основан за 3000 лет до его, Наршахи, жизни³⁶. Если и не считать эту дату правильной, мнение средневекового историка о чрезвычайной древности этого поселения заслуживает большого внимания.

В связи с рассматриваемым кругом вопросов вызывают интерес также исторические легенды зеравшанских митанов, говорящие о пребыва-

³² С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81.

³³ Помимо ряда аналогий в области материальной и духовной культуры (см. там же, стр. 79, 81, а также «Древний Хорезм», стр. 197, 201—203), он приводит примеры хорезмийско-митаннийских ономастических параллелей: Шаушатар — митаннийское царское имя, Шаушафар — имя хорезмийского царя; Шаукаш (имя митаннийской богини) и Шауш (хорезмийское царское имя); хорезмийско-хеттских параллелей: хатту (хетты) и основа имени среднеазиатского народа массагетов (великие геты), агна — протохеттское «источник, ключ» (по И. М. Дьяконову — из хурритского (арина), см. И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 98) и арна — название канала в современном каракалпакском языке и в хорезмских диалектах узбекского и туркменского языков.

³⁴ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 158, 178, 187, 216 и др. Топоним Митан и ныне существует в районе Хазараспа, на крайнем юге Хорезмского оазиса.

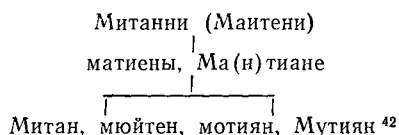
³⁵ В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 28, 29. Автор выдвигает предположение, что слово «митан» в топонимах Бухары и Средней Азии в целом может быть сопоставлено со среднеперсидским «maethana» — «местожительство, дом, фамилия или племя», ср. с новоперсидским мейхен — «родина, семья, родной очаг». Ср. также метан — название селения в согдийском языке (В. А. Лившиц, Иранские языки народов Средней Азии, «Народы Средней Азии и Казахстана», серия «Народы мира, Этнографические очерки», т. I, М., 1962, стр. 138). Если и признать эту трактовку правильной, перед нами здесь опять-таки обнаруживаются южные связи.

³⁶ Мухаммед Наршахи, История Бухары (Тарихи-Бухара). Перевод с персидского Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 24, 25.

нии их предков близ берегов оз. Урмии (Иранский Азербайджан) ³⁷, называвшегося в древности *Ма(н)тиане*.

По северным и западным берегам этого озера, в ряде районов Закавказья, в верховьях рек Аракса и Галиса в VI в. до н. э.—I в. н. э., как свидетельствуют сообщения античных авторов (Геродот, Гекатей, Страбон, Полибий, П. Мела и др.), обитал народ *матиены*, которых исследователи (И. М. Дьяконов, И. Алиев) считают поздними хурритами ³⁸. Этот этноним также отразился в ономастике Хорезма. В Хронике Муни-са и Агехи (XIX г.) близ Хазараспа упоминается местность *Мутиян* ³⁹. В узбекском шежере (родословной), приводимом в работе Ч. Валиханова, в числе предков узбеков названы матиены («*мотиян*») ⁴⁰.

Этноним матиены некоторые исследователи (И. М. Дьяконов, И. Алиев) считают возможным связать с названием древнего государства *Митанни* (*Маитени*) верхней Месопотамии XVI—XIII вв. до н. э. ⁴¹. Мы ставим вопрос, не могло ли здесь изменение элементов ономастики идти по схеме:

О том, что сходство ономастических сочетаний *хурриты Митанни* и *мюйтены Хорезма* («*Земли хурритов*») не случайно, некоторые подтверждения можно найти и в лингвистических материалах ⁴³.

События, восходящие ко II тысячелетию до н. э., о которых мы говорили на предыдущих страницах, нашли своеобразное отражение в ис-

³⁷ Полевые записи автора № 10, 16, 22, 23 за 1963 г.

³⁸ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956, стр. 138; И. Алиев, История Мидии, Баку, 1960, стр. 68.

³⁹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, стр. 352.

⁴⁰ Ч. Ч. Валиханов, Сочинения, т. I, Алма-Ата, 1961. Появление таких элементов в ономастике Хорезмского оазиса может свидетельствовать о том, что наряду с древнейшими переселениями в Хорезм с юго-запада, о которых мы говорили выше, были и более поздние (второй половины I тысячелетия до н. э.) переселения из приурмийского района отдельных групп упоминаемых в античных источниках матиенов.

⁴¹ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., стр. 138; И. Алиев, История Мидии, стр. 68.

⁴² Высказанное рядом авторов мнение о том, что топоним (а следовательно и связанный с ним этноним) митан (мюйтен) — иранского происхождения или восходит к словарному фонду какого-либо другого индоевропейского (например, индоарийского) языка, заслуживает несомненного внимания, но и это не исключает возможной связи его с топонимом Митанни, поскольку, как известно, в этом государстве определенную роль играли индоарийские элементы, что наложило отпечаток на ономастику (в частности, антропонимику), связанную с этим государством (G. Contenau, La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanni, Paris, 1948, pp. 65, 66).

⁴³ Интересны субстратные явления в области фонетики, в частности в мюйтенском говоре каракалпакского языка. У хорезмских каракалпак-мюйтен, так же как и зеравшанских узбеков-митанов (и каракалпак-митанов), обнаруживается ассимиляция «л» после сонорных и некоторых других звуков (маңдай, жанлык вместо маңдай, жанлык). То же можно отметить и относительно диалекта узбеков южного Хорезма (так, они говорят джинни вместо джинли) и некоторых туркменских диалектов. Сходные фонетические явления наблюдались у некоторых народов, входящих в кавказскую языковую семью. Название этнического термина Bental у чеченца-нахичи, переводчика Истахри, «естественно переходит в Bennial». (А. Соколов, Основные этапы истории каракалпак-ов, стр. 71). (В настоящее время лингвисты установили тесные языковые связи хуррит-урартской группы с нахско-дагестанскими языками, особенно с их нахской подгруппой, к которой относятся, в частности, чеченцы. См.: И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 18, 19.) У древних митаннийцев звук «н» также являлся устойчивым фонетическим признаком. Например, как показывают нузийские тексты, вместо lullu (название древнего народа луллубеев) здесь встречается форма pullu «с характерной для них заменой начального l—p» (И. Алиев, О первых племенных союзах на территории Азербайджана, Баку, 1959, стр. 27). В урартском языке также отмечается чередование звуков «п» и «л» — burgalanı от burgapanı (Г. А. Меликишвили, Урартский язык, М., 1964, стр. 27). Возможно, в говоре хорезмских и зеравшанских мюйтен сохранились какие-то фонетические закономерности, оставшиеся у них от их индоевропейских предков.

торических легендах хорезмских и зеравшанских мюйтенов. Нас не должно смущать столь длительное бытование легенд. Низовья Амударьи были своеобразным этнографическим заповедником, оазисом, в силу ряда исторических причин оказавшемся в течение многих веков в состоянии относительной изоляции, что приводило к консервации многих элементов быта и культуры, восходящих порою ко временам глубокой древности. Способствовал этому и такой консервативный тип хозяйства, как полунатуральное комплексное (земледелие, скотоводство, рыболовство), которое было в значительной степени обусловлено природными условиями района. В Хорезме чрезвычайно долго сохранялись реликты древних общественных и семейных отношений, древние верования и столь же древние сказания, отражающие в легендарной форме пути переселения мюйтенов — как мы полагаем, наиболее раннего из составных слагаемых каракалпакского народа, сказания, которые еще в настоящее время фиксируются этнографами. Отголоски столь же древних сказаний доживают свой век в долине Зеравшана.

Легенды зеравшанских митанов говорят о том, что в прошлом у митанов было свое государство. Предания рассказывают о происшедшем в давние времена поголовном истреблении митанов каким-то царем и о новом их распространении от оставшихся случайно в живых двух сыновей одной женщины (в других вариантах говорится об изгнании митанов). Легенды говорят о насильственном переселении митанов с юга, из Ирана, через «Балх-Бадахшан»⁴⁴ в места современного расселения.

Вот некоторые выдержки из легенд, связанные с мотивом изгнания митанов с юга — из Ирана, Балха и др.:

«Митаны, в основном, расселились со стороны Шахрисябза и Кашкадарьи. Они под властью одного царя жили отдельным родом, были красноречивыми, знающими людьми, работали на государственной службе (занимались государственными делами) и хотели захватить все царство. После этого их изгнали».

«...Митаны были очень многочисленным народом (жуда қатта ел)». «Этот народ был изгнан со стороны Балха, так как не понравился царю».

«Действительное место происхождения митанов в Иране. 1600 лет назад (там) были митаны. Где жили митаны, там они пользовались большим авторитетом. За это царь их ненавидел и изгнал»⁴⁵. В качестве места обитания своих предков зеравшанские митаны называют, в частности, район города Тебриза в Иранском Азербайджане, находящегося близ озера Урмия (Резайе).

У хорезмских каракалпаков-мюйтенов, наряду с легендами о северном пути передвижения их предков — с Кавказа, через степи Прикаспия, Едиль (Волгу) и Жайык (Урал), — также отмечается южный, более древний путь, — через «Балх-Бадахшан» (вариант — Таджикистан) и Ташкент⁴⁶. У них тоже есть упоминания в легендах о государстве мюйтенов (чаще местом этого государства называется «Балх-Бадахшан»). Легенда же о поголовном истреблении мюйтенов, имеющаяся и у этой группы, претерпела здесь, в полукочевой среде, значительные изменения и была украшена большим количеством подробностей. Некоторые элементы этой легенды глубоко архаичны. Матерью двух сыновей-близнецов, чудом оставшихся в живых, здесь названа Ак-Шолпан (Белая Ве-

⁴⁴ О мотиве «Балха-Бадахшана» и «Жийдели-Байсуна» в легендах каракалпаков см. ниже.

⁴⁵ Полевые записи автора № 10, 16, 20 и др. за 1963 г. Датировкой, данной в народных легендах, не следует пользоваться, когда речь идет о столь отдаленных временах (более или менее достоверным является счет по поколениям, датирующий события 200—300-летней давности). Здесь же нам следует лишь принять к сведению, что легенды повествуют о событиях весьма отдаленного времени.

⁴⁶ Полевые записи автора № 6, 13, 18 и др. за 1962 г. В легендах хорезмских каракалпак-мюйтенов неоднократно встречаются упоминания об обитании их предков в Шам (Сирии).

нера). Имя этой легендарной прародительницы мюйтенгов даже стало ураном (боевым кличем) их племени⁴⁷.

Очень интересно, что мотив легенд митанов — о пришельцах-изгнанниках с юга — имеет поразительное сходство с легендой о приходе в древний Хорезм хорезмийцев, изгнанных за какую-то провинность «царем Востока» (по Макдиси, X в. н. э.). «... В древности, — сообщает ал Макдиси, — царь Востока разгневался на 400 человек из своего государства, из приближенных слуг (своих), и велел отвести их в место, отдаленное от населенных пунктов на 100 фарсахов..., а таким оказалось место (где теперь город) Кас»⁴⁸ (столица древнего Хорезма, ныне г. Бируни).

С. П. Толстов, комментируя это сообщение Макдиси, замечает, что «в этом рассказе перед нами выступает традиция о смешанном происхождении хорезмийцев, об участии в их этногенезе таких-то пришельцев изгнанников»⁴⁹. Как мы видим теперь, отголоски воспоминаний о предках-изгнанниках с юга сохранялись не только во времена жизни Макдиси, в X в., но сохраняются и ныне, еще тысячелетие спустя, среди каракалпаков-мюйтенгов и узбеков-митанов.

Еще более близкие к сообщению Макдиси и более полные легенды были записаны Г. П. Снесаревым у узбеков южного Хорезма, которые, по общему признанию исследователей, являются наиболее прямыми потомками древних хорезмийцев. Вот некоторые выдержки из этих легенд:

«После Адама все царства земного шара были в руках одного падишаха из царей Кияни⁵⁰. Если человек в чем-нибудь провинился, его заключали в тюрьму, а в день Науруза падишах заставлял их приводить к себе и опрашивал; кто виновен — того казнил, других выпускал. Однажды в тюрьме было очень много заключенных... (Царь сказал визирю:) «Ты, мой любимый визирь..., отведи этих людей в такое место, откуда был бы сорокадневный путь во все стороны и ничего бы в этих местах не было. Выживут те из них, кто не виновен». Ищет визирь такое место. Везде ходил и в конце концов пришел сюда. В то время Дарья текла южнее Куня-Ургенча, это (было) в очень древние времена». И далее, как и в легенде Макдиси, рассказывается, как люди выжили здесь, благодаря тому, что ловили рыбу в Амударье, и дается народная этимология названия Хорезм («Огонь на языке народов того времени назывался „хор“, а рыбье мясо — „разм“. Это означало, что ели рыбу, поджарив ее на огне»). (Записано в 1957 г. в Турткульском районе КК АССР).

Другая легенда о заселении Хорезма беженцами из Ирана и об изменении течения Амударьи была записана этим же исследователем среди узбеков Гурлена⁵¹. Изучение хорезмских узбеков без родовых делений, как показало интереснейшее исследование Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма», вообще очень перспективно для исторической этнографии, в частности для выяснения древнейших южных и юго-западных связей населения Хорезмского оазиса.

Перед этнографами стоит неотложнейшая задача — фиксировать подобные древние предания, стоящие на грани исчезновения, и попытаться дать им научную интерпретацию. В связи с этим хочется напомнить замечательные слова известного этнографа М. С. Андреева: «... на наших глазах в Средней Азии исчезает и в значительной степени уже исчез целый мир прежних многовековых воззрений, мир старого уклада жизни ее народов, многие стороны которого, почти не изменяясь, дошли до нас

⁴⁷ Полевая запись автора № 11 за 1962 г. и др.

⁴⁸ «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. I, М.—Л., 1939, стр. 185.

⁴⁹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 75.

⁵⁰ Кияни (Кеяниды) — легендарные цари Ирана.

⁵¹ Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Г. П. Снесареву, ознакомившему нас с этими интересными легендами.

из глубокой старины и исчезли или исчезают в наши дни. Весь этот быт уходит или ушел в значительной степени незаписанным, неизученным..., что имело бы огромное значение для истории Средней Азии, в особенности для истории ее культуры»⁵². Быть может, не случайно один вариант каракалпакской легенды о мюйтенах, записанной в Ходжейли, говорит о том, что мюйтены издавна жили в низовьях Амударьи, к югу от Куня-Ургенча⁵³, т. е. именно там, где средневековыми путешественниками отмечены города Арда-Хошмитан и Мада-Митан. Детальное толкование обстоятельств, изложенных в этой легенде, еще предстоит исследователям.

В связи с рассматриваемым кругом легенд следует отметить также довольно распространенные (у каракалпаков разных групп, узбеков, казахов) легенды о приходе их из «земли предков *Жийдели-Байсына*». Легенды эти стоят несколько особняком и могут отражать иные пути и иные периоды передвижений предков современных народов. Вопрос о локализации Жийдели-Байсына неоднократно обсуждался, высказывались разные точки зрения по этому вопросу⁵⁴. Мы также приняли участие в этой дискуссии⁵⁵. Изучение материала в последние годы привело нас к заключению, что, видимо, правы те исследователи, которые отождествляют легендарный Жийдели-Байсын с Байсуном в Сурхандарьинской области Узбекистана⁵⁶. Этот круг легенд, видимо, более поздних по происхождению, тоже указывает на пути переселения каких-то компонентов, вошедших со временем в состав каракалпакского и узбекского народов, пути с юга, но уже не через территорию Туркмении и средней Амударьи, а через горные цепи юга Узбекистана, в частности горы Байсун-Тау. Античные историки, писавшие о Бактрии, называют Байсун-Тау «железными воротами на севере»⁵⁷. Это следует понимать, видимо, так, что через Байсун-Тау был выход на север для племен и народов, живших в более южных областях, прежде всего на территориях современных Афганистана и Ирана. Переселившиеся с юга группы, видимо, какое-то время обитали в горах Байсун-Тау, и это оставило неизгладимый след в народных преданиях. Последующее живое общение с оставшимися на Сурхандарье соплеменниками поддерживало эти народные традиции⁵⁸.

Вызывают большой интерес и требуют специального исследования отголоски в каракалпакском фольклоре мотивов, восходящих к истории

⁵² «Памяти М. С. Андреева, Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии», «Труды АН ТаджССР», т. СХХ, 1960, Сталинабад, стр. 9—11.

⁵³ Полевая запись № 3 за 1961 г., сделанная А. Утемисовым в Ходжейлинском этнографическом отряде Каракалпакского ФАН УзССР.

⁵⁴ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 131, 132; К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Амударьи, ТХЭ, т. I, М., 1952; Х. Т. Зарифов, Основные мотивы эпоса «Алпамыш», сб. «Об Алпамыше», Ташкент, 1959, стр. 12.

⁵⁵ Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века, стр. 178—182; Л. С. Толстова, А. Утемисов, Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков.

⁵⁶ Работы Т. А. Жданко и К. Л. Задыхиной, указанные в сноске⁵⁴. См. также этноботаническое исследование С. И. Сагитова «К вопросу о локализации легендарной местности Жийдели-Байсун по данным ботаники», «Сов. этнография», 1968, № 1.

⁵⁷ Г. И. Савицкий, Известия античных писателей о Средней Азии, II, Древняя Бактриана, вып. I, «Труды Самаркандского Гос. пед. ин-та», т. II, Самарканд, 1941, стр. 9.

⁵⁸ У каракалпаков Хорезмского оазиса легенды о приходе из Жийдели-Байсына наиболее полно представлены среди племен арыса Конграт (см. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 131). То же фиксируется этнографами и у узбеков-конгратов дельты Амударьи (см. К. Л. Задыхина, Указ. раб.). Для мюйтенских легенд упоминание Жийдели-Байсына не типично, хотя они знают эту легендарную местность и в ряде случаев упоминают о ней. Однако в ряде мюйтенских легенд говорится о том, что у мюйтенов было царство в «Балхе-Бадахшане», т. е. на территории северного Афганистана и Таджикистана, близкой к местности, упоминаемой в легендах арыса Конграт. Это тем более интересно, что по сведениям информаторов из зеравшанских митанов, в северном Афганистане, близ города Ташкуртан, и поныне живет значительное количество митанов, с которыми еще в начале XX в. зеравшанские митаны поддерживали отношения (полевые записи автора № 4, 5, 28, 29 за 1963 г.).

и культуре древней Ассирии. Так, в «Сказке о женском царстве», записанной среди каракалпаков в 1875 г. Н. Каразиным, говорится: «В далекие времена существовало большое ханство, столицей его был город *Самирам*, расположенный на недоступной высоте»⁵⁹. Здесь явственно распознаются отзвуки широко распространенных в древности легенд об одном из «семи чудес мира» — «висячих садах *Семирамиды*». Прототипом Семирамиды была ассирийская царица *Шаммурамат*, правившая страной в конце IX в. до н. э. и известная своими завоевательными походами и приписываемой ей строительной деятельностью. Легенды об этой царице получили широкое распространение у ряда народов Востока — древних армян, где она была известна под именем *Шамирам*⁶⁰ (в районе озер Ван эти легенды бытовали вплоть до начала XX в.)⁶¹, айсоров, персов. Следы того же предания мы видим в каракалпакской сказке о городе Самирам. Мы полагаем, что имя Самирам в каракалпакском фольклоре не является результатом какого-либо позднего книжного влияния. Мусульманская литература имени Семирамиды не знает.

Образ Семирамиды в религиозно-фольклорной традиции древних народов Переднеазиатского Востока перекликается с образом Иштар, ассирийской богини любви и войны, связанной в представлении древних с культами голубки и рыбы; с этим религиозным образом сливается ставшее легендарным имя царицы Шаммурамат⁶². Обратим еще раз внимание на то, что прародительницей мюитенов считалась *Ак-Шолпан — Белая Венера*. Образ древнеассирийской богини Иштар, у которой много общего в иконографии и в функциях с древнесреднеазиатской Анахитой, ассоциировался также с планетой Венерой. Так что эта линия ассоциаций опять-таки ведет нас к древним религиям Передней и Средней Азии.

Рассмотренные здесь материалы далеко не исчерпывают следов древних переднеазиатских влияний в этногенезе каракалпаков. Об этом же свидетельствуют и некоторые особенности традиционной материальной культуры⁶³, а также ряд своеобразных обычаев и поверий каракалпаков.

* * *

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что наиболее отдаленный период этногенеза народов южного Приаралья, в том числе и каракалпаков, который возможно проследить в настоящее время, видимо, восходит к III—II тысячелетиям до н. э. и связан с проникновением в среду племен, живших ранее в Приаралье, каких-то групп восточнесредиземноморского антропологического типа (возможно, с примесью переднеазиатского), говоривших на том или ином древневосточном неиндоевропейском языке, пришедших с юга и юго-запада, что прослеживается на антропологическом, археологическом, этнографическом, историко-фольклорном и лингвистическом материале. Переднеазиатские этнические компоненты, видимо, восходящие ко второй волне переселений с юга или юго-запада, были растворены среди населения Приаралья, складывавшегося из групп различного происхождения (см. выше).

Сако-массагетские племена Приаралья, явившиеся преемниками носителей более ранних существовавших здесь археологических культур, впитали в себя и эти пришедшие с юга этнические группы.

⁵⁹ Н. Каразин, Сказка о женском царстве, «Древняя и новая Россия», 1875, III; М. О. Косвен, Амазонки, история легенды, «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 42.

⁶⁰ «История Армении Моисея Хоренского. Перевел с армянского Н. Эмин», М., 1858.

⁶¹ И. Орбели, Раскопки двух ниш на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1921, стр. 7.

⁶² «La légende de Sémiramis. Premier Mémoire de Mythologie comparative; par François Lenormant. Associé de l'Académie Royale de Belgique», Paris, 1873.

⁶³ См. А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. (К вопросу этногенеза); е е же, Каракалпакский женский шлемовидный годово́й убор саукеле, «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 200, Исторические науки, кн. 41. Ташкент, 1963.

Видимо, предки каракалпаков в последующие времена консолидировались среди варварских племен периферии Хорезма, в частности в полунезависимом владении *Кердер*, расположенном в дельте Амударьи, и области *Халиджан*, расположенной на южном побережье Аральского моря. Дальнейшие этапы этногенеза каракалпаков детально изучены в работах упомянутых выше исследователей, чью научную концепцию мы дополняем и развиваем.

Изучение более поздних напластований в этногенезе каракалпаков не ведет уже исследователя на Переднеазиатский Восток. Начиная примерно с середины I тысячелетия до н. э. и далее круг исследуемых материалов охватывает в основном — наряду с Приаральем — области Приуралья, Поволжье (нижнее и среднее) и степи Причерноморья.

Материалы по этнографии, историческому фольклору и ономастике, восходящие к средневековому этапу этногенеза каракалпаков (в основном к периоду IX—XVIII вв.), дают явственные свидетельства северо-западных линий связей предков каракалпаков, что неоднократно упоминалось в исторической литературе. Однако и здесь, при более глубоком рассмотрении, можно выявить следы переднеазиатских влияний, а возможно и миграций каких-то древневосточных элементов, позже вошедших в состав населения Причерноморья и Поволжья, в свою очередь связанного с населением Приаралья⁶⁴.

Проблема древнейших переднеазиатско-среднеазиатских связей неизмеримо шире уточнения вопросов происхождения каракалпакского и узбекского народов. Без детальной разработки этой проблемы останутся неясными многие вопросы этногенеза народов Средней и Передней Азии, их исторической этнографии и истории, исторической лингвистики.

Нам хочется еще раз подчеркнуть значение исторического фольклора и восходящих к древности элементов ономастики для восстановления древнейших периодов этногенеза народов, не получивших отражения в письменных источниках⁶⁵. Они подчас могут послужить отправными пунктами исследования, в которые впоследствии должны быть вовлечены все доступные материалы смежных наук, чтобы возможно полнее была восстановлена историческая истина.

ANCIENT SOUTH-WESTERN LINKS IN THE ETHNOGENESIS OF THE KARAKALPAKS

Research into problems of the ethnogenesis of the Karakalpaks, carried out by P. P. Ivanov, S. P. Tolstov and T. A. Zhdanko has not however exhausted the ethnic and cultural links of the ancestors of this small Turkic-speaking people. The author examines ancient south-western links in Karakalpakian ethnogenesis and primarily those of the most outstanding relict group within this people — the Müyten — formerly one of the Karakalpak tribes; these links are traced by materials of ethnography, historical folklore, anthropology and linguistics.

⁶⁴ О древних переселениях переднеазиатских элементов в Причерноморье и Поволжье через Кавказ см.: В. А. Городцов, *Бытовая археология*, М., 1910, стр. 251 и сл.; Т. А. Трофимова, *К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры*, «Сов. этнография», 1949, № 3; О. Н. Бадер, *К вопросу о балановской культуре*, «Сов. этнография», 1950, № 1; П. Н. Третьяков, *Происхождение чувашского народа в свете археологических данных*, «Сов. этнография», 1950, № 3; А. С. Морозова, *Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в.*, стр. 30, 31.

⁶⁵ Среди работ последних лет по исторической этнографии, в которых народные предания широко используются как исторический источник, следует отметить сборник «Фольклор и этнография», Л., 1970, а также работы: Р. Г. Кузев, *К этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. до н. э.* (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд), сб. «Археология и этнография Башкирии», III, Уфа, 1968; В. В. Пименов, «Велсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры», М. — Л., 1965; его же, *Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского Севера СССР*, «Сов. этнография», 1968, № 4; И. К. Федорова, *Фольклорные памятники острова Пасхи как исторический источник*, автореферат канд. дис., Л., 1966, и др.

Н. Г. Волкова

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ С ГОР НА РАВНИНУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII—XX вв.

Горная полоса Северного Кавказа, включающая в настоящее время часть Карачая, Балкарии, Осетии, Ингушетии, Чечни, Дагестана, протянулась по Главному Кавказскому хребту и его отрогам с северо-запада на юго-восток. По материалам экономического обследования 1882 г. в этих областях (за исключением Дагестана) горы составляли свыше 657 748 десятины, причем всего лишь 5445 десятины, т. е. менее 1%, были пригодны для земледелия. Малоземельное хозяйство горца большей частью не обеспечивало его семью в течение всего года хлебом, который население гор вынуждено было покупать у жителей равнин.

Такое положение было характерно для Северного Кавказа в различные исторические эпохи. «В Аварии,—отмечалось очевидцами в начале XIX в.,—грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба, коего недостает на прокормление самих жителей, не только на продажу»¹. Ф. Ган, путешествовавший в конце 1890-х годов по Северному Кавказу, писал, что земли, на которых живут карачаевцы,—это «... крутые каменистые склоны, где каждое удобное местечко отведено под посевы ячменя; последнего хватает только на 2,5 месяца, так что карачаевцам приходится покупать хлеб на плоскости в станицах»². У балкарцев для измерения земельных участков существовали такие меры, как аяк-узун — длина ступни ноги, таш-орун — место под один камень и т. п.³ Душевой земельный надел горца был очень мал. В 1907—1908 гг. в Нальчикском округе он составлял 0,2 десятины, в горной Ингушетии — 0,3 десятины, в Карачае и горной Осетии — 0,4 десятины и т. п. Однако за средними цифрами скрывалась картина далеко не одинакового земельного обеспечения различных слоев населения. Например, в Даргавском обществе Осетии (тагаурцы) безземельные составляли 13,1%, у 13% были участки размером в 300—600 кв. саженей, у 8,1% населения было по 900 кв. саженей и т. п.⁴. По 2 десятины имели лишь 2,1% членов общества. Между тем считалось, что тагаурцы были более обеспечены землей, чем жители других обществ Осетии⁵.

В 1907 г. депутат 2-й Государственной думы от Терской области Т. Эльдарханов утверждал, что для Нагорной полосы характерны «не-

¹ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. 1, Махачкала, 1940, стр. 128.

² Ф. Ган, По долинам Чорока, Уруха и Ардона, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее СМОМПК), вып. XXV, Тифлис, 1898, стр. 52.

³ Е. О. Крикунова, Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период, «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исслед. ин-та», т. XVII, Нальчик, 1960, стр. 125.

⁴ Рассчитано по данным экономического обследования Нагорной полосы Северного Кавказа в 1882 г. (см. Центральный гос. архив Чечено-Ингушской АССР (далее ЦГА ЧИАССР), ф. 32, оп. 1, д. 204, лл. 77—80).

⁵ Б. А. Калоев, Осетины (Историко-этнографическое исследование), М., 1967 стр. 61.

рациональное хозяйство, каторжный труд, отчаянная борьба человека с суровой горной природой, а в итоге полуголодное существование на кукурузном или ячменном хлебе»⁶. Тяжелое земельное положение создавало в горах Северного Кавказа высокий процент избыточного населения. По материалам Абрамовской комиссии в 1907—1908 гг. среди балкарцев он составлял 67%, у осетин 88%, ингушей 89%, среди чеченцев 90%. Вполне понятно, что эта часть населения была вынуждена уходить на заработки или переселяться на равнину.

Статистические материалы начала XX в. показывают наличие зависимости между числом отходников и размером пахотного участка. Например, в Дагестане меньше всего отходников (3,8 тыс. чел.) было зарегистрировано в Кайтаго-Табасаранском округе, где средний душевой надел пахотной земли был 0,36 десятины. Наибольшее число отходников приходилось на Самурский (23,2 тыс. чел.), Гунибский (16 тыс. чел.), Казикумухский (12,1 тыс. чел.) и Андийский (9,4 тыс. чел.) округа. Размер пахотного участка здесь составлял лишь 0,14—0,15 десятины⁷.

Малоземелье было основной причиной переселения горцев на равнину, т. е. в области, где еще имелись свободные земли. Наиболее интенсивно процесс переселения с гор на равнину происходил во второй половине XVIII — первой половине XIX в. У осетин и ингушей этот же процесс связан с образованием русских крепостей Моздок (1763 г.) и Владикавказ (1784 г.), а также ряда селений по р. Тереку, где обосновались переселенцы с гор⁸. Поселение осетин в Моздоке и вокруг него происходило довольно интенсивно: в 1764 г. здесь было более 200 осетин, живших ранее в горах. Вокруг Владикавказа осетины, пришедшие с гор, также устраивали свои селения и «обрабатывали пространые поля»⁹.

В документах конца XVIII — начала XIX в. содержатся упоминания об ингушских селениях Заур и Тимурково на равнине в бассейне рек Терек и Камбелеевки, в частности, при описании дороги от Моздока на Тифлис, проходившей через «Ахловы кабаки, затем через р. Кумбулей и прямо до Заурова...»¹⁰. К 1772 г. относится переселение части карабулаков на равнину в урочище Карасу-Яндырь по р. Осай в месте ее впадения в р. Сунжу¹¹. Тот же процесс происходил и среди чеченцев. В 1778 г. на р. Сунжу передвинулось сел. Алды, в 1779 г. гихинцы поселились на Терек против станции Наурской, а в 1783 г. между Терekom и Сунжей «против гребенских и моздокских станиц» возникли новые чеченские селения¹².

В первой четверти XIX в. равнина вокруг Моздока и Владикавказа продолжала заселяться осетинами¹³. Так, фамилия Кургосовых в 1802 г. около Моздока основала сел. Черноярское. Осетины переселялись к Моздоку также в 1804 и 1811 гг., а в 1813 г. переселенцы с гор образовали сел. Ново-Осетиновское¹⁴. В 1809 г. 780 семей аллагирцев, занимавшихся распашкой земли около Черной речки в 7 верстах от Владикавказа, просили русскую администрацию разрешить им поселиться в этом

⁶ И. Шаипов, Таштемир Эльдарханов, Грозный, 1960, стр. 32.

⁷ Х.-М. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 107.

⁸ П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч. II, СПб., 1869, стр. 13; «Акты Кавказской археографической комиссии» (далее АКАК), т. I, Тифлис, 1856, стр. 81; т. IV, Тифлис, 1870, стр. 894.

⁹ П. Г. Бутков, Указ. раб., ч. II, стр. 195.

¹⁰ АКАК, т. II, Тифлис, 1868, стр. 221; АКАК, т. IV, стр. 805, 902.

¹¹ П. Г. Бутков, Указ. раб., ч. I, стр. 303.

¹² Там же, стр. 122, 258—260; ч. II, стр. 62, 63, 112; о переселении на равнину веянахов см.: Н. Г. Волкова, О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX в., «Изв. Чечено-Ингушского научно-исслед. ин-та», т. VII, вып. 1, Грозный, 1966.

¹³ В. И. Ларина, Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII—XIX вв.), Орджоникидзе, 1960, стр. 79; АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 603.

¹⁴ О переселениях осетин на равнину см. также: Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 59—63.

районе, а группа осетин в 266 чел., жившая по р. Урух, в 1810 г. переместилась на р. Терек. В том же году на равнину переселилось еще 269 дигорцев¹⁵. Еще более интенсивно шел процесс переселения осетин с гор в 1820-е годы, после разделения А. П. Ермоловым Владикавказской равнины на территории соответственно четырем осетинским обществам¹⁶. В эти годы образуются первые поселения куртатинцев (села Суадаг и Фиар)¹⁷. В 1824 г. возникают селения аллагирцев Ардон и Салугардон. Число жителей в них постоянно увеличивалось и в 1864 г. составляло свыше 2 тыс. чел.¹⁸ К середине 1820-х годов на р. Гизельдон переселилось несколько тагаурских фамилий, а через 2—3 года в этих же местах осетины из других горных обществ образовали пять селений: Зароев-аул, Мамсуров-аул, Тегов-аул, Кануков-аул и Кондуховский, которые в 1858 г. объединились в одно большое селение Гизель¹⁹.

Начало заселения ингушами равнины вокруг Назрани относится к 1810—1811 гг. Сюда перешли несколько галгаевских фамилий из сел. Таргим, а также из Хамхинского и Цоринского обществ горной Ингушетии, образовавшие селения Базоркино, Плиево, Насыр-Корт и др.²⁰ К Назрани переселялись также чеченцы и карабулаки. Этим и объясняется пестрый этнический состав некоторых близлежащих селений. Например, в сел. Ендерское, в 3 верстах от Назрани, жило около 500 ингушей, чеченцев и карабулаков²¹.

О передвижении на равнину отдельных дагестанских тохумов свидетельствует пестрый состав большинства равнинных селений Дагестана. Так, аварское сел. Чиркей включало в XIX в. 6 тохумов, вышедших в разное время из различных мест Аварии и Лакии²². «Эти горцы,— отмечалось в 60-х годах прошлого века,—160 лет тому назад вышли из разных мест Аварии, избрали место на левой стороне реки Сулак и поселились на земле, принадлежавшей некогда андреевским князьям...»²³ В сел. Нижний Джунгутай есть квартал Телетль, где живут переселенцы из аварского сел. Телетль²⁴. В Чир-юрте и Шаблухе зафиксированы тохумы из аварских селений Буртунай, Шаблук, Миатлы, Чиди и др., а также тохум Багулазул, возникший из переселенцев-багулалов²⁵. В первой половине XIX в. в Кюринском ханстве, куда входили лезгинские и лакские земли, семьи лакцев, а также целые тохумы нередко переезжали в равнинные лезгинские населенные пункты²⁶. Основной причиной этих передвижений было малоземелье в горах Лакии.

Процесс переселения с гор на равнину подтверждается и дагестанскими преданиями. Например, в сел. Эндери в конце XIX в. имелся квартал Гуэн-аул, жители которого по преданию были выходцами из чеченского сел. Гуни из Ичкерии²⁷. Исторические предания говорят, что часть жителей сел. Аксай происходит из различных мест Аварии и Чечни²⁸. Можно привести множество подобных примеров, однако события, зафиксированные в преданиях, далеко не всегда удается приурочить к определенному времени.

¹⁵ АКАК, т. IV, стр. 456, 460, 464.

¹⁶ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 59, 60.

¹⁷ Там же, стр. 60.

¹⁸ ЦГА ЧИАССР, ф. 32, оп. 1, д. 72, л. 22.

¹⁹ Селение Гизель (или Кизилка) Терской области Владикавказского округа, СМОМПК, вып. XVI, Тифлис, 1893, стр. 1.

²⁰ АКАК, т. IV, стр. 830, 894, 902; т. VI, ч. 1, Тифлис, 1874, стр. 387; т. VIII, Тифлис, 1879, стр. 669.

²¹ АКАК, т. IV, стр. 902.

²² Х.-М. Хашаев, Указ. раб., стр. 223.

²³ И. Бахтамов, Чирка или аул Чиркей, газ. «Кавказ», 1863, № 29.

²⁴ Х.-М. Хашаев, Указ. раб., стр. 223.

²⁵ Там же, стр. 222; 223; С. Ш. Гаджиева, Кумыки, М., 1961, стр. 197.

²⁶ Р. М. Гайдаров, Лексика лезгинского языка, Махачкала, 1966, стр. 195.

²⁷ Н. Семенов, Туземцы Северо-Восточного Кавказа, Спб., 1895, стр. 236.

²⁸ Там же, стр. 239.

Переселения на равнину продолжались и во второй половине XIX в. Вот как описывается очевидцем этот процесс у горных осетин в 80-х годах прошлого столетия: «Переселение с гор на плоскость совершается весьма легко следующим образом. Горец отыскивает невесту из семейства плоскостных жителей и временно поселяется у родственников жены, пробыв в селении год — другой и пользуясь гостеприимством, он без всяких предварительных разъяснений на каком-либо незанятом месте устраивает себе жилище будто бы для родственников своей жены, а потом перевозит свою семью во вновь устроенный дом и окончательно здесь поселяется...», через некоторое время «...переселенцы являются перед обществом и требуют себе пай из общественных земель»²⁹.

В рапорте начальника Терской области за 1880 г. сообщалось, что жители Даргавского общества (христиане) «...в числе 45 дворов, претерпевая крайний недостаток в земле и не имея возможности без покупки хлеба продовольствовать свои семейства в прошлом году приобрели для себя покупку на левой стороне р. Уруха у кабардинцев поручика Ислама и юнкера Ельмурзы Анзоровых землю в количестве 612 дес., примыкающую к участку, отведенному... для безземельных дигорцев и хехесов»³⁰. 119 дворов дигорцев и хехесов в эти же годы образовали свои поселения в 2 верстах от этого населенного пункта, другая их часть была переведена в равнинную Осетию в селения Вольно-Христиановское и Вольно-Магометановское³¹. Часть жителей Дигории, купив землю у кабардинских князей, перебралась в нижний квартал сел. Лескен³².

В Карачае после реформы 1861 г. безземельные крестьяне перешли на новые места в предгорье и образовали ряд селений. Например, безземельные карачаевцы и освобожденные рабы из селений Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук заселили территорию вверх от устья р. Даут до ее середины³³. Вплоть до 1868 г. жителей этого района причисляли к тем из трех селений Большого Карачая, из которых они были родом, и только весной 1868 г. создались два самостоятельных населенных пункта: Даут и Джазлык³⁴. С осени 1867 г. карачаевцы начали заселять правую сторону р. Теберды. Сначала сюда перешло лишь четыре двора, а к весне 1868 г. в этом районе было уже около 100 дворов³⁵. Освобожденные карачаевские крестьяне, нередко не имевшие земли не только для хлебопашества, но и для постройки домов, поселялись также на правой стороне р. Мары. В эти же годы увеличилось число переселенцев с гор в селения у Каменного моста на р. Кубани³⁶.

Таким образом в 1867—1868 гг., кроме трех карачаевских селений Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук, образовались еще три селения — Даут, Джазлык, Тебердинское и три хутора: два на р. Маре и один на р. Кубани. Всего в 1868 г., по данным местной администрации, карачаевцев насчитывалось 15,2 тыс. чел.³⁷, в том числе в основных горных селениях Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук 13,3 тыс. чел. и во вновь образованных — 1,9 тыс. чел.

²⁹ ЦГА ЧИАССР, ф. 32, оп. 1, д. 204, л. 102.

³⁰ Там же, л. 81; Центральный гос. архив Северо-Осетинской АССР (далее ЦГА СОАССР), ф. 12, оп. 2, д. 445, л. 20.

³¹ Там же, лл. 4, 12, 21.

³² Центральный гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее ЦГАОР), ф. 1235, оп. 119, д. 36, л. 25.

³³ Гос. архив Краснодарского края (далее ГАКК), ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 142 об.

³⁴ Там же, лл. 114 об., 143.

³⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 116, л. 75, об.; д. 124, л. 138 об., 142.

³⁶ Там же, л. 139 об.

³⁷ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 143.

После крестьянской реформы на равнину переселялись и балкарцы. В 1873—1876-х годах 458 дворов безземельных жителей балкарских обществ образовали на равнине два новых селения Кашкатау и Гунделен, а несколько балкарских семей обосновались в сел. Хасаут³⁸.

* * *

Вплоть до установления Советской власти на Северном Кавказе земельное положение жителей горной полосы, несмотря на некоторое уменьшение их численности в результате переселений, оставалось крайне тяжелым. Обеспеченность пахотной землей в среднем на душу населения в 1920 г. в ряде горных округов была невелика: в Нальчикском и Назрановском по 0,1 десятины, во Владикавказском — 0,2. В Дагестане, где горы занимают почти 35% территории, наблюдалась высокая плотность населения на удобных землях. Например, в Даргинском и Лакском округах в 1926—1927 гг. она достигала соответственно 119 и 134 чел. на 100 га удобной земли, в Кюринском округе — 54 чел. и т. п.³⁹ Из-за мало-земелья в 1920-х годах многие горцы уходили на сезонные работы. Число отходников в Дагестане в 1928—1929 гг. составляло примерно 34 тыс. чел., причем более всего из Ахтынского (28,7%) и Лакского (23,4%) районов⁴⁰. Жители многих осетинских обществ (Алагирского, Дигорского и Тагаурского), почти не имевшие пахотных земель, также были вынуждены искать дополнительные средства существования: спускаться на равнину (в пределах Осетии она была уже к этому времени перенаселена и земельный фонд ее был невелик), арендовать и покупать небольшие земельные участки⁴¹, батрачить в равнинных селениях или уходить в отход за пределы своей области. Предоставление в 1920-х годах земель беженцам из Южной Осетии и других мест еще более усложнило положение⁴². Примерно такая же картина наблюдалась и в других областях.

Перед Советской властью стояла задача сплошного землеустройства на Северном Кавказе, осуществление которого относится к 1926—1928 гг. Однако уже в 1920 г. были приняты меры по временному обеспечению местного населения землей. Это было необходимо, так как буквально с первых месяцев Советской власти часть безземельных жителей горных областей начала стихийно переходить на равнину. Наряду с распределением частновладельческих земель отрезались земли у наиболее обеспеченных в земельном отношении областей и селений. Так, Карачаю были отданы некоторые равнинные территории Кабарды и Пятигорского района Терского округа. В 1922—1923 гг. в Дагестанскую АССР были включены большая часть Кизлярского округа и Ачикулакский район.

Землеустройство в автономиях Северного Кавказа естественно было тесно связано с переселением жителей гор на равнину. Такого рода миграционные процессы протекали особенно интенсивно в 1920—1930-е годы и привели к образованию целого ряда новых поселений. Так, в Северной Осетии в 1920-е годы на равнине возникли селения Фарн (жители Даргавского, Санибанского, Кобанского ущелий), Нарт (переселенцы-куртатинцы), Красногор, образованный жителями Алагирского

³⁸ ЦГА ЧИАССР, ф. 32, оп. 1, д. 204, лл. 64 об.; «Очерки истории балкарского народа», Нальчик, 1961, стр. 95.

³⁹ Журн. «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 1—2, стр. 2; сб. «Районированный Дагестан», 1930, стр. 7.

⁴⁰ Сб. «Районированный Дагестан», стр. 10.

⁴¹ До революции осетинское население арендовало около 38 тыс. десятин земли в Кабарде, см.: Центральный гос. архив народного хозяйства СССР (далее — ЦГАНХ СССР), ф. 478, оп. 61, д. 198, л. 51; зимние пастбища в Кизлярском окр., земли в Кубанской обл. и т. п. (ЦГА СОАССР, ф. Р-97, оп. 1, д. 338, л. 75).

⁴² ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 61, д. 198, л. 51.

ушелья и др.⁴³ Переселенцы из Южной Осетии создали селения Ногир, Коста, им. Кирова.

В связи с необходимостью землеустройства чеченцев и ингушей Указом Центрального Исполнительного комитета Горской республики от 25 марта 1923 г. земельные наделы станиц Сунженской, Аки-юртовской, Тарской, Фельдмаршальской, Ермоловской, Михайловской, Самашкинской, Кохановской и Закан-юртовской были закреплены за коренным населением Чечено-Ингушетии⁴⁴. В 1920—1924 гг. на этих землях образовались новые селения и хутора: Таузен-юрт, Ахки-юрт, Галгай, Ангушт, Шолхи, Алхасте, Нижний Джерах, хутора Длинная Долина, Кескем, Чернореченский, Яндиева, Патиева, Цороева и др., где поселились выходцы из Цоринского, Хамхинского, Джерахского и Мецхальского обществ горной Ингушетии⁴⁵.

Как уже отмечалось, устройство на равнине безземельных чеченцев частично осуществилось в 1920-е годы за счет передачи им земельных наделов некоторых станиц. К 1926 г. создались три новых поселка: в Самашках, Закан-юрте и бывшей станице Михайловской. Сюда перешли 450 жителей гор, решивших вести хозяйство коллективно⁴⁶. Их примеру последовали жители с. Алхан-юрт, которые также обратились с просьбой дать им землю поблизости от новых поселков, включив их в новое товарищество⁴⁷. Наиболее значительными миграциями были переселения жителей Ножай-юртовского округа в Гудермесский округ Чечни и При-теречные земли Хасав-юртовского округа Дагестана, в частности, на земли ауховских чеченцев. Всего в 1923—1926 гг. на эти территории переселилось до 2,8 тыс. чел.⁴⁸

Однако несмотря на переселение на равнину части жителей гор, проблема землеустройства в Чечне не была решена полностью и в конце 1930-х годов. Сравнение посевных площадей в горах и на равнине показывает слабую земельную обеспеченность горной части (на равнине на 100 чел. приходилось 924 га против 132 га в горах)⁴⁹. Лишь орошение земель в Алханчуртской долине создало необходимый земельный фонд для последующего расселения значительной части жителей гор не только Чечни, но также Ингушетии и Осетии.

В северо-западной части Карачаево-Черкесии в результате предварительных землеустроительных работ, проводившихся в 1921—1923 гг., были образованы новые поселения по р. Уруп и на территории Баталпашинского округа⁵⁰. В 1924—1925 гг. возникли сел. Морх, населенные пункты в бассейне р. Кумы: Учккен, Терезе, Кызыл-Покун, в которых насчитывалось 500 дворов⁵¹. В северной части Хумаринского округа образовались селения Эль-Таркач, Сары-Тюз с населением в 200 дворов, в верховьях р. Аксаут — сел. Красный Карачай (167 дворов), в местности Кичи-Балык возникло селение того же названия. В него перешла часть жителей селений Хурзук и Схауат⁵².

В последующие годы жителями Большого Карачая в равнинных и предгорных территориях были созданы селения Даусуз, Кумыш, Кызыл-Кала, Кяфар-Баши, Кобу-Баши и др.⁵³ На отрезки земель, освободив-

⁴³ ЦГА СОАССР, ф. Р-97, оп. 1, д. 21, лл. 30 об., 34; ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 61, д. 198, л. 52.

⁴⁴ Гос. архив Ростовской обл., ф. Р-2607, оп. 1, д. 24, л. 58 об.

⁴⁵ ЦГА ЧИАССР, ф. Р-138, оп. 1, д. 100, л. 10 об.; д. 110, л. 68; д. 72, л. 12 об.

⁴⁶ Газ. «Грозненский рабочий», 1926, № 268.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГА ЧИАССР, ф. 125, оп. 1, д. 4, л. 9 об.

⁴⁹ Там же, д. 5, л. 22.

⁵⁰ Архив Карачаево-Черкесской авт. обл. (далее Архив КЧАО), ф. Р-288, оп. 1, д. 3, л. 77, 78.

⁵¹ Там же, ф. 316, оп. 1, д. 4, л. 78; Р-317, оп. 1, д. 86, л. 60 об.

⁵² ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 59, д. 39, л. 186 об.; д. 666, л. 30; ф. 478, оп. 55, д. 64, л. 64.

⁵³ Архив КЧАО, ф. Р-307, оп. 1, д. 94, лл. 21, 42, 49, 70; ф. Р-317, оп. 1, д. 28, л. 27.

шихся в сел. Хумаринское и Сары-Тюз, в 1928—1929 гг. переселились карачаевцы из сел. Каменномостского, а в сел. Сары-Тюз также жители сел. Джазлык⁵⁴. Лишь за один 1928 г. общее число переселенцев-карачаевцев с гор на равнину достигло 700 дворов⁵⁵. В период коллективизации переселение на равнину было менее интенсивным, однако для организации механизированного сельского хозяйства в ряде случаев из горных населенных пунктов переселялись целые колхозы (например, в 1933 г. в равнинный населенный пункт Кумыш переселился колхоз из с. Хурзук⁵⁶).

В связи с проведением землеустроительных работ в 1928—1929 гг. в Черкесии была выявлена нехватка земли у населения южной полосы горного Эльбурганского округа, поэтому свыше 1700 жителей из селений Касаевского, Лоовско-Зеленчукского, Бибердовского, Хахандуковского были переведены на свободные земли в северную равнинную часть Черкесии⁵⁷. Переселенцы из Бибердовского и Лоовско-Кубанского (свыше 400 чел.) создали сел. Ново-Абазинское, 239 жителей сел. Хахандуковского обосновались в пос. Ново-Хумаринское, переселенцы сел. Лоовско-Зеленчукского создали сел. Мало-Абазинское и т. п.⁵⁸. Кроме карачаевцев и черкесов на равнину Карачаево-Черкесии в начале 1920-х годов перешла часть эстонцев из сел. Марухо-Эстонского, греков из сел. Хасаут-Греческое и осетин из сел. Георгиевское, образовавших населенные пункты Ново-Эстонское, Ново-Георгиевское и Спарта⁵⁹.

В Дагестане уже в 1920—1922 гг. в результате стихийного переселения горцев на равнину, преимущественно в Хасавюртовском и Махачкалинском округах, возникло 18 небольших поселков⁶⁰. По неполным сведениям до 1924 г. всего стихийно возникло 57 селений (табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав вновь возникших равнинных селений Дагестана (до 1924 г.)*

Округа	Всего селений	Всего хозяйств	В том числе хозяйств		
			чеченских	кумыкских	русских и украинских
Хасавюртовский	19	435	111	274	50
Махачкалинский	19	395	—	362	33
Кизлярский	12	345	—	—	345
Кюринский	5	55	—	55	—
Дербентский	2	18	—	18	—
	57	1248	111	709	428

* По материалам книги А. С. Кириллова, стр. 60, 62.

Кроме того, по планам земельных органов Дагестана было образовано еще 26 селений, в которых к 1928 г. насчитывалось 1623 хозяйства. В их числе: 422 хозяйства даргинцев, 119 хозяйств андийцев, 83 хозяйства аварцев, 65 хозяйств лезгин, 50 хозяйств лакцев и др. Среди названных поселки в Махачкалинском округе: Ленинкент (33 хозяйства), Самуркент (80 хозяйств), Ахундовка (46 хозяйств), населенные преимущественно кумыками, Батрак (20 хозяйств); в Хасавюртовском округе, недалеко от сел. Эндери возникло сел. Кокрек (126 хозяйств) из пере-

⁵⁴ Там же, ф. Р-307, оп. 1, д. 94, л. 67.

⁵⁵ Там же, д. 98, л. 31.

⁵⁶ Там же, д. 106, л. 8.

⁵⁷ Архив КЧАО, ф. Р-316, оп. 1, д. 4, лл. 458, 460.

⁵⁸ Там же, ф. Р-316, оп. 1, д. 4, лл. 458, 460.

⁵⁹ Там же, ф. Р-307, оп. 1, д. 98, л. 81; ф. Р-288, оп. 1, д. 3, л. 79.

⁶⁰ Газ. «Красный Дагестан», 1925, № 84; А. С. Кириллов, Земельная реформа в Дагестане, М., 1928, стр. 60, 62.

селенцев Андийского окр., пос. Акташевский на р. Акташ, сел. Учавлак (54 хозяйства) в Кайтаго-Табасаранском окр.⁶¹

В 1925 г. безземельные аварцы перешли из Аварского округа в местность Гергент-Тала⁶². В местность «Мамай-Кутан» Дербентского района переселилось 60 дворов безземельных даргинцев сел. Урахи. Жители этого горного селения с 1921 г. стали здесь осваивать землю, спускаясь для вспашки, посева, уборки урожая, и возвращаясь после окончания работ снова в горы⁶³. Из-за малярии и неприспособленности к климату равнины урахинцы переселялись сюда частями и лишь на восьмой год на равнину перешли все жители⁶⁴. Даргинцы из горных селений поселялись также в предгорной части Даргинского округа.

Не все переселения тех лет были удачны. Как уже отмечалось, на равнине дагестанцы — жители гор сталкивались с целым рядом трудностей, в том числе с совершенно иными климатическими условиями; у них отсутствовали навыки в использовании новой сельскохозяйственной техники и т. п. Но самым страшным бичом была малярия, из-за которой многие возвращались в горы. К примеру, первые жители сел. Учавлак перешли на равнину еще в 1919 г. и к 1927 г. селение насчитывало 67 хозяйств, но к 1928 г. в нем осталось всего лишь 12 семей, которые летом уходили жить в горы⁶⁵. Из 126 хозяйств андийцев в сел. Кокрек к маю 1928 г. осталось лишь 67, причем семьи обычно жили в горах⁶⁶. Жители Лакского поселка в Хасавюртовском округе также ушли обратно в горы, не выдержав жаркого климата⁶⁷.

Однако несмотря на трудности, переселение на равнину малоземельных жителей Дагестана продолжалось. В период коллективизации за горными колхозами были закреплены земли в равнинных районах, которые использовались преимущественно как зимние пастбища. На этих землях создавались поселки, заселявшиеся колхозниками — членами различных бригад: животноводческой, кормодобывающей и т. п. Подобные поселки-филиалы вырастали в самостоятельные колхозы. Проводилось также переселение горных колхозов целиком на новые земли с помощью государственных кредитов. Наконец, отдельные жители горных поселков переходили в равнинные колхозы, испытывавшие нужду в рабочих руках. Так, жители андийского сел. Гагатль переезжали семьями в пределы Хасавюртовской равнины. Некоторые из этих переселенцев в Хасавюрте и Аксае занялись бурочным производством.

Переселения на Хасавюртовскую равнину происходили и в последующие годы. В 1944 г. здесь был создан Ново-Лакский район, основное население которого составляли лакцы⁶⁸. Рядом с лакцами в эти же годы поселились даргинцы. В 1950-х годах сюда перешли с гор аварцы из сел. Сиух, годоберинцы, хваршины, андийцы, даргинцы из сел. Сулевкент; лезгины высокогорного сел. Куруш создали здесь сел. Новый Куруш⁶⁹. В 1954 г. 76 хозяйств из высокогорного даргинского сел. Кара-Кадани Левашинского района переселились в Бабаюртовский район, где образовали пос. Новое Каре⁷⁰.

⁶¹ А. С. Кириллов, Указ. раб., стр. 91; А. Терджанян, Малярия и земельная реформа в Дагестанской ССР, журн. «Плановое хозяйство Дагестана», 1948, № 10—12, стр. 40, 41.

⁶² Газ. «Красный Дагестан», 1925, № 80.

⁶³ А. Тахо-Годи, Урахинцы на плоскости, журн. «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 9—10, стр. 90—96.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ А. Терджанян, Указ. раб., стр. 40.

⁶⁶ Там же, стр. 41.

⁶⁷ А. Тахо-Годи, Указ. раб., стр. 94.

⁶⁸ Л. И. Лавров, Лакцы, сб. «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 161.

⁶⁹ Г. А. Сергеева, Экспедиционная работа в Дагестане в 1959 году, «Сов. этнография», 1960, № 5; М. М. Ихилов, Новый Куруш, «Сов. этнография», 1963, № 4.

⁷⁰ Газ. «Дагестанская правда», 1965, № 28.

Часть дагестанских переселенцев размещалась в старых равнинных селах. Например, в 1963 г. в сел. Аксай было 370 хозяйств, 210 из них — аварских и андийских, 130 — лакских, 13 — чеченских, 5 — даргинских. В целом в пределах Хасавюртовского и Бабаюртовского районов с 1957 по 1962 г. расселилось свыше 29 тыс. чел., в том числе около 16 тыс. дагестанцев. Был создан 21 населенный пункт. Около Кизляра в течение многих лет поселялись жители гор из Годобери, Гигатли, Гаквари, Бежты, образовавшие сел. Ясная Поляна. Рядом возникло сел. Цветковка, население которого составляли аварцы, даргинцы, ногойцы, армяне, русские, молдаване, осетины⁷¹.

Другая часть переселенцев с гор направлялась в сторону Прикаспийской равнины, куда, в частности, перешли жители двадцати четырех даринских селений, образовавшие в 1957 г. сел. Учавлак около кумыкского сел. Каякент. Между населенными пунктами Каякент и Учавлак возникло сел. Герга⁷². Жители сел. Ялджух (к нему не было даже аробной дороги) переселились под Дербент. Вслед за ними переселенцы из высокогорных селений Мамраш, Ханджал-кала, Бурши-Мака и др. образовали в долине Гюлгеричай четыре лезгинских и одно лакское селение, слившиеся в единый населенный пункт — «Советское»⁷³.

В 1950—1960-е годы на равнину переселялись также карачаевцы. Часть из них обосновалась в Зеленчукском районе в русских станицах и карачаевском селении Кобу-Баши; было также образовано новое карачаевское сел. Ильич, куда в 1958—1965 гг. переехало около 800 карачаевцев. Свыше 2 тыс. карачаевцев живут в настоящее время в сел. Чапаевское, расположенном около гор. Черкесска и почти слившемся с ним⁷⁴.

Миграции с гор естественно приводили к постепенному уменьшению там численности населения. Например, в середине 1960-х гг. в горах Северной Осетии жила лишь 5,3% населения республики. Сравнение статистических материалов 1926 и 1965 гг. по отдельным горным осетинским населенным пунктам подтверждает уменьшение в них числа жителей (табл. 2). Однако в последние годы в некоторых горных районах

Таблица 2

Уменьшение населения горных сел Осетии *

Селения	Население в 1965 г., в % к 1926 г.	Селения	Население в 1965 г., в % к 1926 г.
Дунта	72,1	Лезгор	39,6
Галиат	56,5	Лисри	32,8
Вакац	52,5	Згид	28,5
Задалеск	48,6	Верхний Зарамаг	24,7
Джимара	40,9	Калак	24,6
Данифарс	40,7	Камунта	21,7

* Расчеты сделаны по материалам переписи населения 1926 г. и данным Центрального статистического управления Северо-Осетинской АССР на 1 января 1963 г.

Северной Осетии, в частности в Куртатинском и Даргавском ущельях, в связи с возникновением новых промышленных поселков наблюдается обратный процесс переселения осетин в горы.

⁷¹ Дм. Трунов, Переселенцы, журн. «Дон», 1966, № 6, стр. 138.

⁷² Сведения о современном расселении народов Дагестана в равнинных районах любезно сообщены М. З. Османовым.

⁷³ Дм. Трунов, Указ. раб., стр. 136.

⁷⁴ Эти сведения о современном расселении карачаевцев любезно сообщены И. И. Стронцевым.

Таким образом, на протяжении веков жители гор Северного Кавказа переселялись в равнинные области. Причиной подобных миграций прежде всего, было острое малоземелье, в результате чего хозяйство горца не обеспечивало его семье прожиточный минимум. Карликовые земельные участки горских хозяйств приводили к тому, что часть населения не была занята в течение всего года, особенно в зимнее время, и представляла собой запасы потенциально свободной рабочей силы, в то время как равнина обычно испытывала нужду в рабочих руках. Естественно, что все это толкало жителей гор на поиски дополнительных средств существования, однако отход на сезонные работы обычно не являлся кардинальным выходом из тяжелого экономического положения. Именно этим объясняется систематическое передвижение на равнину избыточного населения горной полосы.

За годы Советской власти в процессе землеустройства автономий Северного Кавказа в равнинной части края переселенцами с гор было образовано много новых селений. При почти полном бездорожье в горах Северного Кавказа, доставшемся в наследство от дореволюционного прошлого, переселение на равнину дало возможность приблизить коренное население к городским и развивающимся промышленным центрам, где нужны были рабочие руки, быстрее наладить культурную и медицинскую работу в селах, обеспечить необходимыми товарами сельское население, улучшить бытовые условия. В последующие годы благодаря строительству ряда каналов (Сулакского, Терско-Кумского, Алханчуртского, Дигорского и др.) были орошены и обводнены земельные пространства, что дало переселенцам возможность создавать экономически более мощные коллективные хозяйства, осваивать и развивать новую технику, новые для них отрасли хозяйства: виноградарство, садоводство, рисоводство.

Не менее значительны в результате переселений на равнину также разнообразные этнодемографические изменения, проявлявшиеся, в частности, в расширении этнических территорий ряда народов: осетин, чеченцев и ингушей, раздвигавших свои этнические границы в течение XVIII—первой половины XIX в., а в советское время карачаевцев, лакцев, даргинцев и др. В связи с этим значительно изменился и этнический состав некоторых областей Северного Кавказа. Например, в пределах Асавюртовской и Прикаспийской равнин вокруг Кизляра поселились аварцы, лакцы, лезгины, даргинцы и др. Возникли новые многонациональные селения, в которых повседневное общение представителей многих народов создает возможность взаимодействия и сближения различных культур и языков, широкого развития двуязычия.

MIGRATIONS FROM MOUNTAIN TO PLAIN IN NORTH CAUCASUS IN THE XVIII—XX CENTURIES

The migrations of the inhabitants of the North Caucasus mountain belt to the plains, which characterize the whole history of North Caucasian peoples, are traced back on the basis of written sources and field data. The main cause of migration from mountain to plains was the land hunger of the mountaineers. The solution of the land tenure problem of the peoples of North Caucasus in the nineteen-twenties (the distribution of land strips from the plains villages among mountaineers) led to extensive migrations to the plains of Ossetes, Ingushes and Karachayevs. In our days migrations from mountain to plain are stimulated mainly by the development of irrigation and intensive urbanisation processes.

Т. И. Алексеева

ЭТНОГЕНЕЗ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

История антропологического изучения славян насчитывает сто лет. Ее начало ознаменовалось выходом в свет замечательного труда А. П. Богданова¹, и с этой поры она неразрывно связана с историей развития всей русской да и зарубежной антропологической науки. Нельзя заниматься историей изучения восточных славян, минуя исследования в области антропологии окружающего их иноязычного населения — западных и южных славян. Нельзя пройти мимо развития методики и методологии антропологических исследований и связанной с этим борьбы различных школ и течений. Эта работа, имеющая самостоятельное значение, под силу историку антропологии, а не исследователю конкретной проблемы. Поэтому отдавая себе отчет в необходимости оценки труда предшественников и в то же время понимая всю сложность этой задачи, я ограничиваю круг рассматриваемых работ по антропологии восточных славян разбором следующих вопросов: что дало изучение антропологического состава славян для суждения об их генезисе, т. е. каковы исторические корни славян в свете данных антропологии; каковы взаимоотношения восточных, западных и южных славян: каковы взаимоотношения славян с окружающим неславяноязычным населением. Эти вопросы, волновавшие исследователей XIX века, не потеряли актуальности и для исследователей XX века. Но последние имеют то преимущество, что в их распоряжении значительно больше материалов, более совершенная методика исследования, больше исторических и археологических данных для определения этнических границ и более определенные представления об антропологическом материале, как историческом источнике.

Все исследователи отмечают антропологическую неоднородность восточных славян. Эта неоднородность выявляется на краниологических материалах, изучение которых дает основание для установления северных, южных и восточных связей при формировании антропологического состава восточных славян. Подтверждается она и изучением современного населения, в котором обнаруживаются черты северных и южных европеоидов, а в некоторых контактных зонах — урало-лапоноидные особенности. На вопрос же о том, каковы причины этой неоднородности, однозначного ответа нет. Т. А. Трофимова² и Г. Ф. Дебец³ видят ее в расовой неоднородности субстрата, на котором формировались как восточные славяне, так и угро-финны. Генетические истоки этих народов, таким образом, едины, проявление одних и тех же антропологических

¹ А. П. Богданов, Материалы для антропологии курганного периода Московской губернии, «Известия Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии» (далее «Изв. ОЛЕАЭ»), т. IV, вып. 1, М., 1867.

² Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 1; ее же, Краниологические данные к этногенезу западных славян. «Сов. этнография», 1948, № 2.

³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948.

типов в славянах и финнах не дает возможности связать с теми или другими определенный комплекс физических особенностей.

Большинство авторов видит причину неоднородности восточных славян в смешении пришлого славянского населения с местным, преимущественно финно-угорским, характеризовавшимся иным антропологическим составом⁴. Особо здесь следует обратить внимание на точку зрения Е. М. Чепурковского относительно «восточного великоруса». Этот комплекс признаков распространен преимущественно в бассейнах Цны и Хопра и является, по его мнению, реликтом древнего финно-угорского населения. В. В. Бунак⁵ связывает наиболее распространенный среди русских антропологический комплекс, так называемую восточно-европейскую расу, с неолитическим населением Восточно-Европейской равнины. Оба автора предполагают, таким образом, что в некоторых современных восточнославянских группах удельный вес древнего местного населения очень велик.

В отношении определения антропологического типа древних славян нет единого мнения.

Это либо светлопигментированный долихокефал⁶, либо светлопигментированный брахикефал⁷, либо темнопигментированный брахикефал⁸. Особое место занимает Л. Нидерле⁹, по мнению которого, «праславяне» не отличались чистотой антропологического типа, их прародина находилась на стыке североευропейской долихокефальной светлопигментированной и среднеевропейской брахикефальной темнопигментированной рас. В формировании антропологических особенностей древних славян большое значение имели процессы их смешения.

Коль скоро ряд авторов признает связь со славянами определенного антропологического типа, то естественно и признание исходной терри-

⁴ Д. Н. Анучин, О географическом распределении роста мужского населения России сравнительно с распределением роста в других странах, «Записки императорского географического общества по отделению статистики», т. VII, вып. 1, Спб., 1889; Н. Ю. Зограф, Антропологические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний, «Изв. ОЛЕАЭ», т. XXVI, «Труды отдела антропологии», т. IV, М., 1892; В. В. Воробьев, Материалы к антропологии великорусского населения некоторых уездов Рязанской губернии, «Изв. ОЛЕАЭ», т. XCV, «Труды антропологического отдела», т. XIX, М., 1899; его же, Великорусы, «Русский антропологический журнал», 1900, № 1; А. Н. Краснов, Материалы для антропологии русского народа, «Русский антропологический журнал», 1902, № 3; Ф. К. Волков, Антропологические особенности украинского народа, «Украинский народ», т. II, Пг., 1916; Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения Великобритании, «Изв. ОЛЕАЭ», т. CXXIV, вып. 2, «Труды антропологического отдела», т. XXVII, вып. 2, 1913; V. Bunak, Neues Material zur Aussonderung Anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd. XXX, Hf. 3, 1932. Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры, ТИЭ, нов. серия, т. 1, М.—Л., 1947; В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. IV, М., 1952.

⁵ Происхождение и этническая история русского народа, ТИЭ, нов. серия, т. 88, М., 1965.

⁶ Н. Ю. Зограф, Указ. раб.; А. Н. Краснов, Указ. раб.; I. Kopernicki, Czaszki ze Skaboszewo pod Mogilnickim, «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», t. III, 1879; его же, Czaszki i kości z trzech cmentarzysk zdobione kolkami Kabłączkowemi; «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», t. VII, 1883; I. Czekański, Wstęp do historii Słowian, Lwowska Biblioteka Sławistyczna, t. II, Lwów, 1927; T. Lehr-Splawinski, O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, Poznań, 1946; I. Schwidetzky, Rassenkunde der Altslawen, Stuttgart, 1938.

⁷ Е. М. Чепурковский, Указ. раб.

⁸ В. В. Воробьев, Великорусы; Д. А. Золотарев, Антропологическое исследование великорусов Осташковского и Ржевского уездов Тверской губернии, «Ежегодник Русского антропологического общества», 1912, № 2; его же, Антропологические данные о великорусском населении побережья Белозера и реки Шексны в пределах Новгородской губернии, Ярославль, 1915; его же, Антропологические данные о великорусах побережья рек Сухоны и Северной Двины, «Ежегодник русского антропологического общества», 1916, № 6.

⁹ L. Niederle, O puvodu slovanu v Praze, Praha, 1896.

тории — «прародины» славян. Наиболее широко ее обрисовал Л. Нидерле. Это территория современной восточной Польши, южная часть Белоруссии, северная часть Украины — Подолия, Волинь и Киевщина с Десной. Остальные авторы (Я. Чекановский, Т. Лерсплавинский, И. Швидецкая) ограничивают зону прародины, но, однако же, вписывают ее так или иначе в круг, очерченный Л. Нидерле. В работах русских и особенно советских антропологов вопросам прародины по сути дела не отводилось места, так как работы последних вышли в период резкой реакции на индоевропейское языкознание со стороны «нового учения о языке», восставшего против проблемы прародины вообще.

Вопрос о том, каково взаимоотношение восточных и западных славян, по данным антропологии, решается опять-таки неоднозначно. Подробно он рассматривается лишь в двух работах — И. Швидецкой¹⁰ и Т. А. Трофимовой¹¹. И. Швидецкая на основании наличия одних и тех же антропологических черт у западных и восточных славян делает заключение о едином исходном типе для всех славян, о последующем их расселении и контактах с неславяноязычным населением. Т. А. Трофимова считает, что исходного типа славян не было, что западные и восточные славяне формировались в тех зонах, где их застают письменные источники. Однако проявление одних и тех же черт в славянских группах различных территорий у нее самой вызывает недоумение.

Наконец последний вопрос — взаимоотношение славян с окружающим неславяноязычным населением. Частично на него уже дан ответ. Связь с иноязычным населением обнаруживается в антропологическом типе славян. У западных славян прослеживается отмеченное Л. Нидерле и И. Швидецкой влияние черт германоязычного населения, у восточных — как показывают данные большинства русских и советских авторов — влияние финно-угров. Очень мало затронуты контакты южных славян с населением Балканского полуострова, а также славянского и балтийского населения. На связь некоторых групп восточных славян с балтами указал В. В. Седов¹². В последнее время появилась работа Н. М. Постниковой¹³ относительно связи болгарского населения с древним фракийским населением Балкан.

Мне кажется, что расхождения между авторами относительно антропологического состава и генезиса славян в значительной мере связаны с недостатком антропологических материалов и обусловленной этим невозможностью объективно оценить степень сходства и различия отдельных групп. Поэтому, одним из условий успешного анализа физического облика восточных славян я считала привлечение всех в настоящее время известных краниологических и соматических данных, относящихся к различным этническим группам Восточной Европы и к различным историческим периодам, а также антропологических материалов по западным и южным славянам и соседящим с ними иноязычным группам.

В основу антропологического анализа было положено изучение географической изменчивости признаков и их трансформации во времени. В качестве «ведущих» признаков рассматривались те, которые имели наибольшую изменчивость и закономерную географическую локализацию. Взгляд на расу, как на динамическую категорию¹⁴ в приложении

¹⁰ I. Schwidetzky, Указ. раб.

¹¹ Т. А. Трофимова, Краниологические данные к этногенезу западных славян.

¹² В. В. Седов, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 3.

¹³ Н. М. Постникова, Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья (К вопросу об этногенезе болгарского народа), Автореферат канд. дисс., М., 1967.

¹⁴ А. И. Ярхо, О некоторых вопросах расового анализа, «Антропологический журнал», 1934, № 3; Г. Ф. Дебец, Расы, языки, культуры, «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938; В. В. Бунак, Раса как историческое понятие, там же; S. Gagn (ed.),

к конкретной этногенетической проблеме диктует необходимость последовательного рассмотрения процесса сложения антропологического состава населения на протяжении ряда эпох и в связи с этим учета возможности эпохальных изменений признаков наряду с историческими этапами формирования народа. В связи с этим рассматривались различные этапы в процессе сложения восточнославянских народностей — время появления их на исторической арене, период консолидации племен в народности и эпоха, когда произошла полная консолидация современных восточнославянских народов¹⁵.

Рассмотрение соотношения максимальных и минимальных групповых средних, а также размаха изменчивости признаков свидетельствует о том, что в эпоху средневековья территория Восточной Европы и Кавказа была ареной взаимодействия этнических групп, характеризующихся различными расовыми чертами.

Изучение географической изменчивости расово-диагностических признаков на этой территории в эпоху средневековья выявило значительно большую их связь с этносом, нежели с территорией. Территориальная вариабильность признаков, как правило, проявляется в пределах одного этноса или близких этнических групп. Подобное явление было отмечено А. И. Ярхо в Узбекистане¹⁶, где географическая локализация, по его мнению, явление вторичное, тогда как этническая — первичное. В Восточной Европе проявляется географическая локализация показателей уплощенности лица и носовой области, но в сочетании с крупными размерами черепа эта особенность обнаруживается лишь у кочевников, а в сочетании с грацильными размерами — у финно-угорских групп северо-запада. Число таких примеров можно увеличить. В нашем случае факт значительной этнической обусловленности признаков в Восточной Европе и на Кавказе в эпоху средневековья свидетельствует об исторической обособленности отдельных этнических группировок. В тех же случаях, когда на территории распространения нескольких этнических групп, как это имеет место в Поднестровье и Волго-Окском бассейне, проявляется географическая, а не этническая локализация признаков, есть основание ожидать общности происхождения.

Оценивая величину изменчивости краниологических признаков на территории Восточной Европы и Кавказа в целом, приходим к выводу, что расообразовательные процессы здесь проявляются в признаках, позволяющих дифференцировать расы первого порядка. Это симотический и дакриальный указатели и угол выступания носа. Изменчивость других признаков значительно меньше и может быть использована для дифференциации более мелких антропологических категорий. Исключение составляют углы горизонтальной профилировки лица, которые несмотря на сравнительно слабую вариабильность имеют строгую этническую и территориальную приуроченность и поэтому позволяют оценивать группы с точки зрения их принадлежности к расовым категориям первого порядка. Следует отметить, что в целом межгрупповая изменчивость признаков на территории Европы и Кавказа определяется степенью внутригрупповой изменчивости этих признаков и более или менее согласуется с ней. Что же касается межгрупповой вариабильности в

Readings on race. Illinois, 1960; F. Hulse, Race as an evolutionary episode, «American Anthropologist», vol. 64, 1962, № 5; В. П. Алексеев, К обоснованию популяционной концепции расы, Сб. «Проблемы эволюции человека и его рас», М., 1968.

¹⁵ Подробные сведения о материалах и цифровые данные см.: «Происхождение и этническая история русского народа», М., 1965, гл. XIII; Т. И. Алексеева, Славяне и их соседи по антропологическим данным, «Anthropologie», В. IV, № 2, Brno, 1966; ее же, Антропологический состав восточнославянских народов и проблема их происхождения, Автореферат докт. дис., М., 1969.

¹⁶ А. И. Ярхо, Указ работы.

пределах отдельных языковых или этнических групп, то здесь не наблюдается согласованной изменчивости, а процессы дифференциации идут по различным признакам. Таким образом, в каждом отдельном случае вопросы сложения группы должны решаться с привлечением для анализа различных антропологических комплексов.

Если отнестись от таксономической ценности признаков, что можно сделать лишь условно, и попытаться сопоставить суммарно изменчивость в группах по всем признакам, то группы по степени изменчивости располагаются в следующем порядке: финно-угры, этнические группы Кавказа, кочевники, балты, славяне, булгары. Судя по показателям изменчивости, восточные славяне более однородны, нежели все этнические и языковые группы Восточной Европы, за исключением булгар.

Это тем более важно, что территория, занимаемая восточнославянскими племенами в эпоху средневековья, широка, и возможности контактов с балтийскими, финно-угорскими и кочевническими преимущественно тюркоязычными племенами были огромны.

Анализ межгрупповой и географической изменчивости признаков в пределах восточнославянских групп позволяет выделить в качестве основных расово-диагностических следующие: угол выступления носа, носовой указатель, скуловая ширина, верхняя высота лица, продольный и поперечный диаметры черепа.

Анализ вариационных рядов перечисленных признаков по всем восточнославянским группам не дал сколько-нибудь заметного отклонения от нормального распределения и не подтвердил смешанности антропологического состава этого населения. Однако попытка

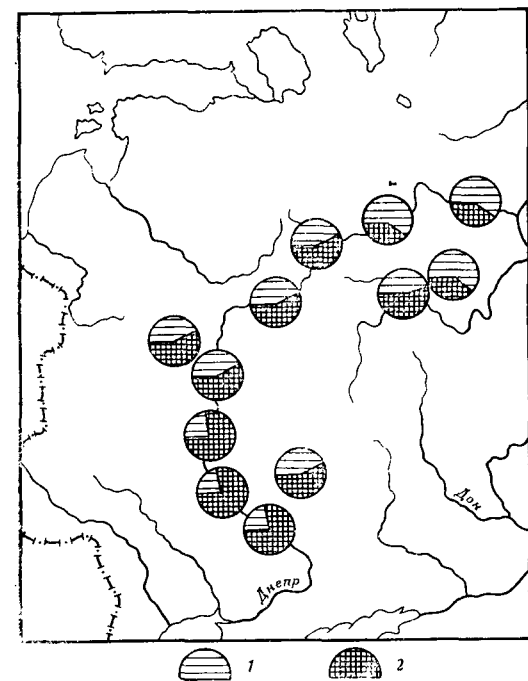

Рис. 1. Соотношение морфологических компонентов в восточнославянском населении эпохи средневековья: 1 — узколикий компонент с ослабленным выступанием носа; 2 — широколикий компонент с сильно выступающим носом

оценить связь между признаками, характеризующими величину черепа, и угол выступления носа у восточнославянских племен, дала интересные результаты. В зоне распространения вятичей, кривичей, дреговичей, радимичей, северян, с ослабленным углом выступления носа связывается тенденция к мезокефалии, меньшие размеры продольного и поперечного диаметра черепа, более узкое лицо, больший зигомаксиллярный угол горизонтальной профилировки, более широкий нос с менее выступающим переносьем. С сильным выступанием носа связан меньший черепной указатель, более крупные размеры мозгового отдела черепа, более широкое лицо, меньший зигомаксиллярный угол горизонтальной профилировки, более узкий нос с высоким переносьем. Процентное соотношение этих комбинаций меняется в зависимости от географической локализации славянских племен на территории Восточной Европы (рис. 1). Так, по направлению к востоку увеличивается процент первой комбинации, по направлению к западу — второй.

Первый комплекс преобладает в крайних восточных группах славян (вятичи, ярославские, костромские, владимирские кривичи) и оказывается характерным для населения Волго-Окского бассейна (Цнинские могильники¹⁷; могильники Сють-Сирми¹⁸, Муранский¹⁹). Длинноголовый, сравнительно широколицый, с сильно выступающим носом комплекс в наиболее чистом виде обнаруживается среди волянян и древлян (наши данные), полоцких кривичей²⁰, в мезокефальном варианте — среди славян Поднестровья²¹. Сходная комбинация антропологических признаков характеризует некоторые балтийские группы — латгалов²², земгалов²³, жемайтов²⁴. Этот комплекс широко распространен среди западных славян²⁵.

Рассмотрение географической изменчивости антропологических признаков в славянских племенах эпохи средневековья позволило очертить в ареале распространения славян зону относительной широколицести, ограниченную с севера Западной Двиной, с запада Вислой, с востока Днепром и с юга Дунаем²⁶. К востоку, западу и югу величина скулового диаметра уменьшается, что связано с влиянием неславяноязычного населения, с которым славяне соприкасаются в контактных зонах. На востоке это узколикие финно-угорские племена Восточно-Европейской равнины, на западе — германские племена, на юге — население Балканского полуострова. Относительная широколицость, локализуемая в центре Европы, проявляется в комбинации с длинноголовостью в северной части этого ареала, в комбинации с более высоким черепным указателем — в южной части. Первый вариант обнаруживается как в славянском, так и в балтийском населении, второй — только у славян. Для выяснения генетических истоков этих вариантов необходимо обратиться к периодам, предшествовавшим появлению славян в письменных источниках. Наиболее полно в антропологическом отношении представлены эпохи неолита и бронзы²⁷.

Примечательно, что и для этого времени антропологическая дифференциация на территории Европы происходит по скуловому диаметру и, в некоторых случаях, по черепному указателю. Большинство западно-европейских групп относится к узколиким формам, особенно это характерно для неолитических племен ленточной керамики²⁸. Из всех восточ-

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР.

¹⁸ М. С. Акимов, Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР, КСИЭ, 1955, вып. XXIII.

¹⁹ Т. И. Алексеева, Череп из Муранского могильника, «Сов. антропология», 1959, № 1.

²⁰ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР.

²¹ М. В. Великанова, К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья, «Сов. этнография», 1964, № 6.

²² G. Knorre, *Kraniologische Untersuchungen an Schadeln aus Skelettgräbern Lettgallens*, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd. 28, 1930; I. Līcis, *Kraniologische Untersuchungen an Schadeln altlettischer Stämme*, Riga, 1939; И. Дайга, Нуклинский могильник, «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. 1, Рига, 1957; В. П. Алексеев, Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР, «Изв. АН Латвийской ССР», 1963, № 10 (195).

²³ I. Līcis, Указ. работы.

²⁴ I. Zilinskas, K. Masalskis, *Senojo geležies periodo Lietuvas gyventojų kaukolių studija*, «Acta Medicinae Facultatis Vylakti Magni Universitatis», vol. IV, fasc. 1—3, Kaunas, 1937; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2, М., 1959.

²⁵ Т. И. Алексеева, Славяне и их соседи по антропологическим данным.

²⁶ Т. И. Алексеева, Славяне и их соседи по антропологическим данным.

²⁷ Сводку краниологических материалов по эпохе неолита и бронзы Европы см.: Т. И. Алексеева, Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения, Докт. дисс., 1969.

²⁸ O. Reche, *Zur Anthropologie der jüngeren Steinzeit in Schlesien und Böhmen*, «Archiv für Anthropologie», N. F., Bd. VII, 1908; A. Schlitz, *Die Vorstufen der nordisch-europäischen Schädelbildung*, «Archiv für Anthropologie», N. F., № 13, 1914; V. Le b-

ноевропейских групп только население трипольской культуры характеризуется узколицестью и в своем генезисе тяготеет, по-видимому, к племенам культуры ленточной керамики²⁹. Хотя возможно, что какой-то этнический компонент, отличающийся узким лицом, вошел в состав южных славян, в частности, болгар. Отмеченный антропологический тип характерен для поздненеолитического населения культуры Боян, оказавшей влияние на развитие трипольской культуры³⁰.

После исключения узколицых форм из предков славян, остается немного серий, которые антропологически и территориально могут быть рассмотрены в связи с ними. Это, во-первых, относительно широколицы долихокраны из прибалтийских районов Германии³¹ и с территории Польши³², примыкающие по своему облику к кругу прибалтийских форм, носителей культуры боевых топоров и фатьяновской. Во-вторых, относительно широколицые мезо-брахиокраны, известные по немногочисленным материалам II тыс. до н. э. из Венгрии³³ и культуры колоколовидных кубков из Чехословакии³⁴. Бытование близких в антропологическом отношении форм обнаруживается на этой территории и в более позднее время (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.)³⁵.

Очерченная выше зона относительной широколицести у славян средневековая лежит на стыке мезокранных и долихокранных широколицых форм предшествующих эпох. Территориальная дифференциация этих форм делает возможным предположение о формировании древних славян на базе северных и южных европеоидов. Существование антропологической общности славян в эпоху средневековья свидетельствует о длительном контакте представителей северной и южной ветви европеоидов, предшествовавшем образованию этой общности.

Судя по увеличению к западу удельного веса долихокранного широколицего компонента в таких восточнославянских племенах, как радимичи, дреговичи, западные кривичи, вятичи, заселение Верхнего Поднепровья, Поволжья и Волго-Окского междуречья происходило в значительной мере с участием северных элементов.

Общность физического облика западных кривичей, радимичей и дреговичей, сходство их со средневековым летто-литовским населением, можно объяснить проявлением черт единого для них субстрата, имея в виду данные об участии племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров в генезисе как славян, так и балтов.

В тиверцах, уличах и древлянах средневековья отражаются, по-видимому, черты среднеевропейского субстрата — относительно широколицего, мезокранного. Что касается полян, то некоторые их черты, напри-

zelter, G. Zimmermann, Neolitische Gräber aus Kleinhabsdorf, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. LXVI, 1936; C. S. Coon, The races of Europa, New York, 1939.

²⁹ Т. С. Кондукторова, Изменение физического типа населения Украины от мезолита до средних веков, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964.

³⁰ Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. «Сов. археология», 1958, № 1.

³¹ A. Schlitz, Die vorgeschichtlichen Schädeltypen der deutschen Länder in ihrer Beziehung zu den einzelnen Kulturkreisen der Urgeschichte, «Archiv für Anthropologie», № 7, Bd. VII, 1908.

³² S. Czotkower, Lebky z Ulwowa, «Anthropologie», t. X, Prague, 1932.

³³ I. Nemeskeri, Anthropologische Untersuchung der Skelettfunde von Alsone-medi, «Acta archaeologica Akad. Scient. Hung», 1, 1952, № 1—2.

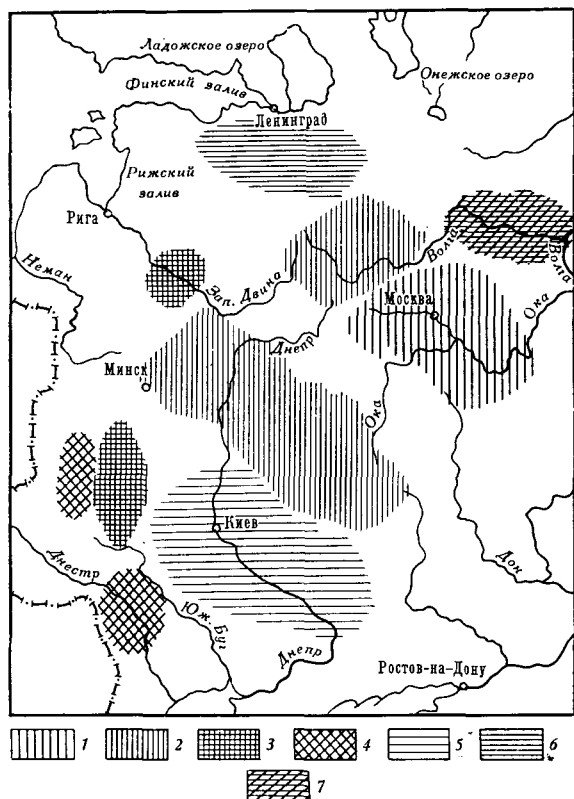
³⁴ I. Chochol, M. Blajerova, Lid s kulturou zvoncovitych poharu. Antropologické poznatky o populaci v Cechách, «Pamatky archeologické», LV, 1964.

³⁵ V. Lebzelter, G. Thulmann, Römerzeitliche Schädel aus Tulln, «Zeitschrift für Rassenkunde», Bd. 1, Hf. 3, 1935; I. Nemeskeri, Anthropologische Skizze der Bevölkerung von Intercisa im Spätromischen Zeitalter, «Archaeologia Hungarica», t. XXXIII, 1954; егo же, La population de Brigetio (II—IV-e siècles), «Crania Hungarica», t. 1, 1956, № 2; егo же, La population de Csakvar dans l'époque romaine tardive, «Crania Hungarica», t. 1, 1956, № 1; M. Stloukal, Moravsky prispevek u antropologii keltu, «Pamatky archeologické», t. LIII, 1962.

мер, незначительная уплощенность лицевого скелета и грацильность свидетельствуют скорее против связи с западными группами славян, в то же время антропологически они весьма близки к населению черняховской культуры³⁶.

Определенная неоднородность антропологического состава славян, пришедших на территорию Восточной Европы, контакты с различными по физическому облику местными группами, географическая и историческая изолированность отдельных славянских племен не могли не привести к их антропологической дифференциации (рис. 2).

Рис. 2. Локальные антропологические варианты в составе восточных славян в эпоху средневековья. Карта составлена на основании комбинации признаков, между крайними значениями которых обнаружены статистически достоверные различия: 1 — долихокефальный узколицый; 2 — долихокефальный среднелицый; 3 — долихокефальный широколицый; 4 — мезокефальный широколицый; 5 — мезокефальный среднелицый; 6 — суббрахицефальный среднелицый; 7 — суббрахицефальный среднелицый с ослабленным выступлением носа

С течением времени антропологический состав восточных славян претерпел трансформацию и далеко не все черты, присущие им в эпоху средневековья, проявляются в современном населении. Своеобразным мостом, позволяющим оценить степень преемственности физического типа древнего и современного населения является анализ краниологического материала по современным группам в сопоставлении с палеоантропологическими данными³⁷.

При сравнении степени межгрупповой дисперсности различных языковых и этнических групп Восточной Европы, оказывается, что все группы средневековья более дисперсны, нежели близкие к современным по средней величине изменчивости. Порядок же расположения групп по степени убывания изменчивости сохраняется. Понижение межгрупповой вариативности в XVII—XIX вв. по сравнению со средневековьем может

³⁶ М. С. Великанова, Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии, ТИЭ, т. 71, «Антропологический сборник», т. III, М., 1961; Т. С. Кондукторова, Указ. раб.

³⁷ Сведения о краниологических сериях XVII—XIX вв. Восточной Европы см.: В. П. Алексеев, Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование), М., 1969.

рассматриваться как результат меньшей изолированности этнических групп современности. Это подтверждается не только сужением диапазона изменчивости краниологических признаков, но и тем, что этот процесс происходит за счет исчезновения крайних величин признаков.

Происходит изменение и в самом направлении процесса изменчивости. Если по-прежнему наиболее вариабильными остаются такие признаки, как симотический и дакриальный указатели, угол выступления носа, черепной указатель, а наименее вариабильными — назомаллярный угол то такие признаки, как лицевой указатель, зигомаксиллярный угол, высота орбит, орбитный указатель, высота черепа обнаруживают относительно большую вариабильность. Таким образом, в Восточной Европе в XVII—XIX вв. процессы формообразования имеют иную направленность, нежели в средневековье; однако, антропологическая дифференциация все же происходит, хотя и в более узких пределах, и так же, как в средневековье она значительно больше связана с этносом, чем с территорией.

В картине географической локализации признаков в XVII—XIX вв. обращает на себя внимание значительная однотипность восточных славян независимо от территории их обитания по таким важным расово-диагностическим признакам, как угол выступления носа, высота переносья, углы горизонтальной профилировки лица. В отношении этих признаков восточные славяне обнаруживают гораздо больше сходства с балтами, нежели с финно-угорским населением (сходство с последним проявляется лишь в некоторых северных группах славянского населения, которые связаны с поздней государственной колонизацией Русского Севера).

Характер изменения признаков во времени у восточных славян очень сложен. Процесс брахицефализации и понижение высоты черепа охватывает все без исключения группы. Такие признаки, как длина основания черепа, наименьшая ширина лба, угол лба, длина основания лица, размеры лица, орбит, носа меняются сравнительно мало. Что касается признаков, определяющих выраженность переносья и выступание угла носовых костей, то по их изменению можно наметить два типа эпохальных сдвигов. Первый характеризуется увеличением переносья и угла выступления носа и сопровождается уменьшением зигомаксиллярного угла горизонтальной профилировки. Он проявляется в половине территориальных групп, главным образом среди русских центральных областей. Наблюдается явная европеизация этого населения в XVII—XIX вв. по сравнению со средневековьем.

Нет основания снять полностью явление эпохальной европеизации биологического характера, отмечаемой В. В. Бунаком³⁸, поскольку большинство современных групп более европеоидно, и в то же время разные степень и характер европеоидности заставляют предполагать и возможную смену населения.

Второй тип изменений физического облика по времени в восточнославянских группах характеризуется уменьшением угла выступления носовых костей. Нередко это связывается с уменьшением выраженности переносья. Так как это явление идет вразрез с ходом эпохальных изменений в европеоидных группах, а обратное их направление в данном случае ничем не доказывается, есть все основания предполагать отсутствие преемственности между современным и средневековым населением там, где проявляется подобный тип эпохальных изменений (например, в населении Русского Севера).

Анализ краниологических данных по современному населению позволяет сделать заключение о чрезвычайной гомогенности русского населения на огромном пространстве, охватывающем верховья Днестра, Волги,

³⁸ В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, ТИЭ, нов. серия, т. XIX, М., 1959.

цессе эпохальных изменений признаков. У северян в эпоху средневековья отмечается наибольшая величина продольного диаметра черепа в сочетании с резкой долихокранностью. Этой же особенностью характеризуется современное население. Пограничное положение Северской земли, сравнительно позднее подчинение Москве, сыграли свою роль в формировании физического облика ее населения.

Влияние инородных черт прослеживается в населении Русского Севера, а частично и северо-запада. Русские бывших Архангельской, Олонецкой, Петербургской губерний, население Старой Ладogi, бывших Вологодской и Вятской губерний в отличие от всех современных русских групп обнаруживают ослабление европеоидных черт по сравнению с теми средневековыми группами, которые могли бы рассматриваться в качестве исходных, например, словенами новгородскими. Здесь наиболее заметно финно-угорское влияние. Не будет преувеличением наметить связи между русским населением бывшей Петербургской губернии и широколицими финно-угорскими группами; между русскими бывших Архангельской и Олонецкой губерний и узколицими группами местного населения. Может быть отмечена известная преемственность русского населения бывших Вологодской и Вятской губерний и кривичей ярославской и костромской групп. Различия между ними легко объясняются характером эпохальных изменений.

При сопоставлении современных белорусов с группой радимичей и дреговичей, с одной стороны, и кривичей полоцких, смоленских и тверских — с другой, обнаруживается большая связь с радимичами и дреговичами. Имеющиеся различия легко объясняются эпохальными сдвигами (большая брахикранность и больший угол носа у современного населения), однако исключить влияние кривичей нет никакого основания.

Сложнее обстоит дело с установлением преемственности населения на территории Украины. В моем распоряжении находилась сборная современная краниологическая серия Украины, и четыре серии, характеризующие различные группы средневекового населения. В эпоху средневековья здесь выделяются два типа лицевого отдела: массивный — у тиверцев, уличей, древлян, волынян и грацильный — у полян. Оба эти типа сочетаются как с долихокраным, так и с мезокраным черепом. При сопоставлении современных украинцев с каждым из этих вариантов оказывается, что они характеризуются меньшей выраженностью европеоидных черт и большей грацильностью по сравнению с тиверцами, уличами, древлянами и волынянами, т. е. наиболее западными племенами средневековых славян Украины и большей европеоидностью и меньшей грацильностью лица по сравнению со всеми полянскими группами. Ослабление европеоидных черт отмечается у некоторых славянских групп Украины уже в средневековье. Привнесение монголоидных черт в славянское население Поднепровья шло со стороны кочевников. Факт большей европеоидности таких племен как тиверцы, уличи, древляне и волыняне свидетельствуют в пользу более поздних связей этих групп с территорией Украины, нежели полян. Что касается современных украинцев, то они в антропологическом отношении увязываются как с полянами, так и с более западными группами. С последними их роднят размеры лица, с первыми — конфигурация носовой области. Здесь можно предполагать более или менее равную долю участия средневековых племен Украины в сложении современного украинского населения.

Основываясь на антропологическом сходстве украинцев со славянскими племенами Днепро-Днестровского междуречья, с одной стороны, и с полянами — с другой, можно более или менее определенно утверждать, что в сложении физического облика украинского народа принимали участие, наряду со славянскими элементами, элементы дославянского субстрата, восходящего через черняховцев к скифскому населению лесной полосы.

Рассмотрение территориальных вариантов в антропологическом составе современного восточнославянского населения показало, что по всему комплексу расово-диагностических признаков русские и белорусы тяготеют к североевропейским группам, украинцы — к южным⁴⁰. По соматологическим данным, так же как и по краниологическим, отмечается продвижение населения с северо-запада на Восточно-Европейскую равнину и в связи с этим изменение антропологического состава этой зоны по сравнению со средневековьем. Однако некоторые признаки (уменьшение роста третичного волосяного покрова) свидетельствуют о сохранении следов влияния финно-угорского населения на антропологический облик русских. В настоящее время в целом русские оказываются более или менее гомогенным в антропологическом отношении народом, генетически связанным с северо-западным и западным населением, и впитавшим в себя черты местного финно-угорского субстрата.

Территориальная дифференциация антропологического состава белорусов допускает предположение об участии в их генезисе балтийского населения, с одной стороны, и восточнославянских племен более южных областей, в частности, Волыни, с другой.

Анализ материалов по современному населению позволяет дополнить антропологическую характеристику восточнославянских племен средневековья. Переноса данные, полученные для современного населения тех областей, где намечается преемственность, в глубь веков, можно более или менее определенно утверждать, что восточные славяне эпохи средневековья относятся к разным ветвям европейской расы. Словене новгородские, западные кривичи, радимичи, дреговичи и, возможно, волыняне тяготеют к кругу северных европеоидов, древляне, тиверцы, уличи и поляне — к южной ветви.

THE ETHNOGENESIS OF THE EASTERN SLAVS ACCORDING TO ANTHROPOLOGICAL DATA

Analysis of European anthropological materials dating from Neolithic times up to the present permits certain suggestions as to the formation of traits characterizing the Slav inhabitants of an area bounded by the Vistula on the west, by the West Dvina on the north, by the left tributaries of the Danube on the south, by the Dnieper on the east. This was the region of contacts between dolichocephalic broad-faced forms and brachycephalic broad-faced forms; judging by the features of the modern population of this territory the former belong to northern Caucasoids and the latter — to southern Caucasoids. The eastward movement of the Slavs was to a great extent a movement of the broad-faced dolichocephalous population. The second type is pronounced only among the population of the middle reaches of the Dnieper and its right tributaries. The aboriginal East European population can be traced as an underlying layer in all east Slav groups. Thus among the Bielorrussians and Russians of the upper reaches of the Dnieper traits of broad-faced dolichocephalous forms are manifested to the greatest extent; these seem to be the initial forms for the Baltic population also. Anthropological features characterizing local population rooted in the Neolithic period may be traced among the Russians of the East European plain. The anthropological type of Ukrainians reflects traits of the pre-Slav population linked through the people of the Tcherniakhov culture and the Scythians of the forest belt with the Dnieper region population of the Bronze era.

⁴⁰ «Происхождение и этническая история русского народа», гл. XIII.

Д. С. Раевский

ПОЗДНЕСКИФСКАЯ СЕМЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Известно, какое большое внимание уделял истории семьи Ф. Энгельс, особенно в своем основополагающем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹.

Труд Ф. Энгельса является фундаментом, на котором строит изучение истории семьи советская наука. Приоритет в этой области принадлежит, несомненно, этнографии, изучающей «живые» общества. Попытки использовать археологический материал для выявления данных о семейной структуре древних обществ предпринимались гораздо реже. Методическая трудность таких попыток бесспорна. Археология, особенно в тех случаях, когда она изучает бесписьменные народы, зачастую лишена фактических сведений, на которых базируется изучение истории семьи. Мы, например, почти не имеем данных об имущественных отношениях внутри семьи в большинстве древних обществ, о ее правовых нормах, а также о господствующих в обществе линейности счета родства и локальности брака. Это затрудняет как самостоятельный анализ археологического материала в интересующем нас плане, так и проецирование выводов этнографии на древние эпохи. Сопоставление археологического и этнографического материалов еще более затруднено тем, что влияние семейной структуры именно на те стороны общественной жизни, данными о которых располагает археология, в этнографической литературе получило наименьшее освещение. Так, этнография уделяет явно недостаточное внимание тому, как сказываются конкретные формы семьи в погребальных обычаях: в преобладании одиночных или групповых захоронений, в топографии могильников и т. д. Отсутствие твердых критериев затрудняет интерпретацию археологического материала. Тем не менее попытки такой интерпретации представляются оправданными.

В настоящей статье мы пытаемся осмыслить материал, добытый при раскопках некрополя Неаполя, столицы Позднескифского царства в Крыму. Вопросы, связанные с историей скифской семьи, слабо освещены в специальной литературе. При этом большинство авторов, касающихся этой тематики, базировалось преимущественно на письменных данных, почти не используя археологический материал, и ограничивалось временем с VII по III в. до н. э. Так называемый позднейший период скифской истории (II в. до н. э.—III в. н. э.) обычно оставался вне поля зрения исследователей. Попытку восполнить этот пробел предпринял в свое время А. М. Хазанов. Его статья посвящена анализу скифских погребений Крыма, относящихся к III в. до н. э.—II—III вв. н. э., и их социальной интерпретации². Погребения, в которых число костяков колеблется от нескольких десятков до 100, автор трактует как усыпаль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21.

² А. М. Хазанов, Скифские коллективные погребения в Крыму, «Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции», М., 1960, стр. 28—36.

ницы больших семей. Могилы же, содержащие до десяти погребений, принадлежат, по мнению автора, малой семье. Процесс превращения малой семьи в основную ячейку скифского общества отнесен в статье к первому веку нашей эры. Подход А. М. Хазанова к материалу не вызывает возражений, но его выводы представляются слишком суммарными, а новейшие исследования вносят существенные изменения в предложенную им хронологию. Это заставляет нас вернуться к анализу структуры позднескифской семьи. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением материала из некрополя Неаполя, достаточно полно изученного благодаря раскопкам Н. И. Веселовского в 1889 г.³, П. Н. Шульца и Н. Н. Погребовой в 1946 г.⁴, В. П. Бабенчикова в 1946—1949 гг.⁵ и Э. А. Симоновича и И. Д. Марченко в 1956—1958 гг.⁶ Этот некрополь, бесспорно, является достаточно репрезентативным, так как содержит могилы разных типов, насчитывает несколько веков существования и, наконец, служит важным показателем уровня социального развития скифов, так как принадлежит их городскому центру. Предлагаемая попытка в силу указанной неразработанности методики не претендует ни на полноту, ни на окончательность вывода. Но она представляется необходимой для выяснения скифской социальной истории.

Некрополь Неаполя включает мавзолей, вырубленные в скале склепы, курган и грунтовые могилы, включающие подбой, в которых преобладали одиночные погребения, и так называемые грунтовые склепы с различным числом последовательных захоронений. Все склепы, вырубленные в скале, ограблены, поэтому ни их хронология, ни поло-возрастной состав погребенных, ни их имущественное положение не могут быть выяснены. О хронологии неапольского некрополя автору уже приходилось говорить в другом месте⁷. Поэтому здесь мы только напомним ее, не повторяя археологической аргументации.

Наиболее ранние погребения грунтового могильника Неаполя датируются концом II в. до н. э. Все они расположены в грунтовых склепах. Первые подбой появляются здесь во второй трети I в. н. э. и связаны с проникновением в среду городского населения нового этнического элемента — сарматов с Боспора. Появление подбоев знаменует начало позднего периода использования некрополя, археологически существенно отличающегося от раннего. Во второй период сооружение грунтовых склепов в основном прекращается. В некоторых из уже сооруженных склепов захоронения продолжают совершаться вплоть до гибели города в первой половине III в. н. э., использование остальных ограничивается первым периодом. Погребения мавзолея относятся ко времени с конца II в. до н. э. по I в. н. э. включительно⁸.

Все, что нам известно о скифском обществе, заставляет рассматривать его как патриархальное. Дошедшие до нас остатки скифской мифологии и эпоса отражают безусловное господство мужчины; следовательно, переход к патриархальным отношениям совершился в скифском обществе в достаточно древнее время⁹.

³ «Отчеты археологической комиссии», 1889, стр. 12—19.

⁴ П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953; Н. Н. Погребова, Погребения в мавзолее Неаполя скифского, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), 96, М., 1961, стр. 103 сл.

⁵ В. П. Бабенчиков, Некрополь Неаполя скифского, «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 94—141.

⁶ Э. А. Симонович, Итоги новых работ на могильнике Неаполя скифского в Крыму, «Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея за 1961 г.», Одесса, 1963, стр. 32—40.

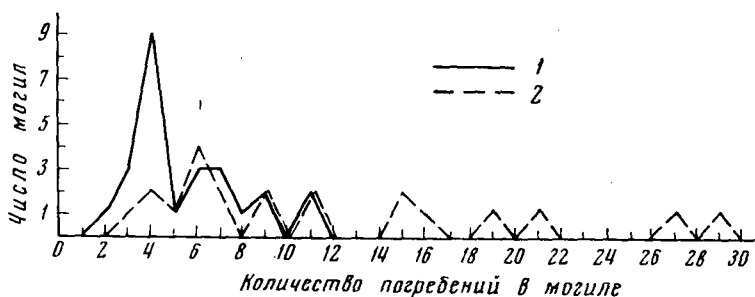
⁷ Д. С. Раевский, Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя), «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии 1967 г.», стр. 53—55.

⁸ Н. Н. Погребова, Указ. раб.

⁹ Б. Н. Граков, Скифский Геракл, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XXXIV, М., 1950, стр. 12.

Наша задача, таким образом, сводится к выяснению вопроса, какая стадия в развитии патриархальной семьи соответствует позднему этапу скифской истории. Была ли скифская семья в это время большой патриархальной общиной, состоящей «из четырех-пяти, иногда и больше поколений ближайших родственников по отцовской линии, потомков одного предка, с женами мужчин данной группы»¹⁰? Если принять, что у скифов существовала именно такая семья, то важно определить ее размеры, так как тенденция к распаду большой семьи, характерная для раннеклассовых обществ, сказывается на практике в постепенном ее уменьшении. Поэтому размер семьи является косвенным показателем того, доминирует ли в данном обществе большесемейная форма или уже наблюдается ее разложение¹¹. Можно предположить и то, что у скифов в интересующий нас период преобладала малая семья.

Наиболее важной для нашей темы особенностью позднескифского погребального обряда является обычай повторных захоронений в могилах, служивших семейными усыпальницами. Основой для интерпретации служит число и поло-возрастной состав погребенных в одной могиле. Следует, однако, оговориться, что последний не всегда поддается определению из-за плохой сохранности костных остатков в неапольском грунте. Тем не менее некоторые наблюдения здесь все же удастся сделать. На прилагаемом графике отражено распределение грунтовых склепов

Распределение склепов грунтового могильника по количеству погребений: 1 — склепы I периода (группа I); 2 — склепы I—II периодов (группа II)

некрополя по числу погребений¹². Склепы разделены на две группы. В первую включены могилы, использование которых ограничено первым хронологическим периодом, во вторую — склепы, использовавшиеся на протяжении обоих периодов. График демонстрирует растянутость второй кривой вправо, указывающую, что для склепов второй группы типично большее число погребений в одной могиле. В первой группе число погребенных в среднем приближается к четырем, во второй каждый третий склеп содержит 15 или более погребений.

Преобладание в первом случае склепов с небольшим количеством захоронений позволяет, на первый взгляд, безоговорочно трактовать их как усыпальницы малых семей. Но половозрастной состав погребенных (конечно, речь идет о случаях, когда он поддается определению) заставляет отказаться от такого толкования как слишком категоричного. В большинстве склепов мы находим погребения одного-двух взрослых, сопровождающиеся несколькими детскими, и они вполне могут быть истолкованы как усыпальницы малых семей. Это относится не только к склепам, содержащим по три-четыре костяка, но и к склепам, содержащим большее количество скелетов, если среди них преобладают детские.

¹⁰ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 49.

¹¹ Там же, стр. 71.

¹² В графике сведены данные раскопок 1889, 1947—1949 и 1956—1958 гг.

В то же время некоторые склепы не могут рассматриваться как усыпальницы малых семей. Так, в могиле № 6 (1956) все четыре скелета принадлежат взрослым, в могиле № 24 (1957) из четырех костяков определению поддаются два и оба они принадлежат мужчинам (один 30—35 лет, другой 50—60 лет)¹³. В могиле № 101 (1958) из шести костяков два принадлежат мужчинам (25—35 и 50—60 лет), остальные не поддаются определению¹⁴. Среди могил, содержащих по семь и более костяков, нет ни одной, где можно было бы определить поло-возрастную принадлежность всех погребенных, однако в большинстве из них зафиксировано по несколько мужских захоронений. Поэтому они не могут быть истолкованы как усыпальницы одной брачной пары¹⁵. В них следует видеть погребения представителей двух поколений взрослых членов одной семьи или двух ее параллельных ветвей, что в равной степени не соответствует структуре малой семьи¹⁶. Вместе с тем в склепах этой группы число погребений нигде не превышает 11 человек, что значительно меньше того минимума, который характерен для большой семьи¹⁷. Следовательно, мы не можем рассматривать их и как усыпальницы больших семейных общин. Если исходить из изложенного, то наиболее близкой этнографической аналогией позднескифской семье, какой она рисуется на основании анализа погребений неапольского некрополя, является организм, получивший в литературе условное название «неразделенной семьи», ограниченный двумя поколениями брачных пар. В такой семье женитба внука главы семьи влечет за собой отделение не только новообразовавшейся брачной пары, но и отца жениха со всей его семьей¹⁸. Такой механизм вычленения новой семьи представляет для нас особый интерес, так как он ограничивает число членов семейной общины не только по линии нисходящих поколений, но и постоянно отсекает боковые ветви семьи¹⁹. При этом условии число взрослых членов семьи удерживается в небольших пределах, но не ограничивается одной брачной парой, как в малой семье. «Неразделенную семью» рассматривают обычно как достаточно позднюю стадию на пути превращения большесемейной общины в малую семью. Поэтому вполне допустимо сосуществование в некрополе Неаполя усыпальниц малых семей с могилами неразделенных семей. На каком-то этапе развития семейных отношений эти два типа семьи неизбежно должны уживаться в одном обществе: некоторые из новообразовавшихся пар выделяются в отдельные малые семьи²⁰, тогда как другие сохраняют общее со старшим поколением хозяйство, жилище и т. д.²¹

¹³ Т. С. Кондукторова, Населения Неаполя скифского за антропологическими данными, «Материалы з антропології України», вып. 3, Київ, 1964, стр. 45.

¹⁴ Т. С. Кондукторова, Указ. раб., стр. 53.

¹⁵ Мы уделяем особое внимание наличию в могиле нескольких взрослых мужских погребений, так как совместное погребение нескольких женщин можно истолковать как следствие многоженства. Его существование в позднескифском обществе подтверждается сообщением Страбона (VII, 4, 3) о том, что у царя Скилура было 50 или 80 сыновей. Даже делая скидку на литературную гиперболу, в сообщении Страбона следует видеть отражение реальной исторической ситуации, а столь большое количество детей является убедительным свидетельством наличия многоженства; правда, факт многоженства подтверждается лишь делом царской семьи.

¹⁶ Возможность того, что часть взрослых скелетов принадлежит неженатым детям, маловероятна ввиду практиковавшихся в древних обществах ранних браков.

¹⁷ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 49 и сл.; Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 17 и сл.

¹⁸ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 20, 21.

¹⁹ Повсеместное распространение такого механизма сегментации большой семьи (см. М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 102) делает правомерным привлечение этой аналогии для выяснения характера скифской семьи.

²⁰ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 102.

²¹ Исходя из скифской этногонической легенды с ее ярко выраженной традицией мипората, логично предположить, что в Скифии обычным было выделение старших сыновей, тогда как младший становился наследником отцовского очага, хозяйства и усыпальницы.

Обратимся ко второй группе склепов. Как указывалось выше, для них характерно большее число погребений в могиле и более длительное использование. На первый взгляд, это обстоятельство как-будто рисует парадоксальную ситуацию обратного развития семейных отношений, т. е. возврата к большой семье. Но, учитывая конкретные исторические условия, мы вправе объяснить это явление иначе. Уже указывалось, что начало позднего хронологического периода в истории Неаполя ознаменовалось появлением в городе постороннего этнического компонента (сарматов), принесшего сюда, в частности, свой обычай индивидуальных захоронений²². Старая традиция погребений в семейных склепах под воздействием обычаев новых пришельцев начинает затухать, что наглядно доказывается почти полным прекращением сооружения новых склепов. Распространение чуждого коренному населению обряда, естественно, должно было столкнуться со стремлением исконных жителей города сохранить старую погребальную традицию. Именно эта тенденция, видимо, объясняет длительность использования ряда склепов неапольского некрополя. Поздние погребения в них естественно рассматривать как принадлежащие последующим поколениям тех семей, которыми были сооружены склепы. Сохранить такую приверженность к семейным усыпальницам было нетрудно, поскольку процесс превращения семейной общины в малую семью в Неаполе еще не завершился. Там, где еще жила традиция погребения в одном склепе двух поколений, в неблагоприятных условиях преобладания пришлого населения легко было перейти к более длительному использованию семейной могилы.

Качественное отличие таких могил от усыпальниц больших семей состоит в том, что здесь не хоронили представителей боковых ветвей семьи, ограничиваясь последовательными поколениями одного ствола. Для проверки такого толкования захоронений обратимся к демографическим методам. Демография в своих исследованиях пользуется понятием длины поколения, равной возрастному интервалу между детьми и родителями. Это позволяет выяснить, сколько поколений укладывается в тот или иной временной отрезок. В тех случаях, когда поддаются определению верхняя и нижняя даты склепа, т. е. известна длительность его использования, можно вычислить, сколько поколений охватывает этот период, иными словами, сколько брачных пар должно быть погребено в склепе при условии, что он служил усыпальницей ряда последовательных поколений одного ствола. Только при значительном фактическом превышении этого числа можно предположить, что в склепе погребены также представители боковых ветвей, и лишь в этом случае такой склеп можно трактовать как большесемейную усыпальницу. К сожалению, точное определение верхней и нижней даты для большинства склепов некрополя Неаполя невозможно. Удастся лишь отнести их к одному из хронологических периодов. Но в некоторых случаях возможна более точная датировка, и следующие из нее выводы по ряду причин можно распространить на большинство склепов некрополя. Для примера возьмем склеп № 79 могильника 1956—1958 гг.²³. О. А. Махнева определяет его нижнюю дату I в. до н. э. Вещи этого времени в склепе весьма немногочисленны, что позволяет относить его сооружение к концу столетия. Верхняя дата склепа — начало III в. н. э. Таким образом, период его использования составляет немногим более 200 лет. В склепе обнаружено 27 погребений мужчин, женщин и детей²⁴.

²² Д. С. Раевский, Указ. раб., стр. 54—55.

²³ О. А. Махнева, Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя скифского, «Записки Одесского археологического общества», т. II, Одесса, 1967, стр. 191—196.

²⁴ Склеп № 79 по ряду причин может рассматриваться как демографический эталон тех склепов некрополя Неаполя, которые использовались длительное время. Большинство склепов этой группы были сооружены в течение I в. до н. э. и использовались

Демографическая длина поколения (при ее косвенном вычислении) равна среднему брачному возрасту плюс половина длины периода брачной плодовитости²⁵. Для современного населения Европы средняя длина поколения определяется в 30—33 года. При определении ее величины для древних обществ мы не располагаем прямыми данными и должны исходить из сравнения с современностью. При этом необходимо ввести две поправки. Как известно, брачный возраст в современном обществе в силу ряда социально-экономических причин выше того, который был характерен для древности. Что касается периода брачной плодовитости, то его длительность зависит от уровня смертности в детском возрасте²⁶: если этот уровень высок, то значимая величина периода плодовитости уменьшается²⁷. Как данные неапольского некрополя, содержащего многочисленные детские погребения, так и вся сумма наших знаний о древних обществах заставляют считать смертность в детском возрасте в Скифии достаточно высокой. Эти два обстоятельства показывают, что длина поколения в интересующий нас период была значительно короче современной. Мы не располагаем точными цифрами, но вряд ли совершим большую ошибку, приняв ее равной 25 годам²⁸. Тогда на период в 200 лет придется около 8 поколений. Лишь основной ствол семьи включает за это время 8 брачных пар, обеспечивая наличие в склепе не менее 16 взрослых погребений. Прибавляя к этому числу детские захоронения (условно одно на каждую брачную пару, что составляет в силу сказанного выше необходимый минимум), мы получаем 24 погребения как минимальное количество, которое должно содержаться в могиле, где на протяжении 200 лет хоронили представителей лишь основного нисходящего ствола одной семьи. Сравнивая эту цифру с максимальным числом захоронений в неапольских склепах (27—29 человек), мы приходим к выводу, что наличие здесь погребений членов боковых ветвей семьи практически исключается.

Таким образом, основной ячейкой позднескифского общества следует, видимо, признать «неразделенную семью», включающую два последовательных поколения. Наряду с ней существовали уже и малые семьи. Типичной могилой грунтового некрополя Неаполя в ранний период является или усыпальница малой семьи, или склеп, содержащий захоронения двух поколений²⁹. В поздний период, когда в городской среде стал преобладать новый этнический элемент, срок использования семейных склепов увеличивается. Это, однако, не может служить доказательством возврата к большесемейной структуре. Такое толкование опровергает прежде всего отсутствие в могилах погребений членов боковых ветвей

до II в. н. э. включительно. Таким образом, срок использования в 200—250 лет можно считать типичным и в то же время близким к максимальному для склепов этой группы. По числу погребений, как видно из графика, склеп № 79 приближается к максимуму, что особенно важно для выяснения вопроса о наличии или отсутствии здесь погребений боковых ветвей семьи.

²⁵ Я. С. Улицкий, Демографическое понятие поколения, сб. «Проблемы демографической статистики», М., 1959, стр. 38 сл.

²⁶ Необходимо различать понятия «детская смертность», т. е. смертность детей в возрасте до 1 года (А. Я. Боярский, и др., Курс демографии, М., 1967, стр. 138), и «смертность в детском возрасте», т. е. смертность всех членов общества, не достигших брачного возраста. Для нас важна именно последняя. Ее показателем в археологии служит удельный вес детских и подростковых погребений в общей массе захоронений могильника.

²⁷ Я. С. Улицкий, Указ. раб., стр. 45.

²⁸ Наш вывод совпадает с данными В. П. Алексеева, согласно которым длина поколения в интересующий нас период не превышала 20—25 лет (В. П. Алексеев, Палеодемография СССР, Доклад, прочитанный на заседании сессии Отделения исторических наук АН СССР во Львове 17 марта 1970 г.).

²⁹ Следует учесть, что особенности грунта некрополя вызывали частые обвалы могил, которые в таких условиях не всегда могли служить усыпальницей даже для всей малой семьи. Видимо, именно этим следует объяснить наличие в некрополе могил, содержащих лишь детские захоронения.

семейного древа³⁰. Логично предположить, что представители этих ветвей быстрее переходили к новому обряду погребений в подбоях³¹, чем младшие сыновья, которые в силу сложившейся традиции, выступали хранителями и наследниками отцовских усыпальниц.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Могила в некрополе Неаполя, как показывает его топография, образуют изолированные группы. Так, раскопками 1956—1958 гг. был вскрыт самостоятельный могильник, содержащий около 400 погребений³². Судя по удаленности могил, раскопанных в 1947—1949 гг., от остального некрополя, они также объединялись в отдельный могильник, хотя, если исходить из числа могил, его вряд ли можно считать раскопанным полностью. Если принять предложенное толкование отдельных могил как семейных усыпальниц, то логично предположить, что и в основе объединения могил в группы лежат родственные отношения погребенных, т. е. что каждый могильник принадлежит группе родственных семей. В таком случае каждый могильник представляет, видимо, некрополь патронимии, которую М. О. Косвен определяет как «группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство»³³. В настоящее время, не зная, сколько изолированных могильников входило в некрополь Неаполя, мы не можем определить и число патронимий, на которые распадалось население города, но его патронимическая структура представляется вполне вероятной³⁴. Затруднительно определить и размеры этих патронимий. Если принять предложенную выше условную цифру трех погребений на каждую брачную пару (мужчина, женщина и один умерший ребенок), то могильник в 400 погребений соответствует примерно 135 брачным парам, приходящимся на срок в 350 лет (конец II в. до н. э.—начало III в. н. э.), т. е. на 14 поколений. В среднем на поколение приходится около 10 малых семей. Однако учитывая тенденцию патронимии к разрастанию, мы должны предположить, что число таких семей не было стабильным за все время существования патронимии, оставившей могильник, вскрытый в 1956—1958 гг. Условно можно принять цифру в 5—7 семей для начального периода и в 13—15 для конечного. Эти цифры находят подтверждение и в хронологии могильника: материал конца II в. до н. э. содержится в 9 склепах, а в поздний период продолжают использоваться около 17 склепов. При условии одновременного проживания двух женатых поколений (максимум, возможный при средней

³⁰ Наличие в одном склепе нескольких взрослых погребений можно толковать не только как результат захоронения последовательных поколений одной семьи, но и как совместные погребения свободных членов общества и представителей зависимого населения. Перемешанность инвентаря не дает возможности выделить сопровождающие захоронения. Возможно, в некоторых случаях они и имели место. Но этот обычай, если он и практиковался, не может объяснить наличия в могиле нескольких десятков костяков. Поэтому, допуская такую возможность, мы все же считаем преобладающими в некрополе семейные могилы.

³¹ Видимо, переходными обрядовыми формами можно считать редкие случаи групповых погребений в подбойных могилах. Такие могилы содержат 2—3 костяка.

³² Э. А. Симонович, Указ. раб., стр. 34.

³³ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 97.

³⁴ Предположение о патронимической структуре позднескифского общества находит подтверждение не только в материале некрополя Неаполя. Отметим, например, что на участке «Д» Неапольского городища (раскопки А. Н. Карасева и И. В. Яценко) выявлены остатки стен, деливших городскую территорию на участки, большие, чем отдельные жилые комплексы. К сожалению, плохая сохранность этих стен не позволяет пока определить площадь таких участков. Но сопоставление с данными некрополя позволяет предположить, что патронимическая структура лежала и в основе городской планировки Неаполя. Отражение той же структуры можно видеть и в обычном для Крыма расположении нескольких изолированных селищ вокруг одного городища-убежища (Т. Н. Высотская, Позднескифские городища и селища юго-западного Крыма, «Сов. археология», 1968, № 1, стр. 189, 191). Каждое селище, видимо, принадлежало отдельной патронимии.

продолжительности жизни, не превышающей 41 года)³⁵ рассмотренная нами патронимия в начале своей истории насчитывала примерно 15 семейных пар, а в конце — около 30 пар.

Обращаясь к материалам мавзолея, мы прежде всего должны отметить, что количество погребений в нем значительно больше, чем в грунтовых могилах. Из 74 погребений мавзолея 15 принадлежат детям, остальные — взрослые (22 мужских, 17 женских, 20 неопределенных³⁶). Длительность же использования мавзолея ограничена двумя с небольшим столетиями (конец II в. до н. э. — I в. н. э.), т. е. меньше той, которую мы определили для самых больших грунтовых склепов. Это доказывает качественное отличие социального организма, оставившего погребения мавзолея, от организма, которому принадлежали описанные выше могилы. Даже отнеся некоторые погребения к сопровождающим (видимо, их было не более 10), мы получаем около 50 взрослых погребений, распределяющихся на 8—9 поколений. Таким образом, число захоронений здесь вдвое превышает минимум, необходимый для признания их принадлежащими неразделенной семье, а это доказывает присутствие в мавзолее погребений членов боковых ветвей. Таким образом, мы можем считать неапольский мавзолей типичной усыпальницей большой семьи. Деревянные ящики, в которых совершены погребения, располагаются в мавзолее несколькими группами, что, видимо, соответствует отдельным ветвям семьи, каждая из которых имела свой участок в усыпальнице. Показательно распределение захоронений по ящикам. Среди них имеются как одиночные (20 случаев), так и коллективные (17 случаев). В этих последних поло-возрастной состав погребенных весьма различен: мужчина с ребенком (ящики XXVIII, XXIX, XXXIII), женщина с двумя детьми или с ребенком и подростком (IV, X), два подростка (XI, XIX), два взрослых, иногда в сопровождении ребенка³⁷ (XXXV, XII), двое мужчин и одна женщина (I), мужчина и три женщины (III), двое мужчин, две женщины и подросток (II). Эти данные показывают, что ящики мавзолея не являются усыпальницами отдельных брачных пар³⁸. Это подтверждает трактовку коллектива, оставившего погребения мавзолея, как большой семьи, в которой, как известно, отдельные семейные пары не играли решающей роли³⁹. Видимо, состав погребений в каждом ящике зависел от последовательности смертей в семейной ветви и от временного интервала между ними⁴⁰. Трактовка мавзолея как большесемейной усыпальницы полностью подтверждается и данными этнографии, согласно которым процесс разложения семейной общины и замены ее малой семьей среди знати шел медленнее, чем среди рядового населения⁴¹.

Видимо, отсюда происходят различия, наблюдаемые между склепами и мавзолеем Неаполя⁴².

Сказанное позволяет интерпретировать погребения мавзолея следующим образом. Его основание связано с царским погребением. В то же время царское погребение здесь безусловно только одно. Какому бы

³⁵ В. П. Алексеев, Указ. доклад.

³⁶ Н. Н. Погребова, Указ. раб.

³⁷ К сожалению, в этих особо важных случаях пол одного или обоих взрослых костяков не поддается определению.

³⁸ Исключение, видимо, составляют ящики XII, XXXV, II. Можно предполагать также парные захоронения в соседних ящиках (IX и X, XXXVI и XXXVII).

³⁹ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 53.

⁴⁰ Не вполне ясно, в каких случаях предпочтение отдавалось одиночным захоронениям.

⁴¹ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 40.

⁴² Нельзя, конечно, полностью исключить возможность того, что мавзолей был не семейной усыпальницей, а местом погребения царя и неродственной ему челяди. Но такая трактовка допустима лишь для захоронений, близких к царскому по времени, и делает необъяснимым двухстолетнее использование мавзолея. Становясь на этот путь, мы должны признать различную природу содержащихся в мавзолее захоронений, что представляется маловероятным.

царю мы его ни приписали — Палаку или, тем более, Скилуру⁴³, у нас нет никаких оснований предполагать, что на них оборвалась скифская династия. Поэтому наиболее логично считать, что наследование престола в позднескифском царстве сопровождалось сегментацией царской семьи, выделением той ее ветви, главой которой был новый царь. В мавзолее похоронен царь, его жена, возможно, главная⁴⁴, и все последующие поколения царской семьи, за исключением той ее ветви, глава которой наследовал престол. Для этой последней естественно предположить сооружение новой усыпальницы, в которой также содержалось погребение царя и его потомков. Видимо, такая система деления царской семьи существовала на протяжении всей истории Неаполя. В связи с этим можно предвидеть находки других усыпальниц, аналогичных мавзолею⁴⁵.

Наиболее труден для истолкования комплекс погребений в кургане 1949 г., входившем в некрополь Неаполя⁴⁶. По числу захоронений (около 30) и длительности использования (около 200 лет) он схож с грунтовыми склепами II группы. Нет качественного различия между ними и в характере инвентаря. Вместе с тем здесь в погребальном обряде ощутимее сказывается традиция более ранних крымских курганных погребений. Эти последние содержат обычно до 100 костяков, и с полным основанием рассматриваются А. М. Хазановым как усыпальницы больших семей⁴⁷. Видимо, неапольский курган оставлен какой-то группой городского населения, в которой большесемейные традиции в погребальном обряде сохранились дольше, чем у основной массы рядовых жителей города. Таилась ли причина этого явления в факторах этнических или социальных, в настоящее время сказать невозможно. Следует лишь подчеркнуть, что это была погребальная традиция. Трактовать сам коллектив, оставивший курган, как большую семью, судя по числу захоронений, нельзя.

Таковы выводы о структуре позднескифской семьи, которые позволяют сделать материал некрополя Неаполя. Весьма желательно сравнить в дальнейшем этот материал с материалом скифских памятников других территорий и периодов, что, возможно, позволит выяснить историю семьи в скифском обществе в полном ее объеме⁴⁸.

THE LATE SCYTHIAN FAMILY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA

This attempt to elucidate the Late Scythian family system is based upon an analysis of archaeological material from the Necropolis of Neapolis — the Late Scythian capital in Crimea. Comparing the numerical strength and the sex-and-age composition of people buried in various types of graves, drawing upon ethnographic parallels and implementing demographic methods the author comes to the conclusion that among the common people of Neapolis a transition was taking place from the joint to the small family while the aristocracy still conserved the extended family. The topography of the Necropolis suggests the patronymic structure of the late Scythian society.

⁴³ Как известно, на этот счет в литературе нет единого мнения (ср. П. Н. Шульц, Указ. раб., стр. 20; Н. Н. Погребова, Указ. раб., стр. 179).

⁴⁴ Интервал в несколько десятилетий между погребением царя и женским захоронением в саркофаге не представляется мне препятствием для такого толкования последнего. Напротив, взгляд на эти погребения, как на не связанные друг с другом, выдвигает ряд вопросов, необоснованно затрудняющих интерпретацию мавзолея.

⁴⁵ Отсутствие археологических подтверждений этой гипотезы не опровергает ее, а доказывает лишь недостаточную изученность Неаполя. Пока же на более чем пятистолетнюю историю города приходится лишь одно раскопанное царское погребение.

⁴⁶ В. П. Бабенчиков, Указ. раб., стр. 132 и сл.

⁴⁷ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 35.

⁴⁸ При раскопках могильников в Северо-Западном Причерноморье (А. И. Мелюкова, Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э., «Археологические открытия, 1968», М., 1969) открыты в основном одиночные захоронения, но располагаются они группами от 2—3 до 20, что составляет прямую аналогию числу захоронений в неапольских склепах. Думается, что такое совпадение не случайно. Однако окончательным выводам должен предшествовать всесторонний анализ материала.

Н. А. Бутинов

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

В сентябре 1971 г. исполняется сто лет со дня высадки известного русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее, на побережье залива Астролябии, носящем с тех пор название Берега Маклая. Плавание на корвете «Витязь» от Кронштадта до Берега Маклая длилось 11 месяцев.

Я попрошу читателя перенестись мысленно на сто лет назад, когда в центре внимания ученых стояла теория Ч. Дарвина о происхождении человека от обезьяноподобных предков. Ученые искали на земном шаре, в самых глухих и неисследованных районах, промежуточные между человеком и обезьяной формы, притом не ископаемые, а живые. Один из ревностных последователей Ч. Дарвина «иенский еретик» Э. Геккель видел такую форму в папуасах Новой Гвинеи, которых он относил к «пучковолосой» расе (поверив поверхностным наблюдениям, сделанным мореплавателями, будто волосы на теле папуасов растут пучками).

Миклухо-Маклай, слушавший лекции Э. Геккеля в Иенском университете, не пошел в этом вопросе за своим учителем. Он заметил, что утверждения о «пучковолосой» расе таят возможность опасных для человечества расистских выводов. Поэтому он решил посвятить несколько лет жизни изучению первобытных народов¹. Глубоко убежденный в том, что вопрос о свойствах папуасской расы можно серьезно изучать только на месте, т. е. на Новой Гвинее, он отправился на этот остров, поселился среди «пучковолосых» и стал вести антропологические и этнографические исследования.

Это была в полном смысле слова «езда в неизвестное». Каждый день пребывания среди папуасов приносил открытия. Но немало было и таких дней, когда жизнь Миклухо-Маклая висела на волоске.

Чтобы в любом случае сохранить результаты своих исследований, Миклухо-Маклай показал сопровождавшим его при высадке русским офицерам «Витязя» место, где собирался он зарыть свои записи «с тем, — пишет он, — чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были вырыты и пересланы Русскому географическому обществу»².

Молодой ученый, к счастью, остался жив (хотя организм его серьезно пострадал от необычных для европейца климатических условий); он завоевал доверие папуасов, изучил язык бонгу, собрал уникальные этнографические и антропологические коллекции, добился крупных результатов в своих научных исследованиях.

Миклухо-Маклай был на Новой Гвинее пять раз, из них трижды на Берегу Маклая (1871—1872, 1876—1877, 1883 гг. — в общей сложности он прожил здесь 2 года 8 месяцев), один раз на северо-западном берегу (1874 г.), один раз на юго-восточном полуострове (1881 г.). Он совершил

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Почему я выбрал Новую Гвинею, Собр. соч., т. I, М.—Л., 1960, стр. 3.

² Там же, стр. 88.

два путешествия по островам Меланезии и Микронезии (1876 и 1879 гг.), посетил некоторые острова Полинезии (1871 г.). За пределами Океании он побывал вместе с Э. Геккелем на Канарских островах (1866—1867 гг.), путешествовал по побережью Красного моря (1869 гг.), совершил два труднейших путешествия по Малаккскому полуострову (1874 и 1875 гг.), посетил Филиппинские острова (1873 г.), длительное время жил в Австралии (1878—1882, 1884—1886 гг.).

Статьи, дневники, рисунки, коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая, особенно те, которые связаны с его пребыванием на Берегу Маклая, стали ценнейшим достоянием мировой этнографической науки, вошли в ее золотой фонд. Именно с Миклухо-Маклая начинается в мировой науке этнографическое и антропологическое изучение коренных жителей Новой Гвинеи.

Современные исследователи культуры и быта папуасов Новой Гвинеи, желая получить представление о том, что было у прибрежных групп населения до колонизации, обращаются к трудам Миклухо-Маклая даже в тех случаях, когда интересующие их этнические общности живут не на самом Берегу Маклая, а в соседних районах. Так, К. Бэридж, изучавший культ «карго» в одном из соседних районов, пишет: «Какой богатой могла быть культура тангу, можно себе представить по эскизам и рисункам барона Н. Н. Миклухо-Маклая, который жил 15 месяцев на Берегу Маклая. Эти эскизы опубликованы в 5-м томе собрания сочинений Миклухо-Маклая, изданного Институтом этнографии Академии наук СССР в 1954 г.»³.

Подвиг Миклухо-Маклая — яркий пример самоотверженного служения науке. Но в нем, кроме чисто научной, есть еще одна сторона, которую выдвигал на первый план великий русский писатель Лев Николаевич Толстой — сторона гуманистическая.

«Сколько мне известно, — писал Толстой Миклухо-Маклаю, — вы первый несомненно опытом доказали, что человек — везде человек, то есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой... Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом»⁴.

Гуманистическая сторона подвига Миклухо-Маклая нашла свое продолжение в его борьбе против колониализма. В своих трудах и письмах он обличал трэдеров, обманывающих местное население; миссионеров, эксплуатирующих местных жителей и прокладывающих дорогу трэдерам и колониальным чиновникам; колониальных чиновников, насаждающих произвол и беззаконие. Но он стремился оказать папуасам и непосредственную помощь. Когда австралийское правительство послало на Новую Гвинею корабль с карательным отрядом на борту, Миклухо-Маклай отправился на нем с тем, чтобы отвести от папуасов надвигающуюся на них катастрофу. И он достиг этой цели. А когда Германия захватила северо-восточную часть Новой Гвинеи (куда входит Берег Маклая), он послал канцлеру Бисмарку телеграмму: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию. Маклай».

Миклухо-Маклай умер в возрасте 42 лет, не успев подготовить к печати многие свои труды и дневники. Его папуасские друзья на Берегу Маклая попали в колониальное рабство, и он ничем не мог им помочь. Трагедия ученого была в том, что он был одинок в борьбе против колонизаторов Океании, этих, как он их называл, «белых дикарей».

В нашей стране после Октябрьской революции идеи Миклухо-Маклая обрели новую жизнь. К ученому посмертно пришла слава. А после вто-

³ К. O. L. Burridge, Mambu, London, 1960, p. 113.

⁴ См.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, М.—Л., 1953, стр. 465.

рой мировой войны начали воплощаться в жизнь надежды и чаяния ученого. Волны освобождения от оков колониального рабства дошли и до Океании: в 1962 году добилось государственной независимости Западное Самоа, в 1968 году — Науру, в 1970 — Тонга и Фиджи. Недалек тот день, когда обретут свободу папуасы Новой Гвинеи, в том числе и жители Берега Маклая.

Специальный комитет по конституционному развитию Папуа-Новой Гвинеи (в эту территорию входят Восточная Новая Гвинея, Новая Британия, Новая Ирландия, острова Адмиралтейства и два острова из группы Соломоновых — Бука и Бугенвиль) принял решение о новом названии страны и о ее государственном флаге. Папуа-Новая Гвинея будет называться Пагини, ее жители — пагинианцами. На пагинианском флаге будут три вертикальные полосы — голубого, желтого и зеленого цветов. На голубой части флага помещается изображение созвездия Южного Креста, на зеленой — райской птицы. Комитет высказался за предоставление Папуа-Новой Гвинеи самоуправления, при котором внешняя политика и вопросы обороны останутся «на ответственности Австралии»⁵.

Папуасы Берега Маклая до сих пор хранят память о своем русском друге, заступнике и вожде, тамо боро-боро. В 1966 г. В. О. Гурецкий, участник 38-го рейса советского экспедиционного судна «Витязь», побывал на Берегу Маклая и узнал, что папуасы помнят «тамо русс», нередко называют своих детей именем «Маклай», и не забыли даже о том, как их деды и прадеды испугались привезенного ученым невиданного животного — бычка, как они получили от Маклая первые железные ножи и топоры и т. п.⁶

Перед мировой этнографической наукой, в том числе и перед советской, стоит задача продолжить этнографические исследования на Берегу Маклая. Число проблем необозримо. В настоящей статье целесообразно остановиться лишь на нескольких из них. Речь пойдет об этническом составе населения Берега Маклая, об общественном строе папуасов и об изменениях в их культуре и быте за прошедшие сто лет.

Широко распространен тезис об этнической дробности папуасского населения. Исследователи насчитывают на Новой Гвинеи до 700 племен. Между тем Миклухо-Маклай отметил важный факт: соседние группы населения обычно близки по языку и культуре. «Почти в каждой деревне берега Маклая, — писал он, — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы. Только пожилые туземцы говорят на двух или трех наречиях; чтобы научиться этому, папуасы проводят некоторое время в чужих деревнях»⁷.

Это свидетельство Миклухо-Маклая является очень ценным. Диалект бонгу Миклухо-Маклай знал хорошо, и там, где этот диалект понимали, он в переводчиках не нуждался. Когда появлялся другой диалект, ему требовался один переводчик. Когда же второй диалект сменялся третьим (считая от деревни Бонгу), ему требовались уже два перевод-

⁵ О. С. Калкин, Страна называется Пагини, «Правда», 29 ноября 1970.

⁶ В. О. Гурецкий, По следам Миклухо-Маклая, «Природа», 1969, № 3. О том же сообщает Л. Почивалов, участник 49-го рейса «Витязя», побывавший в 1970 году в деревне Бонгу («Правда», 3 января 1970 г.).

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинеи, Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 92.

чика: один из них переводил другому с третьего диалекта на второй, а этот папуас переводил Миклухо-Маклаю со второго диалекта на диалект бонгу. Миклухо-Маклай продолжал удаляться от деревни Бонгу, и когда третий диалект сменялся четвертым, ему требовались три переводчика.

Границы взаимопонимания могут проходить в любом месте, так как они зависят от того, от какой деревни ведется счет. Каждая деревня стоит в центре зоны ее взаимопонимания. Любопытно отметить, что именно те деревни, где жили и работали исследователи, обычно находятся в центре очерченных ими на карте племенных территорий⁸. После Миклухо-Маклая многие исследователи писали, что между папуасскими племенами невозможно провести языковую, культурную и даже территориальную границу, а значит и этническую. Учитывая свидетельства Миклухо-Маклая, подтвержденные более поздними исследованиями в других районах, автор настоящей статьи высказал мнение, что на Новой Гвинее существует цепная связь языков и культур и что указываемые исследователями на картах племена представляют собой на деле контактные этнические общности (конэо)⁹. С этим мнением не согласился (в письме ко мне) австралийский этнограф Лейкок. Было бы весьма полезно провести исследование языковой ситуации на Берегу Маклая — ведь именно здесь Миклухо-Маклай впервые обнаружил близость соседних языков и собрал первые материалы по лексике, подтверждающие этот вывод.

Основные ячейки первобытнообщинного строя папуасов — община, семья и род. К сожалению, многие исследователи ограничиваются изучением у папуасов семьи и рода, оставляя в тени общину. Если взять, например, объемистые книги Вирца и Бааля о маринд-аним (одно из наиболее изученных новогвинейских племен), то окажется, что из 1670 страниц в них вряд ли найдется более 50 страниц, посвященных описанию деревень, притом деревни рассматриваются авторами не как социальные ячейки (общины), а просто как поселения.

Даже в трудах Малиновского о тробриандцах, где довольно обстоятельно охарактеризованы деревня, семья и род, они даны не как три стороны социального треугольника, а как три обрывающиеся линии, не соединенные между собой. Мы не знаем, например, родовой состав населения тробриандских деревень, с одной стороны, и количество членов каждого из четырех родов, их расселение по деревням — с другой.

Община — это основание социального треугольника. В настоящее время в мировой этнографической науке широко обсуждается проблема соотношения общины и рода¹⁰, и данные Миклухо-Маклая о папуасской общине могут сыграть при решении этой проблемы полезную роль. Миклухо-Маклай изо дня в день наблюдал и описывал события, происходившие в деревне Бонгу. В его материалах есть список кварталов, сведения о количестве хижин, поименный список (по кварталам) взрослых мужчин и их жен (см. табл. на стр. 73).

Миклухо-Маклай уделял много внимания изучению семьи. В частности, он отметил, что «невесты собственно покупаются не женихом, или отцом жениха, а всей деревней, где живут последние, и опять-таки плата идет не семье невесты, а всей деревне ее»¹¹. В свадебном обряде не-

⁸ Н. А. Бутин ов, Папуасы Новой Гвинее, М., 1968, стр. 24—26.

⁹ Н. А. Бутин ов, Этнолингвистические группы на Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1962, № 3, стр. 85; см. также: С. Loukotka, Classification des langues Papoues, «Lingua Posniensis», 1957, vol. 6.

¹⁰ См., например, дискуссию по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации» в нашем журнале за 1967—1970 гг. (см. табл. на стр. 73).

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Конспекты лекций в Географическом обществе о путешествиях в Океании, Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 434.

Поименный список глав семей и число их жен в кварталах деревни Бонгу *

Булиу	Канилю	Тетейбай
Сагам —1 жена	Балиль —1	Калеу Б.—2
Калеу —1	Яго К.—2	
Буа —1	Моте —1	
Ундель—1	Лако —1	
Мая —1		
Улисим	Явар	Румбау
Саул Б.—3	Нуа —1	Гамай—1
Саул К.—1	Тиану —1	Ели —1
Мамыс —2	Гулом —1	Коле —1
	Какуа —2	
	Калеу —1	
Обому	Бонгу	Сурам
Яго Б.—2	Муль —1	Кумбо —1
Калун —1	Дам —1	Намуй—2
	Теб —2	Гасем —1
	Масиль —2	Налай—2
	Ион —2	

* См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 157. Всего в деревне Бонгу —78 взрослых жителей. Б — означает боро (большой), К — вероятно, кенен (маленький); названия кварталов даны разрядкой.

веста и жених стоят на втором плане, родители невесты также не принимают в нем активного участия¹². Вопрос о браке, о плате за невесту решает община. Муж не наследует имущества жены, жена — имущества мужа. Муж живет в мужском доме (буамрамра), жена — в семейной хижине (таль). «Муж готовит пищу отдельно для одного себя, а жена — для себя и для детей. Мужья и жены никогда не едят пищу у одного очага или из одной и той же посуды»¹³. Судя по этим данным, семья у папуасов Берега Маклая — парная.

Правда, Миклухо-Маклай не заметил третьей стороны социального треугольника — рода. Но внимательно читая его дневники, можно обнаружить и экзогамию, и наличие родовых связей между жителями разных деревень.

У папуаса Моту, жителя деревни Бонгу, умирает жена. Маклай сообщает, что она родом из деревни Бурам-Мана¹⁴. Женится папуас Мукау из деревни Бонгу, его невеста Ло — из деревни Гумбу¹⁵. Выходит замуж дочь Калуна из деревни Бонгу и переходит жить в деревню Колику-Мана¹⁶. На основании этих фактов можно сделать вывод, что деревня Бонгу экзогамна.

Целый ряд признаков говорит о наличии рода. Когда у папуаса Моту умерла жена, из деревни Бурам-Мана, откуда она родом, пришли ее родственники. Они связали погребальную корзину, уложили в нее труп, внесли корзину в хижину и повесили в углу с помощью перекладины. Таким образом, они проделали важную часть папуасского обряда захоронения¹⁷. Экзогамию и род надо специально искать, более того — о них надо предварительно не один раз услышать, чтобы их обнаружить. Миклухо-Маклай прибыл на Новую Гвинею до выхода в свет работ Л. Г. Моргана, он не знал об экзогамии и роде и не искал их у папуасов. Тем не менее, будучи превосходным наблюдателем, он собрал факты, свидетельствующие о наличии на Берегу Маклая этих социальных институтов.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, Второе пребывание на берегу Маклая, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950, стр. 341.

¹³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки, стр. 59.

¹⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, Второе пребывание на Берегу Маклая, стр. 350.

¹⁵ Там же, стр. 338—341.

¹⁶ Там же, стр. 342.

¹⁷ Там же, стр. 350, 351.

Можно сказать, что Миклухо-Маклай своими трудами создал хорошую базу для изучения общинных, семейных и родовых отношений у папуасов Берега Маклая. При наличии столь солидной научной базы этнограф, вооруженный марксистско-ленинской теорией первобытнообщинного строя, может получить важные и ценные результаты, возобновив в настоящее время этнографические исследования на Берегу Маклая.

За прошедшие 100 лет в хозяйстве, культуре и быте папуасов Берега Маклая произошли большие изменения. Миклухо-Маклай предвидел это, и именно поэтому, отложив в сторону изучение вопросов зоогеографии, «почел за более важное,— пишет он,— обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на *status praesens* жителя-бытия папуасов, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоропреходящи... Не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, подобно тому как я искал сакай и семанг в лесах Малайского полуострова»¹⁸.

Миклухо-Маклай оказался прав. Жизнь и быт папуасов Берега Маклая начали меняться уже под воздействием самого Миклухо-Маклая: он дал папуасам железные ножи и топоры, ввел в их язык русские слова и т. д. Затем стало сказываться влияние немецких и английских трэдеров, миссионеров, работников («охотников на черных птиц»). В 1882 г. Ромильи — британский комиссар западной части Тихого океана — прибыл на Берег Маклая для вербовки рабочих. Он назвал себя братом Маклая («абадам Маклай»), воспользовался условными знаками, которые он выведал от Миклухо-Маклая, когда тот жил в Сиднее, и захватил первую партию рабов. В следующем, 1883 г. Ромильи направил к Берегу Маклая и в соседние районы свыше 30 кораблей для «охоты на черных птиц». Он вывез отсюда и из других мест свыше двух с половиной тысяч молодых папуасов¹⁹.

Вскоре после этого сюда с кратким визитом прибыл Миклухо-Маклай. 18 марта 1883 г. он посетил деревню Бонгу. «Припомнив расположение деревни,— пишет он,— я скоро открыл, что целые две площадки с окружавшими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, другие выселились»²⁰. Далее Миклухо-Маклай заметил, что среди встречавших его папуасов почти нет молодых мужчин.

«Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о „тамо инглис“ (вероятно, экспедиции шхуны „Dove“), затем о приходе в Гараси „абадам Маклай“ (брата Маклая), как они, вероятно, называли г. Ромильи. Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем. „Туй муэн сен“ (Туй умер),— ответил мне Саул»²¹.

В 1884 г. северо-восточная часть Новой Гвинеи, включая Берег Маклая, была захвачена Германией.

В 1896 г., когда на Берег Маклая прибыл миссионер А. Ханке, деревень Горенду и Гумбу не было — жители их переселились в Бонгу. Население этой деревни увеличилось вдвое: в 1871 г. численность ее жителей составляла около 100 чел., в 1896 г. — их стало 200 чел.²²

¹⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, Второе пребывание на Берегу Маклая на Новой Гвинее, стр. 408, 409.

¹⁹ S. W. Reed, The making of modern New Guinea, Philadelphia, 1943, p. 100.

²⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Третье посещение Берега Маклая, Собр. соч., т. II, стр. 583.

²¹ Там же, стр. 584.

²² A. Hanke, Grammatik und Vocabularum der Bongu-Sprache, Berlin, 1909, S. 2.

Затем следует период в 70 лет, когда о папуасах Берега Маклая не появляется никаких сведений. Здесь плохая якорная стоянка, и корабли заходят в порт Маданг, расположенный в другом месте, а хорошей дороги от Маданга до Бонгу и соседних деревень нет.

После первой мировой войны эта часть острова становится колонией Австралии. В годы второй мировой войны на острове высаживаются японские войска, затем австрало-американские, и здесь происходят ожесточенные бои, в которых принимают участие и папуасы. После второй мировой войны на Берегу Маклая вспыхивают волнения, папуас Яло возглавляет культ «карго», его поддерживает значительная часть населения. Об этих событиях послевоенных лет обстоятельно написал австралийский этнограф П. Лоуренс²³. Но он описал деревни, близкие к Мадангу, деревня же Бонгу осталась в тени.

В 1966 г. советское экспедиционное судно «Витязь» посетило Берег Маклая. Судно вошло в порт Маданг. На другой день несколько участников плавания, в том числе В. О. Гурецкий, отправились на автомобиле в те места, где Миклухо-Маклай жил в 1871—1872 и 1876—1877 гг. «Но, к нашему великому огорчению» — пишет В. О. Гурецкий, — прибрежная дорога местами оказалась размытой ливневыми дождями, а мост через реку Гогол был разрушен. Пришлось вернуться»²⁴.

В. О. Гурецкий сообщает, что деревня Бонгу расположена теперь не там, где она находилась в 1876—1877 гг. Судя по карте, приводимой им, эта деревня расположена теперь там, где раньше была деревня Горенду²⁵.

В 1970 году «Витязю» удалось посетить места, где жил и работал Н. Н. Миклухо-Маклай. Вот что рассказывает об этом один из участников экспедиции:

«Витязь на малом ходу осторожно входит в небольшую бухту, окаймленную густыми пальмовыми зарослями. Передо мной рисунки Миклухо-Маклая столетней давности — пейзажи бухты. Все удивительно совпадает: и зеленая бахрома рощ у моря, и прибрежные безлесные холмы, и синие контуры горных хребтов в глубине острова. В бинокль замечаю крыши спрятавшейся под пальмами деревушки. Конечно, это и есть Бонгу, в которой Маклай был своим человеком. А вон на том мыске стоял его дом. Под деревьями замечаю темные фигурки людей — нас заметили, с берега к „Витязю“ устремляются пироги...

...Возле берегового обрыва, расчищенная от кустарника, огороженная бамбуковым частоколом площадка. Здесь стоял дом Маклая. Нам приятно, что жители помнят это место. Матросы „Витязя“ переносят из бота заранее изготовленную ими бетонную плиту с металлической пластиной. Плиту укладывают в центре площади. На пластине по-русски и по-английски выбита надпись: «В память высадки на этом берегу в 1871 году с корвета „Витязь“ русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая от моряков и ученых „Витязя“. Декабрь 1970 года»²⁶.

Сейчас, конечно, бесполезно искать на Берегу Маклая «папуаса в его примитивном состоянии». Таких здесь давно нет. Кто хочет изучать первобытность и каменный век, тому надо совершить путешествие в горные районы острова.

Передо мной — полевые материалы японской исследовательницы Сакико Хатанака о племени сайолоф (другие названия — сисими и хева), проживающем в труднодоступном горном районе. Территория этого племени окружена со всех сторон горами высотой до 2 тыс. м. Австралийская администрация впервые узнала о сайолоф в 1964 г., первые контакты с этим племенем были установлены в 1966 г. В 1967 г. сюда

²³ P. Lawrence, Road belong Cargo, Manchester, 1964.

²⁴ В. О. Гурецкий, Указ. раб., стр. 86.

²⁵ Там же, стр. 83.

²⁶ Л. Почивалов, По следам Миклухо-Маклая, «Правда», 3 января 1971 г.

добралась Сахико Хатанака, пробыла здесь год, затем в 1968 г. уехала отсюда на VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, проходивший в Токио и Киото, после чего вновь вернулась к сайолоф. Оттуда она прислала автору свои полевые материалы. «Сайолоф,— пишет она,— ничего не знали об (австралийской.— Н. Б.) администрации. В подавляющем большинстве они боялись контакта с администрацией, скрывались от нее в джунглях. Фактически 80% того населения, с которым я познакомилась, никогда до этого не видело каких-либо пришельцев со стороны»²⁷. Правда, и здесь, как сообщает Сахико Хатанака, каменные топоры уже вышли из употребления (с 1947 г. сайолоф стали выменивать у соседних групп населения железные топоры), однако образ жизни в целом пока что мало изменился.

Этнографов интересует не только тот образ жизни папуасов, который был до их контактов с европейцами, но и процесс изменения самобытного жизненного уклада, характер сочетания традиций и инноваций, приспособление старых обычаев к новым условиям жизни и новых явлений — к продолжающей жить прежней традиции.

Современные культура и быт папуасов Берега Маклая представляют собою в этом плане весьма интересный объект для этнографического исследования.

Исследователь, попавший на Берег Маклая и заинтересовавшийся этими проблемами, окажется в очень благоприятных условиях. Исходное состояние культуры и быта папуасов этого региона до появления европейцев обстоятельно и глубоко изучено Миклухо-Маклаем. Конечное состояние — современные культура и быт — могут быть изучены самим исследователем. Промежуточные этапы этого процесса можно проследить, воспользовавшись материалами местной миссии, трудами миссионеров А. Ханке и Б. Хагена, австралийского этнографа П. Лоуренса, а также полевыми материалами работавших под его руководством студентов. Тем самым открывается редкая возможность проследить историю папуасов Берега Маклая, особенно деревни Болгу, на протяжении 100 лет.

N. N. MIKLUKHO-MACLAY AND PROBLEMS OF THE ETHNOGRAPHY OF THE MACLAY COAST IN NEW GUINEA

In September 1971 comes the hundredth anniversary of the landing of Miklukho-Maclay on the coast of New Guinea. Miklukho-Maclay's articles, diaries, drawings and collections form a most valuable heritage of world ethnographic science. Miklukho-Maclays' dream of the emancipation of the peoples of Oceania from colonial servitude is beginning to come true. The Papuans of Maclay Coast still remember their Russian friend, *tamo russ*.

World ethnography is now faced by problems of continuing ethnographic studies on Maclay Coast. Among other problems which should be further studied are: the ethnic composition of the region's population, the social structure of the Papuans (the Paginians), their kinship system, the changes that have taken place in their culture and everyday life in the last 100 years.

²⁷ Sachiko Hatanaka, A settlement pattern of the Saiyolof (рукопись 1970 г.).

Ю. В. Кнорозов

ЗАМЕТКИ О КАЛЕНДАРЕ МАЙЯ. ОБЩИЙ ОБЗОР. I*

Календарь древних майя (точнее календарно-хронологическая система) приобрел широкую известность. Во многих популярных и специальных книгах можно прочесть, что древние майя достигли больших успехов в астрономии, что продолжительность солнечного года они определили точнее, чем в современном григорианском календаре и т. п. Такая высокая оценка действительно имеет некоторые основания.

К сожалению, во многих книгах можно прочесть и различные, мягко выражаясь, сомнительные сведения. Получается, что древние майя имели не только хороший календарь, но и, в отличие от других народов, были очарованы ритмом времени. Свою хронологию они вели по великим мировым катастрофам, скорее всего от гибели Атлантиды, из которой, собственно, они якобы и прибыли, если, конечно, не из еще более далеких стран. Календарь майя будто бы получили в наследство от некой высочайшей цивилизации времен не то нижнего палеолита, не то мезозойской эры. С другой стороны, календарь майя якобы был изобретен в последние века до нашей эры гениальным астрономом, «Гиппархом майя», и с тех пор оставался без изменений, предоставляя майя полную возможность наслаждаться ритмом времени, пока испанцы не ввели свой несовершенный календарь и не лишили их этого удовольствия. Календарь майя будто бы построили по планете Венера. Основание для подобных утверждений, конечно, есть, но не у древних майя, а у соответствующих авторов, рассмотрение концепций которых никоим образом не связано с настоящей статьей. Наличие многих неясных вопросов в календаре майя создает почву для любых предположений.

Календарь древних майя изучается уже более столетия. Благодаря усилиям ученых различных стран удалось выяснить смысл календарных выкладок майя. В настоящее время мы можем с полной уверенностью понимать даты, которые древние скульпторы высекали в начале своих надписей. Тем не менее в календаре майя далеко не все понятно. Во многих случаях мы знаем, как майя вычисляли свои даты, но совершенно не знаем, зачем они это делали¹.

Принятая в настоящее время система обозначений различных календарных терминов майя не выдерживает даже самой легкой критики². По традиции, отнюдь не древних майя, а их исследователей, возникла на редкость громоздкая и во многих отношениях бессмысленная (но хорошо отражающая этапы изучения календаря майя) система обо-

* Этой статьей редакция начинает публикацию цикла статей, посвященных одной из сложнейших проблем американистики — календарю майя.

¹ В настоящей статье не излагаются пути изучения календаря майя. См. Ю. В. Кнорозов, Письменность древних майя, М. — Л., 1963, 249—262.

² Эти обозначения обычно считаются чтением древних знаков, хотя в действительности с чтением не связаны.

значений. Поэтому, чтобы разобраться в сложившемся положении, целесообразно последовательно рассмотреть имеющиеся материалы.

Классический календарь мая представляет собой стройную и тщательно продуманную систему. Как единое целое он, несомненно, является результатом работы одного или нескольких изобретателей. Эти изобретатели имели в своем распоряжении исходные материалы, относящиеся к разному времени. В дальнейшем календарь несколько раз реформировался. Прежде чем касаться вопроса о развитии календаря мая, целесообразно рассмотреть классическую дату мая.

Классическая дата мая

Надписи мая обычно начинаются датой. Таких надписей, высеченных на каменных памятниках и стенах зданий (часто над входом), насчитывается более тысячи. Они относятся в основном к IV—IX вв. н. э.

Классическая дата мая включает следующие компоненты:

1. Вводный блок (смысл неизвестен).
2. Блок, вписанный в середину вводного блока (так называемый «покровитель месяца»). Каждому из 18 названий месяцев соответствует один из 18 этих блоков.
3. Число 360-дневных лет и дней, прошедших от начальной даты (0.0.0.0.0 4 Ахав 8 Кумху³, 3113 г. до н. э.).
4. Дата 260-дневного цикла: число тринадцатидневки и название дня двадцатидневки.
5. Название дня девятидневки и блок «девятидневка».
6. Лунная дата: число лунного месяца, номер и название лунного месяца, количество дней в лунном месяце (29 или 30).
7. Дата 365-дневного года: число и название одного из 18 двадцатидневных месяцев или 5 добавочных дней.

В качестве примера можно взять дату на притолоке 21 в Иашчила-не⁴. Надпись начинается датой, которую условно можно передать следующим образом: «дата» (вводный блок) — «покровитель месяца Иаш» — 9.0.19.2.4 (от начальной даты 0.0.0.0.0. прошло $400 \times 9 + 20 \times 0 + 19$ 360-дневных лет и $20 \times 2 + 4$ дня) — 2 (число тринадцатидневки, день) Кан — II день девятидневки — 27 число 3-го лунного месяца такого-то, состоящего из 29 дней — 2 (число двадцатидневного месяца) Иаш.

Классическая дата очень обстоятельна и подробна, хотя и весьма громоздка. В надписи на этой притолоке она занимает половину места.

При рассмотрении классической даты обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Составитель, видимо, стремился указать дату, понятную всем жителям (хотя никто, кроме жрецов, читать не умел). Указана дата и по 260-дневному циклу, и по лунному, и по солнечному календарю. По-видимому, такая дата была рассчитана на всеобщее оглашение, с тем, чтобы любой обыватель понял в ней уж никак не меньше одного компонента, из числа тех, которыми пользовались в повседневной жизни.

Для образованного жреца (равно как и для современного исследователя) такая громоздкая дата, вообще говоря, не дает решительно никаких дополнительных сведений сверх тех, которые содержатся в третьем компоненте — числе лет и дней, прошедших от начальной даты. Зная начальную дату (а она была известна, конечно, всем жрецам) и располагая некоторым свободным временем, по указанному интервалу можно весьма легко вычислить все прочие указанные в классической дате компоненты (кроме лунной даты, так как в разных городах лунный календарь не совпадал), хотя для этого пришлось бы заняться довольно громоздкими арифметическими расчетами. Для этих расчетов жрецу сле-

³ Названия даются по общепринятой системе обозначений. Вопрос о чтении соответствующих блоков будет рассмотрен особо.

⁴ Ю. В. Кнорозов, Указ. раб., табл. 57.

довало знать начальную дату:

1. По 260-дневному циклу: 4 Ахав.
2. По девятидневке: I.
3. По 365-дневному году: 8 Кумху.

Современный исследователь, воспитанный на десятичной системе счета, скорее всего преобразует 360-дневные года в дни, а затем будет подсчитывать. Жрецы майя пользовались двадцатичной системой счета, но результат получался, конечно, такой же.

Чтобы найти дату по 260-дневному циклу нужно количество дней, прошедших от начальной даты, разделить на 260, а остаток прибавить к 4 Ахав. Чтобы найти день девятидневки, нужно делить на 9, а остаток прибавить к 1. Чтобы найти дату 365-дневного года, нужно делить на 365, а остаток прибавить к 8 Кумху.

В данном случае от начальной даты прошло $144\,000 \times 9 + 360 \times 19 + 20 \times 2 + 4 \times 1 = 1\,296\,000 + 6\,840 + 40 + 4 = 1\,302\,884$ дня. Отсюда можно подсчитать остальные компоненты (кроме лунной даты):

1. $1\,302\,884 : 260 = 5\,011$, остаток 24; через 24 дня после 4 Ахав будет 2 Кан.

2. $1\,302\,884 : 9 = 144\,987$, остаток 1, т. е. II день девятидневки.

3. $1\,302\,884 : 365 = 3\,569$, остаток 199; через 199 дней после 8 Кумху будет 2 Иаш.

Следует отметить некоторые особенности календарно-хронологической системы майя.

1. В хронологии и календаре велся точный счет дней, причем считались только истекшие дни (как у нас при счете часов). Поэтому наше первое число месяца у майя было нулевым и т. д.

2. 260-дневный цикл, не соответствующий никакой астрономической единице, вообще говоря, ни в солнечном, ни в лунном календаре совершенно не нужен и является сущим излишеством, сохраненным в силу некой традиции.

3. В хронологии принят 360-дневный год. Все остальные счетные единицы — больше или меньше 360-дневного года — построены по двадцатичной системе.

4. В календаре принят 365-дневный солнечный год. Астрономы майя знали, что действительная продолжительность солнечного года больше приблизительно на четверть суток (в связи с чем в современном григорианском календаре добавляется лишний день каждые четыре года). Однако в календаре дополнительные дни не предусматривались. Без поправок 365-дневный год должен был отставать от фактического солнечного года и постепенно смещаться по сезонам. Таким образом, по дате майя точно известно, сколько прошло дней, но неизвестно, сколько прошло фактических солнечных лет.

5. Солнечный 365-дневный год разделен на 18 двадцатидневных месяцев и 5 добавочных дней. 18 двадцатидневных месяцев как раз и составляют 360-дневный год, принятый в хронологии. Продолжительность «месяца» в 20 дней не соответствует ни солнечному, ни лунному месяцу, хотя и удобна при двадцатичном счислении. Однако в силу некой традиции год подразделялся на 18 частей, имеющих свои названия.

6. Лунный календарь, в котором счет месяцев велся по полугодам, составляет вполне самостоятельную календарную систему, не связанную ни с солнечным годом, ни с хронологией.

Далее следует отметить особенности написания классической даты майя.

1. Даты по 260-дневному циклу и по 365-дневному году вместе составляют дату 52-летнего цикла. Во многих классических надписях дается только такая циклическая дата, которая повторялась через 52 года и была достаточна, чтобы точно датировать событие в пределах жизни по крайней мере одного поколения.

Вместе с тем в классической дате эта циклическая дата не рассматривалась как единое целое. Между ее компонентами стоит день девятидневки и лунная дата. Таким образом, в классической дате компоненты циклической даты рассматривались как самостоятельные, какими они, впрочем, и являются.

2. Дата по 365-дневному году стоит последней (число и название месяца). Между тем блок «покровителя месяца» вписан в вводный блок. Коль скоро «покровитель месяца» связан только с названием месяца и больше ни с чем иным, то было бы гораздо удобнее поместить его рядом с названием месяца. Однако в силу некой традиции он помещается в начале, т. е. в противоположной стороне всей даты.

3. Лунная дата, не в пример солнечной, выглядит безукоризненно. Здесь последовательно указаны: число месяца, номер месяца в 6-месячном полугодии, название месяца и количество дней в нем. Создается впечатление, что запись лунной даты делалась по единовременно принятому стандарту (чего нельзя сказать о солнечной дате).

Начальная дата имеет довольно странный вид. В хронологии она приходится на нулевое число лет и дней, а в 365-дневном году — за 17 дней нового года.

Все эти особенности календарно-хронологической системы майя можно понять, рассмотрев историю ее возникновения и развития.

Календарь майя не является изолированным. Сходным календарем пользовались другие народы Мезоамерики, в том числе «ольмеки» (цивилизация которых возникла примерно в XI в. до н. э.), тольтеки, астеки, сапотеки, миштеки, тотонаки. При изучении календаря майя необходимо учитывать данные по календарю других народов Мезоамерики.

Значение календаря менялось в различные эпохи. У племен охотников и собирателей, ведущих присваивающее хозяйство, не было особой нужды в точном календаре. Они делили год на сезоны неопределенной продолжительности, соответствующие природным явлениям. Для счета времени также использовались «небесные часы» — фазы Луны.

Для древних земледельцев точный календарь имел огромное значение. Он являлся результатом многовековых наблюдений, обобщенных великими мудрецами того времени. Календарь был могущественным инструментом в хозяйстве. Пользуясь им, можно было определить сроки различных работ, в первую очередь посева, от своевременности которого зависел урожай. Без календаря земледелие майя было бы просто невозможно. Естественно, календарь майя имеет ярко выраженный сельскохозяйственный характер. В целом причиной его возникновения является переход от собирательства к земледелию.

В целях ясности изложения имеет смысл сначала дать предполагаемую картину возникновения календарно-хронологической системы майя, а затем перейти к детальному рассмотрению составляющих ее компонентов. Суммируя имеющиеся данные, наметим следующие этапы.

Предки майя, занимавшиеся преимущественно собирательством (на основе которого в дальнейшем возникло земледелие), различали сезоны неопределенной продолжительности, связанные с природными явлениями. Таких сезонов насчитывалось от 2 (сезон дождей и сезон засухи) до 18. Для ориентировочного счета времени использовались фазы луны. Понятия «год» не было.

С переходом к земледелию возникла необходимость точного счета дней. Земледельцы интересовались не всем годом⁵, а только временем от посева до сбора кукурузы. Этот период продолжается около 9 месяцев (в Юкатане с мая по январь).

⁵ Как показал Б. А. Рыбаков, древнеславянский календарь, оттиснутый на кувшине IV в. из с. Ромашка Киевской области, охватывает 96 дней, от 2 мая до 7 августа, т. е. период от посева до созревания яровой пшеницы и ячменя (см.: Б. А. Рыбаков, Календарь древних славян, «Наука и человечество», М., 1962, стр. 95—105).

Для определения начала земледельческого периода стали использоваться наблюдения за движением солнца через созвездия (знак зодиака). Таких созвездий оказалось 13. Начало земледельческого периода определялось, вероятно, визуальными наблюдениями — вхождение солнца в созвездие Черпахи (Близнецы). Возникло понятие солнечного года, который был определен в 360 дней.

Для точного счета дней земледельческий период был разделен на 13 (по числу знаков зодиака) двадцатидневок (единиц двадцатичного счета), т. е. был определен в 260 дней (от посева до сбора).

Создание земледельческого календаря относится, по-видимому, к концу II тысячелетия до н. э. Его главными компонентами были 260-дневный земледельческий период и 360-дневный год.

260-дневный период с делением на тринадцатидневки и двадцатидневки давал возможность вести точный счет дней во время всего земледельческого сезона. Для остальной части года точный счет дней, по-видимому, не велся.

360-дневный год был введен, по-видимому, в порядке попытки объединить солнечный и лунный календари. Он больше лунного и меньше солнечного. 360 дней — это два лунных 6-месячных полугода, если округлить лунный месяц до 30 дней.

Кроме того, сохранялись, конечно, старые названия сезонов, однако еще не увязанные с какими-либо месяцами. Начало года определялось, вероятно, наблюдениями за точкой восхода солнца на горизонте.

Древнейший календарь имел, однако, значительные недостатки. Во-первых, счет дней велся, по-видимому, только в земледельческом сезоне. Во-вторых, 360-дневный год, хотя и близкий к лунному и солнечному, не соответствовал ни тому, ни другому, и нуждался в постоянной корректировке. Все эти обстоятельства, новые наблюдения и новые запросы привели к первой реформе.

В настоящей статье реформы календаря умышленно описываются несколько упрощенно для удобства изложения и дальнейших ссылок. Реформы действительно происходили, но возможно, не в один прием. Поэтому результаты той или иной реформы могли быть выработаны не одним «собором мудрецов», а несколькими. Автором реформы могло быть и одно лицо. Важно, однако, что в результате становилась общепринятой определенная концепция.

Кроме того, необходимо коснуться вопроса о распространении тех или иных концепций в условиях независимых городов-государств. Могло быть в принципе два основных варианта — либо «миссионерство» т. е. рассылка ученых жрецов с целью пропаганды новой концепции, либо «паломничество», т. е. посещение иногородними, а в ряде случаев и иноязычными мудрецами центра, где была проведена реформа календаря. В свете имеющихся данных преобладало, безусловно, «паломничество». Иначе невозможно объяснить ряд ошибок в переводе календарных терминов, чего «миссионеры» никак не могли бы допустить.

Первая реформа календаря

1-ая реформа имела место, по-видимому, между 7.0.0.0.0 и 7.15.0.0.0 (354—38 гг. до н. э.) в одном из «ольмекских» городов. Сущность ее сводилась к следующему.

Превращение старинного 260-дневного земледельческого периода (посев — сбор) в повторяющийся 260-дневный цикл. Этим была достигнута возможность вести непрерывный счет дней и точно датировать любой день, что требовалось для нужд хозяйственных и государственных. При таком способе датировки получалась одна неувязка, впрочем незначительная. Некоторые даты повторялись дважды в год, хотя и через

большой промежуток в 260 дней. Чтобы уточнить, какая дата имеется в виду, нужно было указать также сезон.

260-дневный земледельческий период, превратившись в цикл, утратил реальную связь с земледелием, сохранив ритуальную. Вероятно, эта мера вызвала изрядные нарекания.

Сохранение старинных названий 18 сезонов разной продолжительности. Названия этих сезонов могли прибавляться для уточнения к дате 260-дневного цикла, причем, видимо, удобно было именно в этом порядке — название сезона для общей ориентации в году и точная дата.

Сохранение старинного 360-дневного года для счета лет. Мудрецы I реформы, конечно, знали, что 360-дневный год меньше солнечного, и что необходимо вводить добавочные дни. Эти добавочные дни вводились перед началом нового года, видимо, по указанию властей. Они не включались в 260-дневный цикл. Включить их в этот цикл было невозможно, так как это сбilo бы счет 360-дневных лет. Поэтому они считались вне года и не имели ни числа, ни наименования. В связи с этим за ним закрепилось традиционное название «дни без имени» (ст. *иш-ма к'а-ба к'ин*).

По позднейшим данным известно, что в эти дни происходила смена должностных лиц (а может быть и правителей), что, как водится, сопровождалось различными бесчинствами, вероятно, включая грабежи и убийства сторонников неподходящего кандидата. У богов, конечно, тоже происходила «смена» правления. «Дни без имени» видимо не без основания считались зловещими, роковыми днями (ст. *ваай к'ин*, нах. *немон-теми*), когда можно ожидать всевозможных безобразий. Беременных женщин и детей запирали, чтобы они не превратились в диких зверей⁶. Остальные граждане приступали к выборам. В дальнейшем появился особый бог-распорядитель для этих роковых дней, что отражало, вероятно, появление подобной реальной должности.

Введение 364-дневного солнечного года

Мудрецы I реформы приняли продолжительность солнечного года в 364 дня. В связи с тем, что Солнце проходит в течение года 13 зодиакальных созвездий, они решили округлить сроки (фактически Солнце, конечно, не бывает в каждом созвездии равно 28 дней) и разделить год на тринадцать 28-дневных месяцев.

Это деление, вообще говоря, было очень удачным. Все месяцы имели равную продолжительность, были связаны и с небесными явлениями (восхождение различных созвездий), и с хозяйственными сезонами (но не с теми, для которых уже были традиционные названия). Поэтому 364-дневный год прочно вошел в жреческую практику в Мезоамерике и сохранился у майя и астеков до испанского завоевания уже в виде ритуального года, но с ярко выраженным земледельческим уклоном.

Тем не менее 364-дневный год не получил, так сказать, официального статуса и остался для служебного пользования. Причин для этого могло быть несколько.

Этот год был чисто теоретическим созданием ученых-астрономов, изучавших путь солнца среди созвездий. Месяцы этого года назывались по созвездиям, к практической жизни отношения не имеющим. Между тем жители пользовались старинными названиями сезонов, прямо связанных с земледельческими работами и т. п. Этих сезонов было 18 и они никак в 28-дневные месяцы не укладывались. Мудрецы I реформы решили сохранить народные названия сезонов и не навязывать новых искусственных месяцев. Однако обозначение определенных сезонов по созвездиям все же вошло в обиход.

⁶ Обычай запираť беременных женщин и детей в «несчастливые дни» последнего года 52-летнего цикла сохранялся у астеков (Дж. Вайян, История астеков, М., 1949, стр. 143).

Далее, этот год не совпадал с традиционным 360-дневным годом, который решили сохранить. Удобнее было не вводить два разных года, а совместить их за счет добавочных «дней без имени», присоединяемых к старому 360-дневному году. Тем самым получалось, что оба года фактически сосуществуют; один традиционный, официально, второй, новый, неофициально, как астрономический, нужный для руководства земледельческими работами и т. п. Разница состояла в том, что в 360-дневном году счет велся по 260-дневному циклу с перерывом на «дни без имени», а в 364-дневном году счет дней велся непрерывно по числам 28-дневных месяцев, причем все дни были «без имени».

Мудрецы I реформы, очевидно, знали, что фактическая продолжительность солнечного года больше 364 дней. Однако они, по-видимому, считали, что ошибка незначительна. Кроме того, ошибку можно было сбалансировать, добавляя еще один «день без имени».

Введение хронологии

Появление хронологии отражает крупные достижения ученых жрецов в области счета (или, скажем, математики). Было введено позиционное написание чисел и понятие нуля. Позиционное написание чисел — явление достаточно редкое в древних цивилизациях. Мудрецы I реформы решили его в оригинальном местном варианте, а именно на основе двадцатичной системы счета. При позиционном написании каждая цифра означала единицу в 20 раз больше следующей. Но для хронологии мудрецы I реформы разработали особый способ написания чисел.

В хронологии счет велся годами. Поэтому наименьшая единица — начала год (360 дней), следующая — 20 лет (360×20 дней) и т. д. Для полной точности в дате указывалось и количество дней меньше года. Они также записывались по позиционной двадцатичной системе. В результате позиционная запись даты делится на две части (хотя это никак не отражено при написании). Первая, вторая и третья цифры показывают соответственно количество лет в единицах $1 \times 20 \times 20$, 1×20 , 1 (т. е. в днях $360 \times 20 \times 20$, 360×20 , 360). Четвертая и пятая цифры указывают количество дней меньше года в единицах 1×20 , 1. Таким образом, позиционная запись хронологической даты специально приспособлена для счета лет, что, конечно, не случайно. Мудрецы интересовались не абстрактным математическим числом дней, а именно числом лет. Это, очевидно, требовалось по исторической традиции.

Нуль, во всяком случае в области счета времени, мудрецы I реформы понимали не как отсутствие количества, а, наоборот, как полноту, завершенность. Такое понимание нуля при счете времени связано с принципом считать только истекшее время. В современном счете времени непоследовательно употребляются два разных принципа. У нас нет 0 числа месяца, но есть 0 часов. Мудрецы I реформы считали только по одному принципу — как у нас считаются часы (истекшее время). У них 0 дней означало, что прошло полных двадцать дней, что они и записывали 1.0. В дальнейшем, однако, можно указать примеры, когда знак нуля употребляется в смысле отсутствия количества.

Важно отметить, что этот принцип счета истекшего времени мудрецы I реформы применили последовательно и в таких счетных единицах, где нуль не был введен за отсутствием надобности.

В тринадцатидневке число 13, например, означало, что истекло 13-е число (по-нашему, \ стало быть, идет 1-е число). Древний 260-дневный земледельческий период начинался в день 1 Имиш⁷. По I реформе этот день следовало именовать 13 Ахав.

⁷ Традиционный земледельческий трехдневный обряд, связанный с посевом, начинается в день Имиш (текущий), а не в день Ахав, как полагалось бы по I реформе. Этот обряд изображен на известном сосуде из Ратинлинушля (Д. де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, М.— Л., 1955, табл. XXII).

Мудрецы I реформы, конечно, исходили из лучших намерений. Оказалось, однако, что мудрецы других народов Мезоамерики, так сказать, не созрели для этих понятий. В результате нуль все равно никто, кроме жрецов майя, не принял, а у жрецов других народов возник ряд несуразных мифов, к математике отношения не имеющих, но вызванных именно попыткой некоторых мудрецов ввести понятие нуля.

Введение хронологии вполне может рассматриваться как один из признаков возникновения государства.

Жизнь племени протекает по сезонному годовому кругу, повторяясь в разных вариациях каждый год. Племя обеспокоено прежде всего обеспечением своих членов в условиях постоянной угрозы нехватки пищи. Конечно, счет лет может вестись, но обычно нерегулярно, опираясь на памятные даты (например, год великого голода и т. п.). История племени уходит в незапамятные времена. Как эпохи в истории племени часто отмечаются бедствия, вынудившие переселиться из обжитых мест.

У государства совершенно иные запросы. Оно имеет более или менее точное начало и гордится этим началом. Высокий взлет экономики, давший возможность образовать государство, рассматривается, вообще говоря справедливо, как начало новой эры после предыдущего прозябания и постоянной боязни голода. Впереди представлялись величественные свершения — слишком много уже было достигнуто, причем в небывало короткие сроки. Поступь истории становилась стремительной. Поэтому история государства никак не укладывалась в традиционные рамки вечной племенной истории, казавшиеся теперь не величественными, а, наоборот, тускло-монотонными. Представляется неточным связывать потребность в хронологии с властью царя или правителя. Во главе формирующихся государств не обязательно стояли цари с пожизненной властью. Царской власти еще нужно было добиться, преодолев ожесточенное сопротивление старых племенных традиций. История календаря в Мезоамерике как раз и отражает эту упорную борьбу.

Для возникновения государства требуется наличие экономической базы, дающей достаточный прибавочный продукт для содержания аппарата управления, жречества, войск. Само же управление могло строиться по разнообразным принципам. Оно, например, могло быть организовано по компромиссному началу — поочередная власть родов. Смена власти должна была происходить, естественно, раз в год. Правители, конечно, стремились удлинить срок правления, да и вообще узурпировать власть, для чего пускались на всякие ухищрения. Во всяком случае время переизбрания правителя в ранний период существования государства вполне заслуживало названия «роковых дней».

Так или иначе, молодое государство испытывало потребность в хронологии и эре. И то и другое мудрецы I реформы обеспечили, причем настолько прочно, что эта эра продолжалась более полутора тысяч лет до испанского завоевания.

Мудрецы I реформы определили, что нулевой день в хронологии приходится на 4 Ахав по 260-дневному циклу. Старинный 260-дневный земледельческий период начинался в день 1 Имиш. Если считать, что период начинался с дождей и посева, то 4 Ахав (160-й день этого периода) приходится на время прекращения дождей и начала сезона засухи. При этом заметим, что в 4-е число правил бог солнца. Разумеется, мудрецы I реформы указали дату по принципу счета истекшего времени (текущим был бы день 5 Имиш). Таким образом, нулевой день был приурочен, по-видимому, к началу сезона засухи.

Далее возникает вопрос, почему именно мудрецы I реформы отнесли начальную дату за семь «четырехсотлетий» до начала их эпохи. Прямых сведений об этом не сохранилось, однако можно восстановить ход их рассуждений по легендам, возникшим после II реформы.

Мудрецы I реформы больше заботились о будущем, чем о прошлом. Прошедшую и будущую историю они уложили в рамки полного комплекта, т. е. 20 «четырёхсотлетьей», причем на будущую историю отвели 13 «четырёхсотлетьей» (священное число). На прошедшую историю осталось семь. Отметим, что восьмое «четырёхсотлетие» в качестве текущего было избрано не без хитрости: всяким восьмым периодом правил бог изобилия и кукурузы, весьма благожелательный к людям.

Текущую эпоху мудрецы I реформы датировали 7.0.0.0.0. Вероятно, в это время имело место какое-то историческое событие, которому придавали особо важное значение (типа, например, основания города или государственных реформ). Предшествующую историю включили в рамки семи «четырёхсотлетьей». Эта история была основана на племенных легендах, в общем вполне реалистических. Историческая схема, принятая мудрецами I реформы, может быть ориентировочно восстановлена приблизительно в следующем виде (принимая округленно «четырёхсотлетие» за 394 года).

1. 0.0.0.0.0 4 Ахав (3113 г. до н. э.) Исход из некой прародины на севере.

2. 1.0.0.0.0 3 Ахав (2719 г. до н. э.) Странствия.

3. 2.0.0.0.0 2 Ахав (2325 г. до н. э.) Приход в Мексику. Пища — жолуди.

4. 3.0.0.0.0 1 Ахав (1931 г. до н. э.) Бегство от враждебных воинственных племен в болотистые местности. Пища — «водная кукуруза», водяная лилия.

5. 4.0.0.0.0 13 Ахав (1535 г. до н. э.) Пища — «вроде кукурузы» (предки культурной кукурузы).

6. 5.0.0.0.0 12 Ахав (1143 г. до н. э.) Пища — кукуруза. Переход к земледелию. К этому времени относятся древнейшие «ольмекские» города.

7. 6.0.0.0.0 11 Ахав (749 г. до н. э.) Пища — кукуруза.

8. 7.0.0.0.0 10 Ахав (354 г. до н. э.) I реформа календаря.

При этом следует подчеркнуть, что в этой схеме не было никаких космогонических пунктов, вроде сотворения мира. Схема целиком основывалась на этногонических преданиях, вообще говоря, довольно точно отражавших действительный ход истории. Округление всех эпох было неминуемо в силу отсутствия точного счета лет до возникновения календаря.

История племени начиналась с ухода из древней прародины, находившейся на севере. Майя так и называли север «путь позади», а древних предков — «людьми севера». Отметим, что начинать легендарную историю племени с переселения — широко распространенная традиция. Так начинается история племен ица и тутуль-шив в хрониках майя, история киче в эпосе «Пополь Вух», история астеков, история делаваров в эпосе «Валам Олум» и т. д. Переселение — всем памятный рубеж, с которого началась некая новая эпоха в действительной и, соответственно, легендарной истории племени.

Согласно легендам, распространенным в Мезоамерике, предки пришли из местности, носящей название «7 пещер» (нах. *чиком-осток*) или «7 ущелий» (киче *вукуб-сиван*) или «7 покинутых домов» (ст. *уук токоб на*). По всей видимости, под этими названиями следует понимать не одну определенную местность, где было 7 пещер, или 7 домов, а 7 мест жительства, покинутых по ходу переселения по одному на каждое из 7 исторических «четырёхсотлетьей» I реформы. Термин *на* означает не только «дом», но и «место жительства». *Токоб на* можно понять двояко — разоренный врагами или покинутый самими дом (в смысле «селение»). Майя покидали дома, в которых был погребен умерший. Поэтому «покинутый дом» может значить и «место, где жили умершие предки». *Токоб на* по смыслу соответствует русскому выражению «старое пепелище».

Тольтекский переводчик перевел «пещера», вероятно, в связи с тем, что пещера ассоциировалась с древнейшим жилищем, отголоски чего сохранились в языке⁸. Переводчик киче (переводивший с тольтекского) перевел «7 пещер, 7 ущелий», поясняя, что речь идет не о настоящей пещере.

Таким образом, традиционные «7 пещер», по-видимому, являются отголоском тех семи «четырехсотлетий», на которые разделили легендарную историю своих предков мудрецы I реформы.

Отметим, между прочим, что знаменитый юкатанский прорицатель яростно отрицает происхождение астеков от предков, живущих в «7 покинутых домах». Для этого были весьма веские основания. Сами астеки считали своей прародиной (т. е. исходным пунктом начала странствий) Астлан («место цапель»), находившийся на острове, где не было ни семи пещер, ни семи домов (название «астеки» происходит от этой местности) и который они покинули в 1143 г.

Введение стандартного написания даты

Мудрецы I реформы, естественно, должны были позаботиться о том, чтобы даты по введенной ими системе были по возможности общепонятными. Насколько можно судить (надписей времен I реформы почти не сохранилось), дата писалась в следующем порядке:

1. Вводный блок.

2. Число 360-дневных лет и дней, прошедших от начальной даты, записанные цифрами, без поясняющих блоков.

3. Дата 260-дневного цикла (число тринадцатидневки и название дня двадцатидневки).

Хотя прямых доказательств не сохранилось, можно с большим основанием предполагать, что давалось еще название одного из 18 традиционных общеизвестных сезонов (в дальнейшем эти названия сохранились в виде «покровителей месяцев»). Возможно, стандарт даты выработался не сразу. К эпохе I реформы относятся следующие датированные надписи⁹:

1. 7.16.3.2.13. 6 Бен Чиана де Корсо, стела 2.

2. 7.16.6.16.18. 6 Хецнаб Трес-Сапотес, стела С. Верхняя часть даты отбита.

3. 12 Еаб. ... 7.19.15.7.12 ... Эль-Бауль, стела 1. Дата сильно повреждена, дата 260-дневного цикла помещена в начале, вводный блок, по-видимому, отсутствует.

4. 7.?.?.?.? Санта-Маргарита-Коломба, стела 2. Сохранился только вводный блок и первая цифра.

5. 8.6.2.4.17 8 Кабан Сан-Андрес-Тустла, статуэтка. Дата начинается вводным блоком.

В «ольмекском» городе Серро-де-лас-Месас встречаются даты I реформы и в более поздние времена:

стела 6: 9.1.12.14.10 1 Ок

стела 8: 9.4.18.16.8.9 Ламат

I реформа календаря имела огромное значение. Был создан не только достаточно точный солнечный календарь, но и оригинальная хронология с эрой и математический аппарат.

NOTES ON THE MAYA CALENDAR. A GENERAL SURVEY. I.

The history of the development of the Maya calendar is set forth in the article. The Sun calendar seems to have come into being at the end of the Second millenium B. C.: it was reformed several times. As a result of the first reform a 364-day year and chronology was introduced.

⁸ «Пещера» в смысле «место жительства», «долина» встречается и в других языках, например у тюрков.

⁹ M. D. Coe, Cycle 7 Monuments in Middle America: A Reconsideration, «American Anthropologist», 1957, vol. 59, p. 4.

А. М. Решетов

НАСЕЛЕНИЕ СИНГАПУРА

Республика Сингапур, одно из молодых независимых государств Азии, образовалась в августе 1965 г. Она занимает одноименный остров, отделенный от материка полукилометровым Джохорским проливом, через который проложена искусственная дамба, и несколько мелких островов (Дамар-Лаут, Южные и т. д.). Расположение Сингапура на важных морских путях предопределило его развитие как крупнейшего порта, имеющего мировое значение.

Площадь Республики Сингапур — 581 км², численность населения — 2003, 8 тыс. чел. (на 31 декабря 1968 г.), средняя плотность населения — 3,4 тыс. чел. на 1 км². Население Сингапура довольно пестрое по этническому составу. Его основную массу составляют китайцы (свыше 75% всего населения). Значительны группы малайцев (около 14%), индийцев и пакистанцев (около 9%). В Сингапуре также проживают цейлонские тамилы, бирманцы, филиппинцы, тай, англичане, корейцы, непальцы, сингалы, армяне, евреи, арабы и др.¹ Численность этих групп невелика; от нескольких десятков до нескольких тысяч человек.

В Сингапуре довольно высок прирост населения: 4,4%, включая 0,9% за счет иммиграции². В 1961 г. рождаемость составляла 36 чел. на 1000, смертность — 6,1 чел. на 1000. Более 50% населения моложе 21 года³. Доля городского населения достигает 65⁴—80%⁵. За 1947—1957 гг. население, проживающее в пределах официальных городских границ на площади 92,5 км², увеличилось на 63%, а на остальной территории, равной 468 км², на 480%. Последнее объясняется ростом населения в населенных пунктах городского типа, а их уже в 1948 г. было четырнадцать: 10 — с населением от 1 до 5 тыс. чел., 2 — от 5 до

¹ «Численность и расселение народов мира», М., 1962, стр. 188, 189; Ph. Stuchett, *Malaysia: implications and potentialities*, «Canadian Geographical Journal», 1963, vol. 63, pp. 62—73; Mirza T. Baing, *Basic data on the economy of Singapore*, «Overseas Business Reports», 1963, № 23, pp. 1—14; R. J. W. Neville, *The areal distribution of population in Singapore*, «Journal of Tropical Geography», 1965, vol. 20, pp. 16—25; N. Warwick, *Singapore: ethnic diversity and its implications*, «Annals of the Association of American geographers», 1966, vol. 56, № 2, pp. 236—253; P. H. M. Jones, *Golden Guide to South and East Asia*, 6th ed., Hongkong, 1969, pp. 371—393.

² Malaysia, «Far Eastern Economic Review», 1964, Yearbook, pp. 217—228.

³ Mirza T. Baing, Указ. раб.

⁴ T. C. McGee, *The aspects of the urban geography of Malaysia*, «New Zealand Geographical Society Records», 1965, № 39, pp. 7—9.

⁵ У разных авторов приводятся различные данные. Подробно об этом см.: И. П. Труфанов, *Население Сингапура*, «Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1965, стр. 43.

10 тыс. чел. и 2 — от 10 до 25 тыс. чел. Создается новый промышленный город — спутник Сингапура — Джуронг⁶.

В городах плотность населения чрезвычайно высокая — свыше 10 тыс. чел. на 1 км², что значительно выше, чем в таких промышленных центрах США, как Бостон, Балтимор, Милуоки⁷. Женское население страны малочисленнее мужского; на тысячу мужчин в 1921, 1931 и 1947 гг. приходилось соответственно 489, 583 и 821 женщин⁸. Это объясняется значительным притоком иммигрантов, среди которых преобладают мужчины. Однако приведенные цифры свидетельствуют и о постепенном выравнивании полового состава населения. По данным переписи 1957 г., население Сингапура составляло 1 445 929 чел., в том числе мужчин — 762 760, женщин — 683 169⁹.

Таким образом, наиболее характерными отличительными чертами современного населения Сингапура являются большое разнообразие этнического состава при абсолютном преобладании китайцев, высокая норма естественного прироста, преобладание молодежи в общем балансе населения, малый средний возраст, высокий процент городского населения, большая плотность населения, преобладание мужского населения над женским.

Современный этнический состав населения Сингапура сложился примерно за последние полтора столетия. Первоначально здесь жили только малайцы, создавшие еще в V—VI вв. до н. э. государство Тумасик¹⁰. Дальнейшая история острова связана с соседним малайско-индонезийским миром: он входил в состав государств Шривиджайя, Маджапахит и Джохорского султаната. В 1819 г. на острове, аннексированном Великобританией, был основан город Сингапур¹¹. Новое поселение было объявлено открытым портом и сразу стало играть большую роль в торговле всей Юго-Восточной Азии. На острове, особенно в г. Сингапуре, стали селиться китайцы и индийцы. Уже в 1822—1823 гг. генерал-губернатор Раффлз издал предписания об изучении колониальными чиновниками китайского, тайского, малайского языков для более гибкого управления колонией. Уже сам по себе этот перечень языков говорит о неоднородном этническом составе населения острова. В 1867 г. Сингапур был передан из ведения британского Министерства по делам Индии под управление Министерства по делам колоний как особая самоуправляющаяся колония. Это свидетельствовало о том, что английские колонизаторы придавали Сингапуру большое значение. Сингапур стал крупнейшим торгово-экономическим центром Юго-Восточной Азии¹².

Рабочий класс Сингапура с самого начала формировался как единый, без подразделения на отдельные этнические группы. В порту, на заводах и фабриках, в мастерских рядом работали представители самых различных национальностей. Классовая солидарность эксплуатируемых выступала и выступает прежде всего как интернациональная, она несла и несет идею классового единства всех угнетенных слоев населения Сингапура, без различия этнической принадлежности. Это, однако, не исключает того, что среди профессиональных групп все еще сохраняется некоторая специализация в зависимости от этнической принад-

⁶ Л. Демин, Сингапурские горизонты, «За рубежом», 1969, № 16, стр. 16—17; Singapore's new Jurong industrial satellite town will have 9000 feet of deep-water wharves, «Far Eastern Engr.», 1964, vol. 5, № 4, pp. 50—54.

⁷ И. П. Труфанов, Указ. раб., стр. 42.

⁸ M. V. Del Tufo, Malaya. A report on the 1947 Census of population, London, 1949, p. 57.

⁹ «Demographic Yearbook, 1963», New York, 1964, p. 133.

¹⁰ Это название означает по-малайски «морской город».

¹¹ Это санскритское слово означает «город льва».

¹² Об истории Сингапура см.: G. A. Chatfield, A history of Singapore, Singapore, 1962; V. Purcell, The Chinese in South East Asia, London, 1965; В. С. Руднев, Очерки новейшей истории Малайи, М., 1959; е го же, Малайя, 1945—1963, М., 1969.

лежности¹³. Сингапурская буржуазия также формируется, как правило, без подразделения по этническому принципу.

В период войны с Японией сингапурцы — китайцы, малайцы, индийцы, арабы и др. — боролись против японских агрессоров, активно бойкотировали японские товары. Всех их объединяла идея борьбы против захватчиков. Рост национально-освободительной борьбы сингапурцев привел к тому, что в 1955 г. остров добился конституции с правами самоуправления. В 1959 г. Сингапур стал автономным государством в рамках Британского содружества наций. При создании федерации Малайзии в сентябре 1963 г. Сингапур вошел в ее состав, однако в начале августа 1965 г. вышел из нее и провозгласил себя независимым суверенным государством¹⁴. 22 сентября 1966 г. Сингапур стал 116-м членом ООН. Молодое суверенное государство установило со многими странами дипломатические отношения на уровне посольств, в том числе (в июне 1968 г.) с СССР¹⁵.

Премьер-министром Республики Сингапур стал китаец Ли Куан-ю, президентом — малаец Юсуф бин Исхак. После его смерти, в декабре 1970 г., пост президента перешел к евро-азиату Б. Г. Ширсу. В июле 1965 г., еще до выхода из федерации, Ли-Куан-ю создал блок оппозиционных партий, который был преимущественно китайским по национальному составу. Правящая партия Малайзии, партия с устойчивым малайским большинством, усмотрела в этом акте угрозу интересам Федерации, ее малайскому населению и, опасаясь прихода к власти после очередных выборов блока оппозиции, потребовала от Сингапура выхода из Федерации¹⁶.

В разрыве отношений Сингапура с Малайзией и выделении его как независимого государства, наряду с экономическими факторами, сыграли свою роль и национальные противоречия. Кроме того, в этом сказался и несомненный рост уровня общесингапурского самосознания. Действительно, с самого основания г. Сингапура все его пестрое, разноразличное население было связано тесными взаимоотношениями. Это население жило вместе на единой небольшой территории, которая в определенной мере стала землей их предков. Оно создало и сам этот город, а потом и государство. Разные группы населения были тесно связаны между собой и экономически. Широко распространилось двуязычие и многоязычие, причем в качестве языка межнационального общения чаще всего употреблялся английский язык.

Основное занятие сингапурцев — торговля: три четверти всего самодеятельного населения г. Сингапура занято в торговле или сферах, обслуживающих торговлю¹⁷. «Если бы города и страны заполняли анкеты, то Сингапур на вопрос «основной род занятий» ответил бы кратко и точно: торговля... Улицы Сингапура — это сплошные торговые ряды»¹⁸.

Важнейшие отрасли промышленности Сингапура — судоремонт и судостроение, что во многом обусловлено тем, что сингапурский порт — один из пяти крупнейших мировых портов. В Сингапуре также находится крупный оловоплавильный завод (в 1957 г. туда было доставлено для переработки 25,7 тыс. тонн оловянной руды)¹⁹. На нем, как и на других промышленных предприятиях, заняты рабочие разных национальностей.

¹³ N. Wa g w i s k, Указ. раб.

¹⁴ «Правда», 10 августа 1965 г.

¹⁵ См. «Правда», 9 июня 1968 г.; «Известия», 26 января 1969 г.; «Правда», 24 сентября 1970 г.

¹⁶ С. С в и р и н, На перепутье морей, «За рубежом», 1966, № 21, стр. 16; В. С. Р у д н е в, Малайзия (1963—1968), М., 1969.

¹⁷ Г. О ш е в е р о в, От Сингапура до Монреаля, М., 1968, стр. 242. Подробно о современном Сингапуре см.: Г. Ч у ф р и н, Сингапур, М., 1970.

¹⁸ Там же, стр. 241, 242.

¹⁹ W. Ward M a r i o n, Major port hinterland in Malaysia, «Tijdschrift voor economische en sociale geografie», 1966, vol. 57, № 6, pp. 242—251.

Рис. 1. Новые районы г. Сингапура

Сингапурское правительство стремится поощрять развитие местной промышленности, стимулировать создание новых фирм. Отмечается быстрый рост числа занятых на предприятиях этих фирм: в 1964 г. — 5400 чел., в 1965 г. — 10 500 чел.²⁰ За последние 6—7 лет в Джуронг построено и введено в строй свыше 100 заводов и фабрик. Постепенно идет переквалификация Сингапура: прежде он был центром по перепродаже чужих товаров, теперь в его экспорте все большую долю занимает собственная продукция²¹. В 1965—1967 гг. ежегодный прирост промышленной продукции составлял здесь 6—9%²². Поддерживая национальную буржуазию, прежде всего китайскую, правительство ввело протекционистские пошлины на ввоз тех 150 видов товаров, которые производятся в стране, а также запретило японцам заключать торговые сделки в Сингапуре с торговцами из третьих стран²³.

²⁰ Л. Демин, Указ. раб., стр. 16, 17; Ю. Попов, Здравствуй, Сингапур!, «Известия», 11 октября 1969 г.; «Singapore», «Far Eastern Economic Review», 1967, Yearbook pp. 319—331.

²¹ В. Скосярев, У порога двух океанов, «Известия», 6 октября 1968 гг. Р. Simms, Jr. Loving Rush, New tides in an island nation, «Fortune», 1969, vol. 80, № 3, pp. 81—85.

²² «Праздник Республики Сингапур», «Ленинградская правда», 10 августа 1967 г. Л. Демин, Указ. раб., стр. 16, 17.

²³ Г. Ошеверов, Указ. раб., стр. 258; М. А. Халдин, Сингапур: экономические проблемы, «Народы Азии и Африки», 1969, № 6, стр. 121—127.

Рис. 2. Старая улица в китайском квартале

В сельском хозяйстве острова преимущественное развитие получило производство продовольствия: согласно оценочным данным, в 1931 г. им занималось 6,4 тыс. чел., а в 1964 г. уже около 25 тыс. чел. Многие хозяйства специализируются на одновременном развитии овощеводства и животноводства (разведение свиней и птицы)²⁴. Производством продовольствия преимущественно занимаются китайцы, меньше малайцы.

Около 50% китайского населения сосредоточено в радиусе до 5 км от центра города. Малайцы больше заселяют городские окраины (на расстоянии 5—7 км от центра)²⁵. Отдельные части острова почти полностью заселены китайцами. Тем не менее, расселение этнических групп сингапурцев, особенно мелких, характеризуется чересполосицей. Кроме того, сингапурцы ежедневно находятся в общении друг с другом на работе, на улице, на рынках²⁶. Последние весьма колоритны. «Конечно, лучшим местом для наблюдения местного населения являются рынки, особенно оживленные по вечерам, когда к их обычной деловой суете примешивается веселье занятого днем трудового народа. В данной атмосфере, насыщенной ароматами экзотических фруктов и изготавливаемой тут же, на жаровнях, сомнительной снеди, сотни китайских продавцов расхваливают свой товар, состоящий в большинстве случаев из папирос, фруктов, прохладительных напитков и китайских сладостей. Тут же бродячий китайский цирюльник бреет череп своего соотечественника; на площадке, образованной расступившейся толпой зевак, дают свои представления индийские заклинатели змей; неподалеку вертится карусель явно европейского происхождения»²⁷.

²⁴ Fong Ng Kay, Lian Tan Chee, R. Wikkramatileke, Three farmers of Singapore. An example of the mechanics of specialised food production in an urban unit, «Pacific Viewpoint», 1966, vol. 7, № 2, pp. 169—197.

²⁵ Pr. J. W. Neville, The areal distribution of population in Singapore, «Journal of Tropical Geography», 1965, vol. 20, June, pp. 16—25.

²⁶ Г. Ошеверов, Указ. раб. стр. 242.

²⁷ И. И. Пузанов, Вокруг Азии, М., 1957, стр. 96, 97.

Рис. 3. В китайской лавке

Несмотря на растущее сознание принадлежности к сингапурской национально-политической общности, имеются и центробежные тенденции, в которых основным дезинтегрирующим фактором является разнородный этнический состав населения Сингапура. Обычно каждая из этнических групп сохраняет свою материальную и духовную культуру, свой язык, самосознание и самоназвание. Советские журналисты Г. Ошеверов и С. Свирин, побывавшие в 1966 г. в Сингапуре, отмечали, что каждая этническая группа «живет своей колонией, старается обособиться, сохраняет язык, одежду, культуру, религию. Каждая отмечает свои праздники»²⁸. О «разноплеменной толпе» в Сингапуре («кого в ней нет?») писал в конце XIX в. Э. Э. Ухтомский²⁹, «пеструю смесь населяющих его народностей» подчеркивал в начале XX в. русский ученый и путешественник И. И. Пузанов³⁰. Разобщению этнических групп

²⁸ Г. Ошеверов, С. Свирин, Многоликий Сингапур, «Известия», 24 июля 1966 г.

²⁹ «Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890—1891 гг.)». Составил кн. Э. Э. Ухтомский, Лейпциг, 1895, т. II, стр. 5.

³⁰ И. И. Пузанов, Указ. раб., стр. 100.

способствует безработица, являющаяся одной из самых серьезных социальных проблем Сингапура: в стране насчитывается, по одним данным, 60—70 тыс. безработных³¹, по другим — не менее 80 тыс.³²

Китайцы, которые, как уже отмечалось, составляют на острове 75% всего населения, живут в г. Сингапуре довольно компактно, образуя так называемый «китайский город»³³. На протяжении XIX в. китайское население в Сингапуре было нестабильным. Даже в начале XX в. только 10% сингапурских китайцев родились в этом городе. Но в 1947 г. доля местных уроженцев среди китайцев уже превышала 60%³⁴.

Этническому самосознанию сингапурских китайцев присуща, как и китайцам КНР, многоступенчатость. Так, выходец из провинции Гуандун осознает себя прежде всего гуандунцем, из Фуцзяни — фуцзяньцем и только потом уже китайцем. Всех их объединяет иероглифическая письменность, но они плохо понимают или не понимают совсем разговорную речь друг друга. Поэтому, скажем, гуандунцы учатся в гуандунской школе, фуцзяньцы — в фуцзяньской, шанхайцы — в шанхайской. Наиболее подверженные европейскому влиянию семьи, особенно шанхайцы, отдают детей в английские школы. Строго сохраняющие свою локально-этническую специфику семьи ревностно поддерживают земляческие связи³⁵, нередко даже не разрешают своим детям играть с детьми китайцев — выходцев из других провинций, равно как и с малайскими, индийскими детьми и т. п.³⁶

Китайцы Сингапура исповедуют буддизм, даосизм, конфуцианство. Немало среди них и христиан, а также атеистов³⁷.

Китайцы как наиболее крупная этническая группа преобладают почти во всех отраслях производства, но наиболее активны они в торговле и обрабатывающей промышленности. В сельскохозяйственном производстве китайцы занимаются овощеводством (для рынка), свиноводством и птицеводством³⁸. Они играют, наряду с малайцами, значительную роль в рыболовстве. Владельцами предприятий по переработке каучука, а также рабочими на них также являются преимущественно китайцы. В руках китайцев сосредоточены и все деревообрабатывающие предприятия³⁹. Еще в начале XX в. в Сингапуре были созданы первые в Юго-Восточной Азии китайские банки. Ныне здесь насчитывается около десяти крупных китайских банков. Китайскому частному капиталу, как и английскому и американскому, принадлежит много промышленных предприятий. Таким образом, роль китайцев в экономической жизни Сингапура велика. На острове выходят четыре китайских ежедневных газеты. Сингапурские китайцы имеют свою интеллигенцию. На китайском языке ведется преподавание в Университете Южных морей (Наньянский университет). В Сингапуре есть свои китайские писатели, поэты, снимаются китайские кинофильмы и т. д.

³¹ Л. Демин, Безработица в Сингапуре, «Известия», 14 октября 1968 г.

³² С. Свириин, Указ. раб., стр. 17.

³³ «Известия», 24 июля 1966 г. Китайский город — это дословный перевод с английского «China — town». Лучше по-русски говорить китайский квартал.

³⁴ M. Freedman, A note on the stability of the Chinese population in Singapore, 1947—1950, «Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society», 1963, vol. 31. № 1, pp. 83—93.

³⁵ M. Freedman, Chinese family law in Singapore: The point of custom, «Family Law in Asia and Africa», London, 1968.

³⁶ Яркая картина этих отношений нарисована известным китайским писателем Лао Шэ в его рассказе «День рождения Сяо-по» (М., 1966, стр. 19, 21, 51, 52). Лао Шэ работал учителем в Сингапуре и хорошо знает жизнь его обитателей.

³⁷ G. A. Chatfield, The religions and festivals of Singapore, Singapore, 1962.

³⁸ Сингапур полностью обеспечивает себя птицей и свиной, остальные продукты питания завозит из других стран. Из-за особенностей почвы китайцы не выращивают здесь рис. См. подробнее: Харада Тадао, Пригородное сельское хозяйство китайских крестьян в Сингапуре, «Адзидзай», 1969, т. 10, № 5, стр. 47—53 (на японск. яз.).

³⁹ «Colony of Singapore. Annual Report», 1955, p. 92.

Несмотря на сохранение основных черт национальной культуры, перед подавляющим большинством сингапурских китайцев не встает вопрос о каком-то ином гражданстве, кроме сингапурского. Они не выражают желания вернуться на родину своих предков в Китай. Отсутствие связей с КНР еще более усиливает изолированность сингапурских китайцев от их соотечественников, живущих на прежней родине. Многие из них, особенно местные уроженцы, считают Сингапур своей родиной. И не исключена возможность, что в условиях государственной самостоятельности сингапурские китайцы постепенно образуют новую, обособленную от материковых китайцев этническую общность. Китайцы Сингапура считают, что в прошлом они были частью ханьского этноса (хань — самоназвание китайцев), но теперь они называют себя «хуажэнь»⁴⁰, т. е. другой, причем более древней, формой самоназвания китайского народа. Интересные наблюдения в отношении особого этнического самосознания сингапурских китайцев приведены в работе Фитцджеральда «Третий Китай»⁴¹.

Малайцы — вторая по величине этническая группа сингапурцев. Они подразделяются на уроженцев Сингапура (или Малайи) и на переселенцев из Индонезии. Помимо собственно малайцев, здесь живут банджары, минангкабау, аче, яванцы, сунды, буги, батаки⁴². Среди многих из них распространено двойное самосознание: яванец-малаец, минангкабау-малаец и т. д. Говорят они по-малайски, в школах учатся на малайском языке, английским языком владеют слабо. Укреплению их этнического единства способствует единая религия — ислам. Только у незначительной части малайцев распространены индуизм и христианство. Кадры малайской интеллигенции готовит Сингапурский университет. На малайском языке издается одна ежедневная газета, существует литература и т. д. В г. Сингапуре часть малайцев живет компактно, образуя малайский квартал в северной части города.

Среди отраслей хозяйства, в которых занято наибольшее число малайцев, в первую очередь следует назвать транспорт, связь и частично торговлю. Занимаются они также рыболовством. Однако ни в одной из отраслей экономики малайцы не занимают преобладающего положения.

Индийцы (включая пакистанцев) — третья по величине этническая группа сингапурцев. Они этнически неоднородны, говорят на различных дравидских (индийские и цейлонские тамилы, телугу, малаяли, каннара) и индоарийских языках (бенгальцы, раджастанцы, панджабцы, гуджаратцы, синдхи, маратхи, сингалы и др.). Тамилы составляют более половины всех индийцев Сингапура. Уже по данным на 1947 г. свыше одной трети всех индийцев (36,3%) родились в Сингапуре или в Малайе⁴³. Индийцы, а также пакистанцы заняты главным образом в торговле, транспорте и связи. Они разводят также крупный рогатый скот, буйволов, коз. Индийцы стараются селиться вместе, в южной части г. Сингапура есть индийский квартал. Религиозная принадлежность индийцев весьма разнообразна: среди них есть индуисты, мусульмане, буддисты, христиане, сикхи, но религия уже не играет в их жизни той большой роли, как это имеет место у их соотечественников в Индии и Пакистане. Процент грамотных у индийцев выше, чем у китайцев и малайцев. На тамильском языке издается одна газета. Тамилы, как правило, получают образование в тамильских школах, но все остальные индийцы — в учебных заведениях, где преподавание ведется на английском языке. Выходит одна газета на малаяли.

⁴⁰ Сообщение студента ЛГУ Н. Ендерюкова, стажировавшегося в Сингапуре. В этом я мог также лично убедиться во время бесед с сингапурскими китайцами.

⁴¹ C. P. Fitzgerald, *The Third China. The Chinese communities in South-East Asia*, Vancouver, 1965.

⁴² См. «Численность и расселение народов мира», стр. 188.

⁴³ T. V. Del Tufo, Указ. раб., стр. 85.

Поскольку различные языки сингапурских индийцев исключают взаимопонимание между их отдельными группами, среди них довольно широко распространен английский язык.

Среди европейцев преобладают англичане.

Отдельные этнические группы Сингапура сохраняют этническую специфику, несмотря на свою малочисленность. Например, в Сингапуре на улице с армянским названием живет около 20 армянских семей. По некоторым данным, армянская колония в Сингапуре насчитывает свыше 60 чел.⁴⁴ Это потомки армянских выходцев из Ирана, поселившиеся в Сингапуре во второй половине XIX в. Они издавна занимаются оптовой торговлей, среди них есть богатые торговцы, некоторые армяне владеют большим движимым и недвижимым имуществом, сдают в аренду дома. Армяне Сингапура группируются вокруг армянского собора; армянские священники, помимо отправления религиозных служб и обрядов, проверяют знание родного языка подрастающим поколением, регулярно беседуют с молодежью на темы истории Армении, армянской литературы, культуры, знакомят ее с достижениями армянского народа, подчеркивая вклад армян в мировую культуру.

Обособленно держатся и евреи (1 тыс. чел.), строго сохраняя этническую эндогамию. В Сингапуре имеется синагога — центр духовной жизни местного еврейского населения.

Сохранению этнической специфики некоторых групп населения Сингапура очевидно способствует известная самоизоляция (эндогамия), поддерживаемая коллективными усилиями каждой компактно поселившейся этнической группы.

Обособленность различных этнических групп в Сингапуре также искусственно поддерживалась колонизаторами, политика которых нередко была направлена на организацию столкновений между разными этническими группами. Особенно сильны были противоречия между китайцами и малайцами, вылившиеся, в частности, в 1964 г. в вооруженные столкновения между ними.

Таким образом, можно констатировать, что в Сингапуре идут сложные процессы упорядочения национальной структуры. С одной стороны, все еще действуют земляческие связи, а также стремление отдельных этнических групп к обособлению, нарушающее общесингапурское национальное единство. С другой стороны, растет тенденция к укреплению этого уже частично сложившегося единства.

Национально-политическое единство народов Сингапура — факт несомненный. Это крепнущее единство способствовало образованию независимого государства Сингапур, а еще раньше — единству действий сингапурского пролетариата. Идея общесингапурского единства нашла свое выражение в создании партий не по национальному принципу, а на основе единых для всех этнических групп политических программ. В партиях и организациях объединялись, преимущественно на классовой основе, политические единомышленники, представители разных этнических групп⁴⁵. Наиболее значительной и влиятельной является правящая партия — Народная партия действия.

Одной из крупнейших молодежных организаций в Сингапуре является Союз студентов Сингапурского университета (создан в 1949 г.)⁴⁶.

⁴⁴ С. Т. Г а с п а р я н, Армянские зарубежные колонии сегодня, Ереван, 1962, стр. 146 (на арм. яз.).

⁴⁵ Основными политическими партиями являются (в скобках указан год основания): Народная партия действия (1954 г.), Либерально-социалистическая партия (1956 г.), Рабочая партия (1957 г.), Сингапурский народный союз (1958 г.), Объединенная народная партия (1961 г.), Социалистический фронт Сингапура (1961 г.).

⁴⁶ Интересно отметить, что среди ассоциированных членов Союза студентов Сингапурского университета, наряду с географическим, историческим, юридическим, спортивным обществами и союзами, числятся также китайское общество, индийское культурное общество.

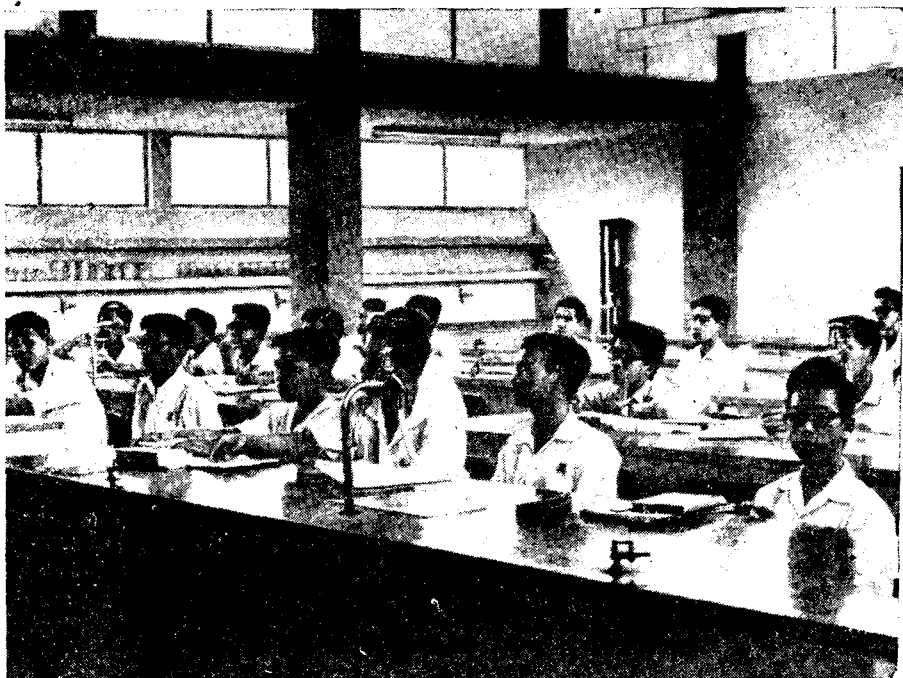

Рис. 4. Студенты Сингапурского университета

Характеризуя цели Союза, его председатель Давид Тан заявил: «Союз является источником подготовки кадров к руководству борьбой нашего молодого государства за экономическое, социальное и политическое развитие, за создание справедливого общества, где все равны»⁴⁷.

Идею сингапурского единства отстаивает и созданная в 1966 г. Ассоциация народа Сингапура. Важную функцию в укреплении общесингапурского самосознания выполняет политика правительства независимого Сингапура. По решению правительства в Сингапуре поставлен памятник борцам за национальную независимость, символизирующий общесингапурское единство всех его этнических групп. Создан Национальный театр, на сцене которого выступают, наряду с китайскими, малайскими, индийскими и другими труппами, и артисты, представляющие общенациональное сингапурское искусство. По мысли организаторов театра, различные труппы, выступая на одной сцене, будут искать пути к сближению, что еще больше усилит культурные контакты между разными этническими группами, ускорит процесс формирования общесингапурского национального искусства, которое включит черты китайского, малайского и другого искусства.

Целям укрепления общесингапурского самосознания служат также принятые законы об ограничении и даже запрещении иммиграции в Сингапур. Теперь население Сингапура растет преимущественно за счет естественного прироста, а не притока иммигрантов, как это было прежде. Сам факт образования независимой республики потребовал оформления гражданства всех сингапурцев. Все постоянные жители, независимо от этнической принадлежности, являются сингапурскими гражданами. Участие в политической жизни молодого государства, выполнение гражданских обязанностей сильно влияет на воспитание общесингапурского самосознания у всех граждан республики.

⁴⁷ Г. Шмелев, Молодежное движение в странах Азии, «Информационный бюллетень Комитета молодежных организаций СССР», 1967, № 4, стр. 57.

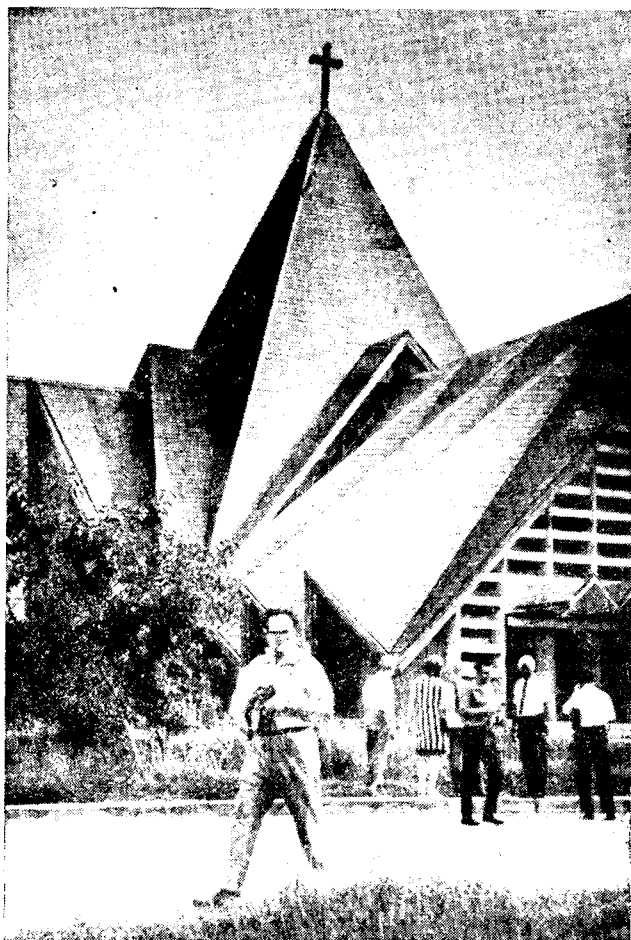

Рис. 5. Новый костел

Выработке общесингапурского самосознания способствуют и значительные внутренние миграции: сельские жители прибывают в город на сезонную и постоянную работу, происходит территориальное перемещение рабочих в поисках более благоприятных условий жизни и работы.

Все большее участие женщин в производительном труде способствует ослаблению этнических особенностей в самой стойкой сфере — семейной (домашней). Важную роль играет строительство новых крупных промышленных объектов, где процесс производственного общения активно захватывает разные этнические группы, способствует формированию общего самосознания (например, классового).

Если прежде Сингапур состоял из нескольких городков — китайского, индийского, малайского и кварталов более мелких этнических групп, то теперь правительство при переселении в новые дома⁴⁸ не допускает сохранения традиционных (родственных, земляческих и т. д.) принципов поселения. В одном доме теперь живут представители самых различных народов, постепенно исчезает разобщенность. Старые кварталы планируется снести⁴⁹.

⁴⁸ В 1961—1966 гг. в Сингапуре построено более 50 тыс. квартир (Г. Ошеверов, Указ. раб., стр. 252).

⁴⁹ В. Скосырев, Указ. раб.

Естественно, что правительство молодой независимой республики стремится использовать все имеющиеся возможности для воспитания у населения сознания общесингапурского единства. Этим задачам служит пресса⁵⁰, школа, пропагандистская литература и даже почта⁵¹.

В школах правительство ввело общие программы, независимо от основного языка преподавания (английский, китайский, малайский, тамильский), чтобы унифицировать требования при поступлении в вузы и способствовать воспитанию у молодого поколения чувства общего гражданства⁵². Общим культурным достоянием всех сингапурцев, независимо от этнической принадлежности, являются Национальный исторический музей (основан в 1887 г.), Национальная библиотека (основана в 1823 г.), в которой хранится около 200 тыс. книг на английском, китайском, тамильском, малайском и других языках, Ботанический сад (основан в 1859 г.), Национальный театр и т. д. Вместо прежних спортивных клубов, организованных по этническому признаку (например, китайский клуб пловцов), создаются общесингапурские спортивные организации.

Как уже отмечалось, все этнические группы в Сингапуре, за исключением китайцев, являются национальными меньшинствами. Возможно, по мере развития межэтнических контактов будет усиливаться процесс ассимиляции китайским большинством этих национальных меньшинств. Этот процесс следует признать прогрессивным, ибо он естествен в условиях всестороннего развития страны. Правительство предоставляет население государства Сингапур (в стране нет расовой дискриминации, равноправны наиболее крупные языки, т. е. нет одного обязательного языка, обеспечена свобода вероисповедания и т. д.), но преобладающее влияние китайского населения все же сказывается. В стране создаются благоприятные возможности для быстрого роста взаимопонимания между всеми основными этническими группами, что приведет к дальнейшему укреплению у этих групп их общесингапурского самосознания.

⁵⁰ Всего в Сингапуре издается девять ежедневных газет: четыре — на китайском языке, две — на английском, по одной — на малайском, тамильском, малаяли.

⁵¹ С 1954 г. в Сингапуре стали выпускать свои марки. После провозглашения независимости в 1965 г. на марках стали изображать национальный флаг Сингапура и другие символы общесингапурского единства.

⁵² «Singapore Guide and Street Directory», Singapore, 1963, p. 180; Д. Н. Воскресенский, Университеты Сингапура и Малайзии как центры востоковедного образования, «Вестник Московского ун-та. Востоковедение», 1970, № 1, стр. 102—107.

Ф. М. Пармон

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА ИЗ ОВЧИНЫ У СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЕЕ ЭЛЕМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОДЕЖДЕ

Народная одежда, создававшаяся на протяжении многих веков, является неотъемлемой частью материальной культуры народа. Формы одежды, конструктивное и декоративное ее оформление зависели от климатических условий и уровня развития производительных сил, от занятий народа и сложившихся исторических традиций.

Народный костюм, в котором согласованы и соподчинены все детали, подсказывает варианты решений современной одежды в ансамбле. В народной одежде соединены воедино искусство обработки кожи, плетения, ткачества, покроя, аппликации, вышивки и т. п. Традиционный народный костюм является памятником народного искусства и художественным ансамблем, в котором все взаимоподчинено.

Для современного специалиста, занимающегося художественным проектированием одежды, народное искусство является источником, питающим творческую мысль. В. И. Ленин писал, что «красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно „старое“»¹.

Изучив образцы верхней народной одежды, хранящиеся в музеях страны, и образцы, которые удалось увидеть во время экспедиций в районы Русского Севера², убеждаешься в том, насколько органично в народном костюме соединены утилитарные и художественные качества. Именно благодаря такому соединению были созданы предельно цельсообразные, а поэтому чрезвычайно жизненные вещи.

Принципы композиционного решения современной одежды (четкость форм, линий, продуманная конструкция, подчинение декора покрою, соответствие материала и формы назначению костюма) близки принципам создания народной одежды.

Покрой народной одежды прост и экономичен. Создавая одежду, народные мастера старались использовать материал полностью, не резать его.

Одни формы народной одежды — мужская и женская рубахи, сарафаны, душегрея, казакин, свита и т. п. — используются для создания современных спортивных курток, блуз, пальто, сарафанов; другие — зипун,

¹ См. «В. И. Ленин о литературе и искусстве», М., 1966, стр. 660.

² Ф. Пармон, От Вологды до Тотьмы, «Декоративное искусство СССР», 1967, № 6.

кафтан, армяк, шуба, полушубок — подсказывают множество вариантов современной верхней одежды.

Однако в народной одежде многое еще недостаточно изучено. В данной статье мы рассмотрим различные виды верхней одежды из овчины шубной (нагольной)³, изучению которой исследователи уделяли мало внимания. Полупутьем отметим, что для современного художника-проектировщика особенно интересны утилитарные и эстетические достоинства зимней народной одежды из овчины; ее форма и конструкции вытекали из назначения вещи, размеров и формы шкур, их пластических свойств и декора, связанного с естественным цветом поверхности материала и с обликом всего изделия.

Обрабатывать шкуры животных и изготавливать из них одежду человек, очевидно, умел (судя по находкам шил, скребков и т. п.) еще в эпоху палеолита. Химическая же обработка кож и меха была известна со времен неолита⁴. Первой одеждой из шкур животных был плащ-накидка, набрасываемый на плечи или на голову и плечи. О существовании плаща, видимо кожаного (как и других видов одежды из кожи — штанов, обуви и т. п.), можно судить по одежде сармата, изображенного на серебряном ритоне, найденном в Кубанской области⁵. Но основным видом одежды у сарматов и скифов был кафтан из шкур (рис. 1, 1'), плотно облегающий тело.

Одежда из шкур животных и особенно из овчины получила широкое распространение и у славян. Уже в памятнике XII в. «Слово о полку Игореве» упоминаются «ортымы», «япончицы», «кожухи»⁶.

Ниже будет рассказано об одежде из овчины, распространенной у славян восточных (русских, белорусов, украинцев), западных (поляков, словаков), южных (болгар, сербов) и их соседей: эстонцев, венгров, румын, молдаван. Статья написана на основе музейных коллекций⁷, литературных источников и произведений изобразительного искусства.

Классифицировать одежду из овчины целесообразно так же, как классифицируют верхнюю суконную одежду, т. е. подразделять ее на плащевидную — накидываемую (рис. 1; рис. 2, 3) и надеваемую в рукава; последняя подразделяется на глухую и распашную⁸.

Глухая шубная одежда, в свою очередь, делится на *туникообразную*, у которой верхняя (плечевая) часть представляет собой шкуру, перегнутую на плечах, а нижняя — юбку, состоящую из полотнищ, и *приплечевую*, которая состоит из двух шкур, соединенных на плече. Шубы туникообразной формы наиболее древние, они встречались у разных народов, одежду второго вида носили кашубы, русские поморы и др.

Распашные кафтанообразные шубы могут быть: с прямой целиковой спинкой (рис. 3, 1а, 1б) или с прямой спинкой и клиньями, идущими по бокам от рукавов (рис. 3, 2, 3, 4а, 4б; рис. 4, 3, 4); суженными в талии, с цельными передом и спинкой, с перехватом, на талии с подрезами-вытачками, создающими прилегание (рис. 5; рис. 6).

Встречались также распашные шубы, отрезные по талии (кругом, сзади или только спереди), с юбкой из клиньев без сборок у талии (рис. 7, 1, 2; рис. 8, 3, 4) или отрезные по талии со сборками на заднем

³ У овчины шубной (нагольной) лицевой стороной для одежды служит кожная сторона овчины; у меховой — лицевой стороной служит волосной покров.

⁴ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948.

⁵ П. К. Степанов, История русской одежды, Пг., 1916, табл. VIII.

⁶ «Слово о полку Игореве», Л., 1967, стр. 47.

⁷ Музейные коллекции: Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ), Ленинград; Государственного Исторического музея (ГИМ), Москва; Государственного этнографического музея Эстонской ССР (ГЭМ ЭССР), Тарту; Костромского историко-архитектурного музея-заповедника; Архангельского и Вологодского областных краеведческих музеев; Тотемского краеведческого музея (Вологодская область); Львовского музея этнографии и художественных промыслов; музея Московского текстильного института и др.

⁸ «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967, стр. 244.

полотнище юбки; сборки на юбке могут быть также кругом или только по бокам (рис. 1, 5*д*, 5*е*; рис. 7, 3*б*—3*в*; рис. 8, 1, 2). У шуб такого типа перед может быть прямым или расширенным книзу, спинка — приталенной, юбка — с клиньями или в сборку (рис. 4, 1, 2). Перечисленные виды шубной одежды могут быть длинные и короткие, с рукавами и без них.

Среди дошедших до нас форм шубной одежды наиболее архаичной, пожалуй, является плащевидная венгерская шуба — *bunda* (бунда), ее называют еще *suba*. Ей предшествовала еще более примитивная форма, которую и сегодня в некоторых районах Венгрии помнят старые люди. Эта форма называлась *hatibög* (хатыбер) или *kasaganu* (касаган) и представляла собой целую шкуру, которой покрывали всю спину. Иногда такая одежда состояла из двух шкур, скрепленных на плече⁹. Одна из шкур накладывалась на грудь, другая — на спину. Эта одежда, как предполагают, появилась здесь еще в I тысячелетии н. э.

Бунда — длинная, доходящая до щиколотки, пелеринообразная накидка без рукавов и без отверстий для продевания рук. В хорошую погоду ее носили мехом внутрь, а при дожде — мехом наружу. Ночью она служила как подстилка или покрывало.

Шубы для праздничных случаев изготавливались из 15—20 хорошо выделанных шкур, были просторными и спадали красивыми складками. Шубы отделывали кожаными нашивками-аппликациями и вышивкой, которые располагались на плечах, по бокам вдоль швов, на груди и по низу шубы. Плечи и спину защищали от дождя мехом черной овчины, которая постепенно видоизменялась и в конце концов превратилась в воротник типа пелерины, сохранившийся на шубах до наших дней.

На белом фоне шубы четко выделялся декор: по низу пришивали черную овчину и кожаные пуговицы с таким расчетом, чтобы при сырой погоде нижний край можно было подстегнуть. Отделывали шубу и вышивкой, располагавшейся таким образом, чтобы при подстежке низа она была скрыта. В былые времена в районе Тардон бунду шили с фальшивыми рукавами¹⁰, и тогда она называлась «татарский кодмон».

Женская бунда — *kisbunda*, обычно коричневого цвета, была короче мужской и доходила женщинам до бедер¹¹.

Бунда настолько прочно вошла в обиход из-за своих чисто утилитарных качеств, что долго не выходила из употребления, несмотря на давление западноевропейской моды.

Для венгерского пастуха она незаменима и сегодня. Один из исследователей венгерских обычаев писал, что бунда для венгра в будний день служит рабочей одеждой, в выходной — праздничной, дома — постелью, в дороге, в поле — столом, защищает от жары летом, от холода — зимой¹².

Из накидки или из двух шкур, соединенных между собой на плече, возникла меховая одежда кашубов конца XVIII в. (Польша). Позже из двух шкур, сшитых по бокам, возник безрукавный меховой кафтан — глухая шуба без подкраивания¹³, который, как полагают, эстонцы и финны носили в качестве верхней одежды. Некоторые источники сообщают о том, что те, у кого не было шубы, носили под верхней суконной одеждой шкуру ягненка¹⁴.

Поморы и другие группы русского населения на севере заимствовали у соседей — ненцев, коми, саами и др. — глухую рубахообразную одежду из меха оленя или молодого тюленя; ее носили мехом внутрь

⁹ I. Györfly, *Matyo Népviselet*. Budapest, 1959, ol. 39, 40.

¹⁰ J. Györfly, *Указ. раб.*, стр. 40.

¹¹ E. Fel, *Ungarische Volksstickerei*, Budapest, 1961, S. 31.

¹² Ch. Viskí и др., *L'art populaire Hongrois*, Budapest, 1928, p. XVII.

¹³ «Eesti Rahvariiete Ajalugu», Eesti Rahva Muuseumi, Aastramat, III, Tartu, 1927, lk. 206, joon 198.

¹⁴ Там же, стр. 205—210.

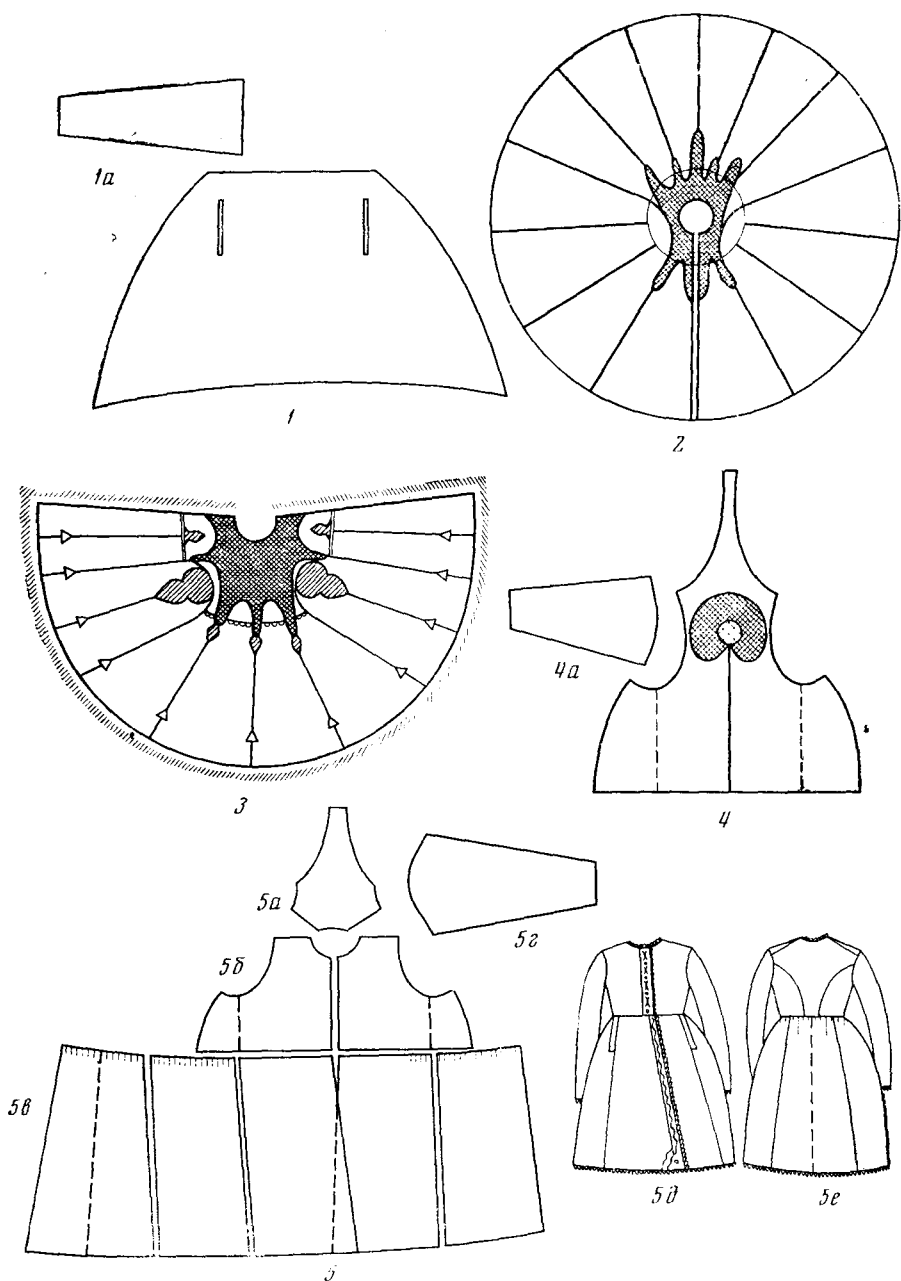

Рис. 1. Виды покроя верхней одежды (от скифского мехового плаща-кафтана до русско-го овчинного полушубка): 1 — плащ-кафтан скифов, 1а — рукав кафтана (по книге: Fr. Hottenroth, Trachten, Haus-, Feld-, und Kriegs-geräthschaften der Völker Alter und Neuer Zeit, I, Stuttgart, 1884); 2 — венгерская шуба-бунда в распластанном виде (по книге: Ch. Viski, L'art populaire Hongrois, Budapest, 1928); 3 — венгерская шуба-бунда, разновидность покроя (по книге: E. Fel, T. Hoffer, K. K. Csillery, Ungarische Bauernkunst, Budapest, 1958); 4 — куртка-кожушок лемков, из овчины, по покрою — типа обертки: 4а — рукав куртки-кожушка (ГМЭ, меховая кладовая, № 1729-21); 5 — русский овчинный полушубок; 5а — спинка, лиф; 5б — перед, лиф; 5в — нижняя часть (юбка) шубы, состоящая из клиньев; 5г — рукав; 5д, 5е — общий вид русской шубы спереди и сзади

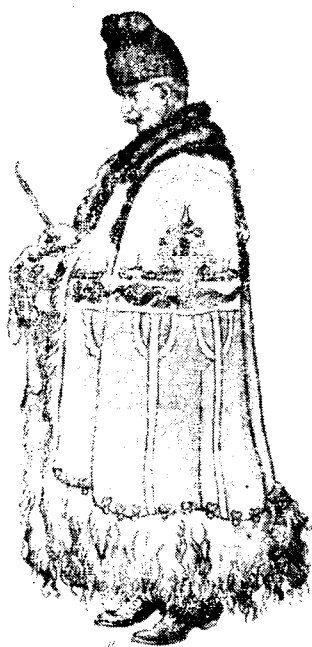
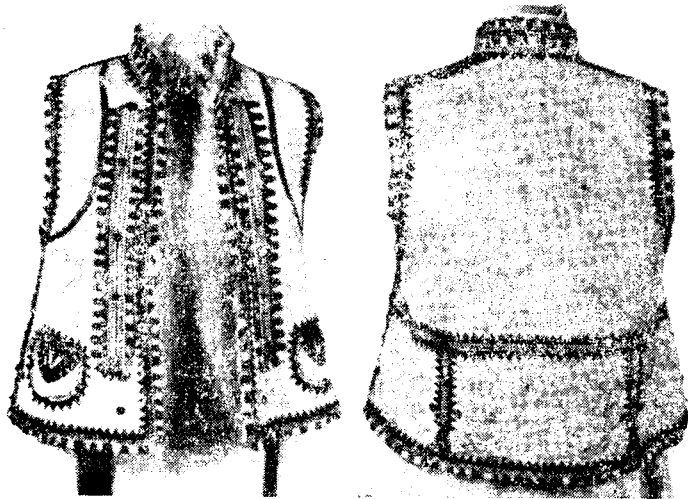

Рис. 2. Верхняя одежда: 1 — кептáрь гуцульский, вид спереди; 2 — вид сзади (ГИМ, отдел тканей, № 51 740/407); 3 — венгерская женская шубка «кисбунда»; 4 — венгерская шуба-бунда (по книге: Ch. V i s k i, L'art populaire Hongrois, Budapest; 1928)

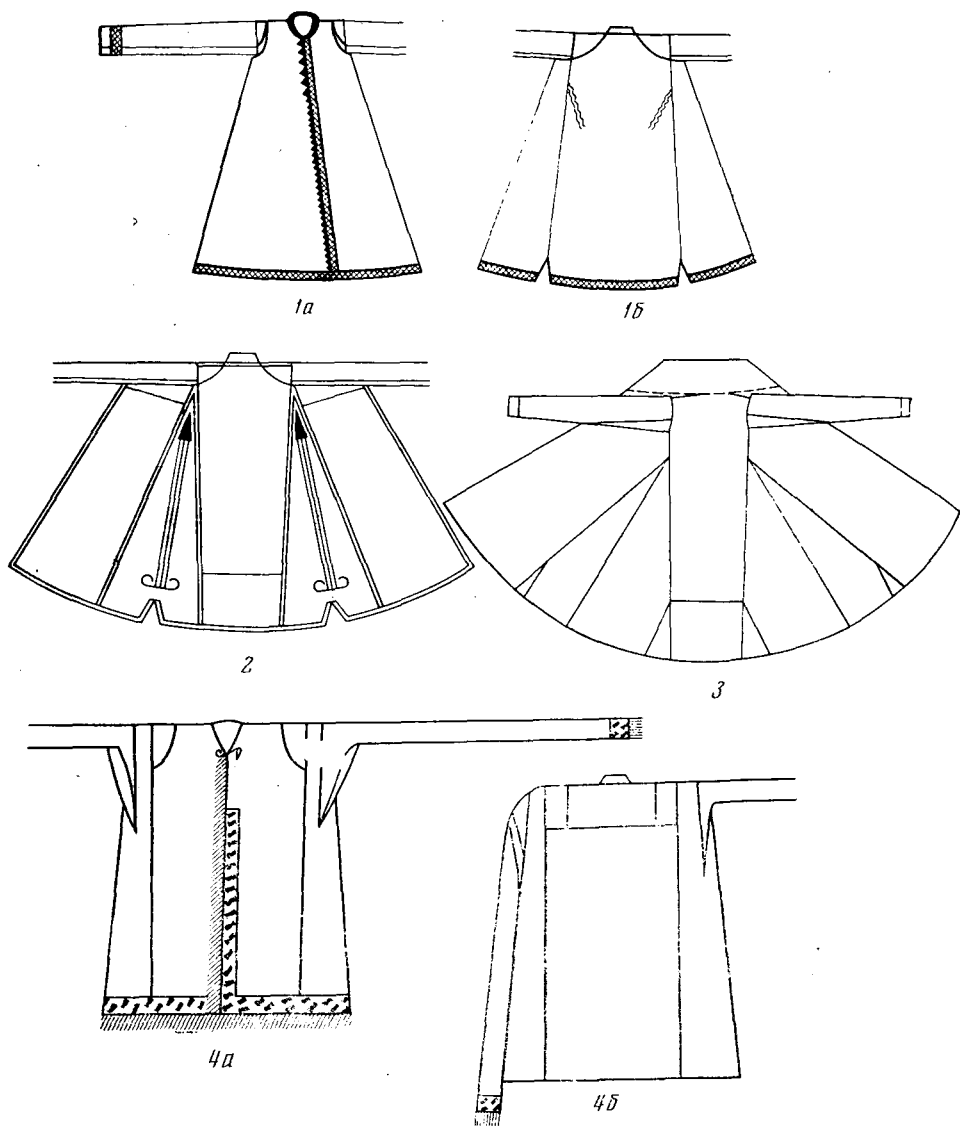

Рис. 3. Виды покроя распахной овчинной одежды с прямой спинкой: 1а — шуба словачков, вид спереди; 1б — вид сзади (ГМЭ, меховая кладовая, № 3132-1); 2 — эстонская шуба с клиньями, идущими по бокам от рукавов, район Пайсту (ГЭМ ЭССР, № А 102 32), 3 — русский овчинный тулуп (Костромской историко-архитектурный музей-заповедник, № КОК-19 092); 4а — румынский пастуший тулуп «кожок», вид спереди; 4б — вид сзади (ГМЭ, меховая кладовая, № 2942-1)

или наружу. В первом случае она называлась «малица», во втором — «совик». В холодное время года одну вещь надевали поверх другой. Малица, считая в виде просторной глухой рубахи, заменяла в дороге подушку и постель. Шились малицы и из овечьих шкур. Малица с рукавицами, пришитыми к концам рукавов, особенно удобна на охоте и при рыбной ловле: она тепла и легка, не стесняет движений. Совик при сильных холодах заменял тулуп и был особенно удобен в дороге. Капюшон совика закрывал голову¹⁵.

¹⁵ «Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, собранные П. С. Ефименко», ч. I, М., 1877, стр. 52.

Рис. 4. Распашная овчинная одежда с прямой спинкой: 1 — нагольный тулуп — украинский «кожух дивочий», вид спереди; 2 — вид сзади. Харьковская губ., Ахтырский уезд (ГМЭ, меховая кладовая, № 265-3); 3 — украинский овчинный женский кожух, вид спереди, 4 — вид сзади. Киевская губ., Богуслав (ГМЭ, меховая кладовая, № 2206-28)

Судя по существовавшей до начала XX в. у белорусов глухой кафтанобразной одежде из холста («полотнянка» или «глухий») — праздничного наряда, надеваемого поверх кожуха или свиты¹⁶, мы можем предположить, что и в центральных районах России бытовала подобная глухая одежда, но только из овчины.

Среди населения Карпат была распространена бунда, представлявшая собой кусок овчины, которым покрывали верхнюю часть тела. Впоследствии этот вид одежды превратился в короткий меховой нагрудник, у которого один бок был зашит наглухо, на втором расположены

¹⁶ К. М о з ы н с к и, *Kultura ludowa slowian*, 1, Krakow, 1927, str. 439.

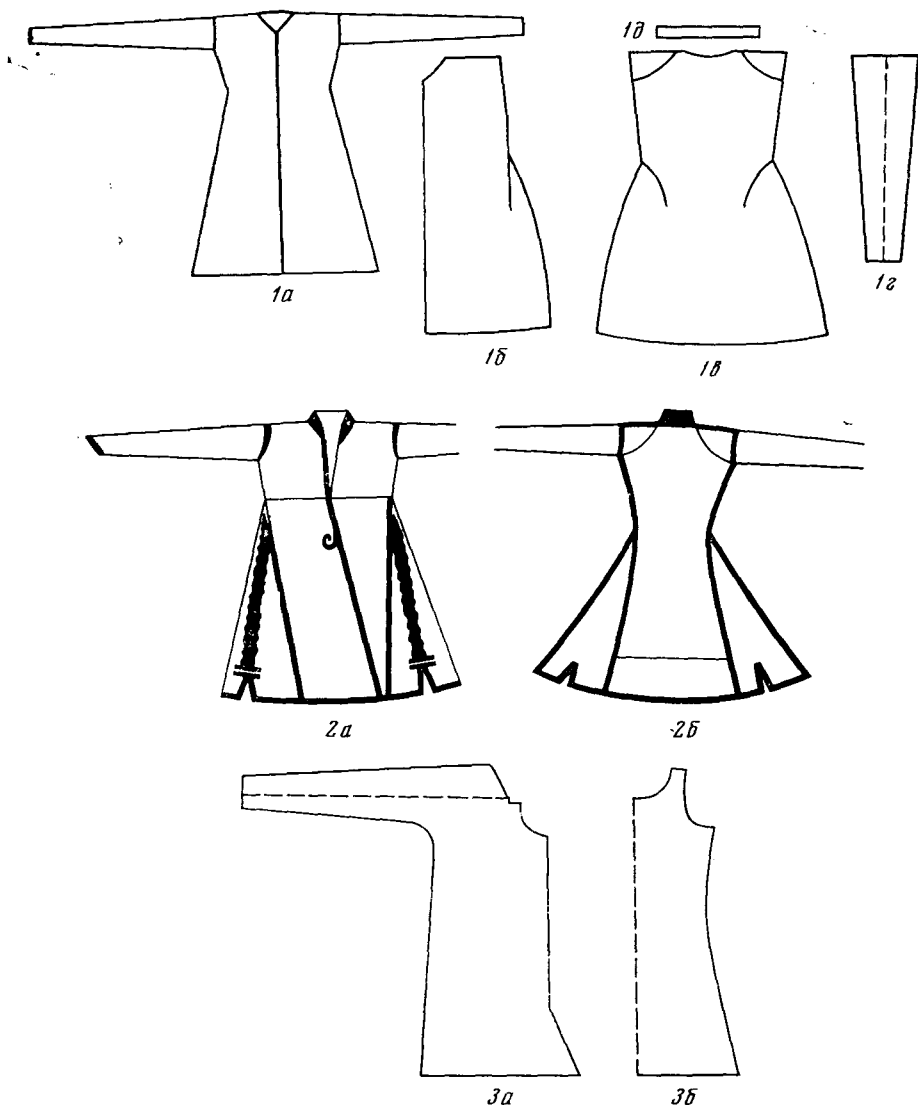

Рис. 5. Виды покроя распашной одежды, суженной в талии, с неотрезной спинкой: 1а — шуба овчинная «kozuch» с перехватом, перед и спинка цельные, на талии — подрезы-вытачки, создающие прилегание (по книге: E. Starek, Stroj Spiski, «Atlas polskich Strojow Ludowych», Poznan, 1954); 1б — полочка, 1в — спинка, 1г — рукав, 1д — воротник, 2а — эстонская шуба, суженная в талии, с клиньями, идущими от талии; район Хээдэмэстэ, вид спереди; 2б — вид сзади (ГЭМ ЭССР, № 2973); 3а — пола куртки козушка из овчины («kozusok»), суженного в талии, с неотрезной спинкой, без клиньев; 3б — половинка спинки (по книге: «Slovensky L'udovy Textil», Bratislava, 1957)

ремешки, на которые нагрудник застегивался. Встречалась бунда, у которой и вторая сторона зашивалась наглухо, а спереди овчина немного разрезалась — делалось отверстие для головы¹⁷. Если разрез делали снизу доверху, то получалась распашная безрукавка, известная под названием «кiптар» (кептарь), которую носило украинское население Карпат (рис. 2, 1), а также население горных районов Венгрии, Румынии, Словакии, Сербии, Болгарии.

Кроме меховой безрукавки-обертки была распространена туникообразная безрукавка.

¹⁷ «Українці», Історико-етнографічна монографія (макет), Київ, 1959, стр. 381—387.

Рис. 6. Распашная овчинная одежда, суженная в талии: 1 — венгерская куртка из овчины — «Ködmön», вид спереди, 2 — вид сзади (ГЭМ ЭССР, № В6-18); 3, 4 — словачки в кожушках, район Важец (по книге: S. Kováčovičova, *L'udovy odev v hornom Liptove*, Bratislava, 1955).

Безрукавная меховая одежда известна у разных народов под различными названиями (pieptar, ilik — у румын, melles, laibe, daku, bõrlajbe — у венгров, bruslak, brusliak, kamizol, kožusok — у словаков, киптар, бунда — у украинцев, кажуще, голак, голанче, киптар — у болгар, бондэ, бондицэ, пьептар — у молдаван, zobun, zubun, koreť, sadak — у хорватов и др.). Такая одежда с давних пор существует у горных народов; она надевается поверх рубахи и служит в любое время года в качестве рабочей и праздничной одежды.

Безрукавная одежда различается по длине: у гуцулов доходит до поясицы, у болгар, румын и народов Югославии бывает ниже бедер.

Безрукавки различались по силуэтам и деталям: у гуцулов они прямые с небольшим стоячим воротником, у бойков часто приталенные, с отложным воротником из бараньего меха. Молдавские безрукавки всегда прямые. Для безрукавок начала XX в. характерно большее при-

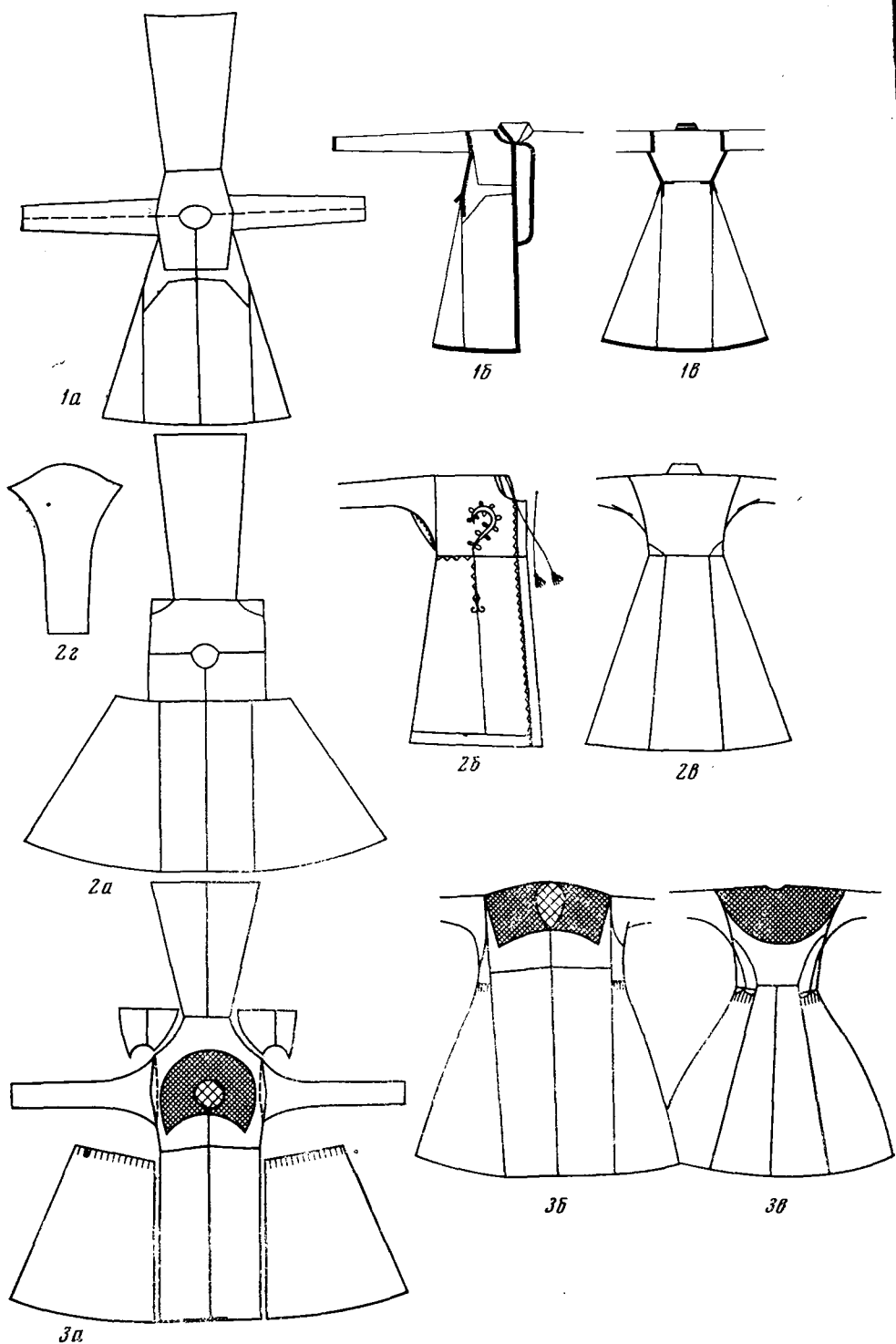

Рис. 7. Виды покроя распашной овчинной одежды с перехватом в талии, с отрезной спинкой (или отрезная кругом): 1а — развертка поверхности эстонской шубы с перехватом в талии; спинка и перед — отрезные; по бокам от талии вставлены клинья (ГМЭ, меховая кладовая, № 7092-12); 1б — перед, 1в — спинка; 2а — развертка поверхности шубы «кацавейки», отрезная кругом по талии, юбка из клиньев, Бессарабия (ГМЭ, меховая кладовая, № 705-10); 2б — перед, 2в — спинка, 2г — рукав; 3а — развертка поверхности шубы, отрезной кругом по талии; юбка из клиньев, сборки — по бокам, Западная Украина (ГМЭ, меховая кладовая, № 1660-3); 3б — перед, 3в — спинка

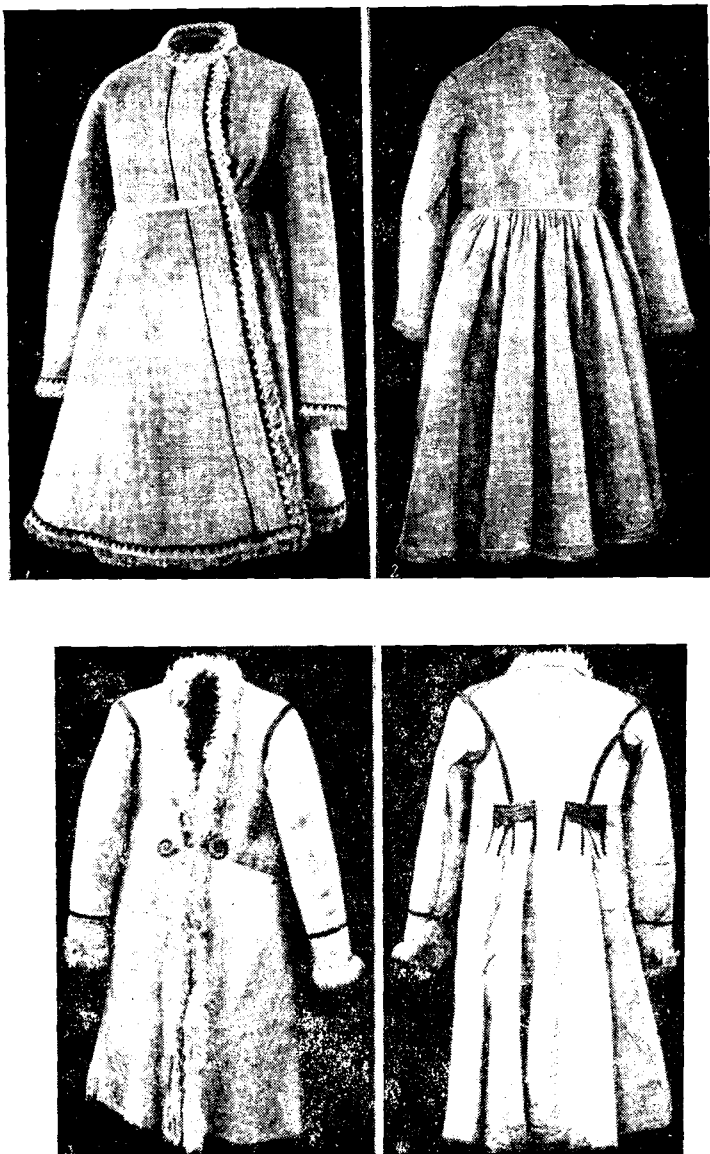

Рис. 8. Распашная овчинная одежда с перехватом в талии, с отрезной спинкой или отрезная кругом: 1 — русская женская шуба из овчины, Ярославская губ. (ГМЭ, меховая кладовая, № 7142-1); 2 — русский полубубок овчинный, вид сзади (ГМЭ, меховая кладовая, № 7778-1); 3 — эстонская шуба (район Михкли), вид спереди; 4 — вид сзади (ГЭМ ЭССР, № 5024).

легание к фигуре, которое достигалось дополнительным членением — разрезами на спинке и груди¹⁸. Словаки иногда носили безрукавки внакидку.

Для жителей горных районов, где часты колебания температуры, безрукавка и куртка из овчины, легкие и удобные, — назаменяемые виды одежды.

¹⁸ «Arta populara din Valéa Jiului (Regiunea Hunedoara)», 1963, str. 387 (рис. 253), 389 (рис. 256); «Slovensky L'udovy Textil, Tkaniny, Vysivky, Cipky, Kroje; Osveta Martin, 1957, p. 142 (рис. 12).

С давних времен венгерские мужчины и женщины носили различной длины куртки из овчины kódmön (кодмон), украшавшиеся аппликациями из кожи¹⁹. Куртки без украшений называли «кодмоном голым». В более позднее время этот вид одежды в Венгрии носили только женщины. Покрой венгерского кодмона своеобразен: переднюю и боковую части обычно делали из одного куска овчины и лишь на спине детали сшивались при помощи узкой полоски (рис. 6, 1). Благодаря такому крою создавался прилегающий силуэт, а вышивка и аппликация придавали вещи особое своеобразие. Куртки-кожушки распространены также в Западной Украине, Молдавии, Румынии. У преобладающего большинства кожушков спинка расширяется книзу за счет вставленных клиньев.

В Словакии мужские кожушки прямые или немного суженные книзу, с прямыми или слегка расширенными и удлиненными полочками, женские — приталенные. Интерес вызывает конструкция недлинного (до колена) женского кожушка (район Выходней), у которого передняя часть выкраивается вместе с рукавом²⁰. Застегиваются такие кожушки на кожаные пуговицы и петли. Передние полы закидываются на спину и закрепляются с помощью петли и пуговицы. В таком оформлении полы не мешают при движении и служат карманами (рис. 6, 3, 4).

Во второй половине XIX в. стали носить недлинные (до бедер) коричневатые приталенные кожушки, которые скорняки называли «польски-ми»²¹. Кожушки эти служили человеку круглый год. Летом их носили в остром мундире, надевая на сорочку и накидывая на плечи²².

Развитие распашной кафтанобразной одежды из овчины проходило у славян и их соседей на протяжении всей истории. У всех рассматриваемых народов шуба была символом богатства и счастья и занимала большое место в обрядности, в частности свадебной. Следует отметить, что шуба являлась усовершенствованной формой более простой, примитивной формы одежды из овчины (безрукавки-кептаря и глухой шубы).

Как отмечалось выше, распашные шубы могли быть туникообразными и приплечевыми. Для обычного кожуха (шубы) расходовалось 6—7 шкур. Каждая из них кроилась по-особому, чем достигалась большая экономия материала.

Анализируя покрой шуб восточнославянских народов, приходим к выводу, что у них единый принцип построения основы, но у каждого народа шубы имеют особенности как в конструкции, так и в оформлении.

Наиболее древней из распашных шуб является прямоспинная шуба, у которой рукав вшит в прямую пройму. В шубах румын, молдаван и других народов имелась ластовица, которая выкраивалась отдельно или вместе с рукавом (рис. 3, 4а, 4б). Прямые распашные шубы обычно не имели застежки (косые полы глубоко заходили одна на другую) и подпоясывались кушаком. Надевали их обычно в дорогу во время сильных морозов.

Форма таких шуб образовалась за счет свободных переда, спинки и клиньев, идущих от рукавов вдоль всей длины, значительно расширяя нижнюю часть шубы. Если шубы шили без клиньев, то перед делали достаточно широким, в результате чего боковые швы смещались на спину. Такая просторная кафтанобразная шуба просуществовала до XIX в. В XIX в. под влиянием западноевропейской моды стали распространяться полуприталенные и плотноприталенные шубы.

Силуэт полуприталенных шуб создавался в основном за счет прямого переда и приталенной спинки (цельной или с горизонтальным отрезом

¹⁹ E. Fel, T. Hofer, K. K.-Csillery, Ungarische Bauernkunst, Corvina, Budapest, 1958, S. 59.

²⁰ «Slovensky L'udovy Textil», Bratislava, 1957, str. 91.

²¹ S. Kovačevićová, L'udovy odev v hornom Liptove, Bratislava, 1955, str. 143, 146.

²² Там же, стр. 123.

на талии); силуэт приталенных шуб — за счет плотно прилегающего лифа и отрезной нижней части. Первый силуэт был характерен для русских, украинских, эстонских шуб, второй — для русских, украинских, белорусских шуб и полушубков.

* * *

В России в XIX в. были широко распространены различные виды одежды из нагольной овчины²³: тулупы, шубы, полушубки. Овчинный промысел был очень широко развит в стране, им занимались в 33 губерниях. Обработывали овчину в мелких ремесленных мастерских, обслуживающих потребности ограниченного круга местных заказчиков, и на нескольких довольно крупных предприятиях²⁴. Шубный промысел был особенно распространен в Ярославской губернии (Романово-Борисоглебский уезд), Вятской (Слободской уезд), Владимирской (Шуйский уезд). Вятские шубники обеспечивали не только спрос местных потребителей, но и отправляли шубы и овчины большими партиями на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, а также на Украину.

Широкой известностью пользовался романовский овчинно-шубный промысел — центр шубного производства России. Предполагают, что начало промыслу было положено в первые годы XVIII в., когда близ города Романова на Волге была выведена новая порода овец, дающая весьма ценную в промышленном отношении пушистую и нарядную овчину²⁵. Промысел особенно процветал в первой половине XIX в., когда железных дорог еще не было и ездили на лошадях, в связи с чем требовалась теплая одежда. В это время широкую известность получили также шубники Пошехонского уезда (Ярославской губ.) — пошехонские портные. Их изделия ценили вологжане, костромичи, новгородцы, владимирцы, жители приволжских губерний и окраин России. О времени зарождения этого промысла говорить трудно, известно только, что здесь «...с незапамятных времен одно поколение портных сменяло другое и что деды и прадеды их измеряли широкую Русь пешком, с аршином в руках, с ножницами за кушаком, с сумкой и утюгом за плечами»²⁶. В пореформенный период в связи с развитием железных дорог и снижением количества переездов на лошадях потребность в некоторых видах полушубков (например, в полушубке-подстилке) отпала. Новые условия жизни требовали создания легкого полушубка. Кроме того, вошло в моду более удобное «немецкое» (ватное) пальто.

Среди форм русской народной одежды из овчины по-своему оригинален русский полушубок, получивший в середине XIX в. особое распространение в центральных районах России. Форма полушубка, безусловно, тесно связана с формой одежды, поверх которой его надевали. В это время в некоторых районах России распространился сарафан с лифом, напоминавший рубаху на лямках без рукавов²⁷. Этот вид одежды вошел в быт русских крестьянок, видимо, под влиянием одежды западных соседей — белорусов. У русских в северных районах получила распространение также суконная полосатая юбка (сохранившаяся до сегодняшнего дня в Тотемском районе Вологодской области под названием «сукманка» или «зимник»²⁸) и отрезной облегающий лиф, а как синтез их — сарафан с лифом.

²³ «Русские. Историко-этнографический атлас», стр. 249.

²⁴ Я. Я. Полферов, Кустарная промышленность в России (опыт экономического обследования), Спб., 1913, стр. 12.

²⁵ Словарь Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXI-а, кн. 42, Спб., 1897, стр. 678.

²⁶ «Вестник Ярославского земства» Ярославской губернской земской управы, 1879—1880 гг.

²⁷ Б. А. Куфтин, Матерьяльная культура русской Мещеры, ч. I, М., 1926, стр. 25.

²⁸ «Материалы экспедиции в Вологодскую область», 1966 г. Хранятся в Московском текстильном институте.

Русский полушубок имеет сходство с венгерской шубой (бундой), которая видоизменилась: плечевая часть сместилась вниз и на линии талии соединилась с плотно прилегающим лифом с рукавами, напоминающим древнюю меховую куртку-обертку (рис. 1, 5*д*, 5*е*; рис. 8, 1, 2). Эта форма одежды была широко распространена в разных уголках России и за границей. Отрезная нижняя часть русских полушубков, состоящая из 3—5 клиньев, в распластанном состоянии образует почти круг. Плотноприлегающий лиф спинки шит из трех частей, причем швы идут от проймы через середину спинки к линии талии. Швы клиньев сборочной юбки скрываются в массе складок и фалд.

Полы с увеличивающимся от талии вниз запахом перешли в полушубок из тулупа (суконного азяма). Верхняя, плотно прилегающая, часть этого вида одежды застегивается на петли из ремешка и пуговицы или на металлические крючки и петли. Полушубки, удобные по форме и конструкции, служили и одеждой, и подстилкой, и подушкой, и покрывалом.

* * *

При проектировании современной одежды используются следующие наиболее характерные формы народной одежды из овчины: 1) прямая (силуэт — квадрат или прямоугольник), 2) расширенная книзу от линии рукава (силуэт — трапеция), 3) расширенная от линии талии (силуэт — сочетание квадрата или прямоугольника с трапецией). Описанные выше три формы позволяют создавать разнообразные силуэты.

Основным конструктивным элементом в одежде, обуславливающим удобство в движении, является узел плечо — пройма — рукав. Среди разнообразных решений этого звена в народной одежде наиболее рациональными являются: 1) туникообразный покрой рукава, вшитого в прямую пройму плеча; средняя линия рукава находится на одной прямой с линией плеча, 2) прямой рукав с ластовицей, вшитый в углубленную пройму. Вышеописанный принцип конструирования может быть использован и при проектировании современной одежды.

Покрой народной одежды из овчины находился в прямой зависимости от размера овчины. Разные народы по-своему использовали материал. Так, у шуб польских, словацких, украинских, молдавских, эстонских около плечевого шва на спинке и полочке имеются надставки, создающие одновременно большее прилегание изделия в области груди и лопаток. Такие надставки имеются и на линии низа. У молдаван, словаков, венгров, западных украинцев туникообразные колушки часто кроились из одной овчины (рис. 1, 4).

Особый интерес с точки зрения современного проектирования одежды вызывает польская шуба, у которой перед и спинка — целые полотнища. Шуба прилегает у талии за счет формообразующих надсечек-вытачек, а у лопаток — за счет плечевых накладок (рис. 5, 1*а*—1*в*)²⁹.

В шубах верхнюю полу часто отделявали мехом, пуговицами из ремешка или из дерева. Наиболее приемлемыми для современной одежды из шубной овчины являются воротник «стойка» из кожи или меха или небольшой отложной воротник из меха.

О цветовом решении современной одежды из шубной овчины можно сказать следующее: наряду с белым природным цветом кожаной ткани овчины широко применяются желто-коричнево-зеленые, так как последние более органично соединяются с замшевидной поверхностью и, что особенно важно, гармонируют с цветом лица и волос человека.

Формы и декор безрукавной и накидной (плащевидной) традиционной одежды из шубной овчины должны лечь в основу проектирования

²⁹ E. Starek, Stroj Spiski, «Atlas polskich Strojow Ludowych», Posnan, 1954, str. 20, 26.

Рис. 9. Полушубок из овчины по мотивам народной одежды. Модель разработана на Читинской овчинно-меховой фабрике

Рис. 10. Комплект из русской овчины — полушубок с косынксой — разработан на Кировском кожевенно-меховом комбинате. Модели автора

и оформления безрукавной современной одежды из данного материала, например, одежды для спорта.

На основе старинных русских полушубков следует разрабатывать модели современной одежды с таким расчетом, чтобы русский полушубок хорошо смотрелся на фоне современных улиц, домов, транспорта. Современный дубленый полушубок прекрасно сочетается с традиционными павловскими платками и шапками-ушанками.

Совместно решают сегодня вопросы проектирования одежды из овчины художники и работники промышленности.

Учитывая современные условия жизни и используя народные традиции, художник должен по-новому решать вопрос кроя и декора костюма. Так, вышивка, выполняемая в современном костюме машинным способом, решается условнее, но в ней должен быть сохранен основной традиционный мотив. Яркая, декоративная отделка, умело использованная в одежде, придает ей неповторимое национальное своеобразие. Костюм становится более выразительным.

Декор (и в большом объеме) особенно уместно вводить в спортивную одежду, которая просматривается на расстоянии, на фоне снежных просторов. Цветовое решение должно быть ярче и смелее.

Проектируя одежду для каждого дня, рассчитанную на массовое производство, надо иметь в виду, что нет особой необходимости ее декорировать, тем более что за счет окраски материала (кожи и меха) можно получить разнообразные варианты в оформлении (рис. 9, 10).

В настоящее время разрабатываются новые методы проектирования одежды из овчины, совершенствуются формы и конструкции этой одежды, предлагаются новые образцы.

**ДОБЫЧА ЗОЛОТА —
ОДИН ИЗ ДРЕВНИХ ПРОМЫСЛОВ
ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ**

Добыча золота на реках Припамирья практиковалась еще в древности, о чем сообщают ранние средневековые арабоязычные географы. «По Ибн-Русте, на Ваххабе (одно из древних названий Пянджа. — Авт.), вытекавшем из Тибета, находились золотые россыпи, в которых добывалось золото небольшими кусочками, величиной с булавочную головку. Несомненно, на эту же местность указывает предание, сообщаемое Ибн ал-Факйхом, по словам которого, между Хорасаном и Индией имелась область, в которой находились муравьи, величиной с борзых собак; область эта была страной золота; люди, приходившие искать это золото, из боязни этих муравьев и чтобы отвлечь их внимание, бросали им мясо, сами же брали в это время золото и затем удалялись... Предание, сообщаемое об охраняющих золото муравьях, несомненно тождественно с известным сказанием о муравьях, роющих золото, сохраненным у Геродота (III, 102—105)... Индийцы, собирающие это золото, относятся Геродотом к населению Кабулистана; Страбон определяет их местообитание еще точнее — он называет их Дардами, т. е. обитателями Дардистана, местности в ближайшем соседстве с Ваханом»¹.

Ибн-Хордадбех дает описание промывки золотоносного песка на берегах Джейхуна (Пянджа) местными жителями в IX—X вв. На берегу раскладывали козьи шкуры шерстью вверх и закрепляли колышками. На них непрерывно лили воду, зачерпываемую из реки. Когда на шкуре собиралось достаточно песка, ее выставляли на солнце для просушки. Затем песок ссыпали на кожаную скатерть и, потряхивая ее, отделяли золото — очень чистое, красного цвета, по форме напоминающее рыбы чешуйки².

В дореволюционной русской литературе также имеется немало сведений о добыче золота в Восточной (горной) Бухаре³. Особый интерес к этому вопросу возник в конце XIX в. в связи с арендой инженером

¹ К. А. Иностранцев, Река Иран-Веджа в парсийской традиции, «Известия Российской Академии наук», 1917, стр. 894 (отдельный оттиск).

² «Bibliotheca geographorum arabicorum», т. VI, стр. 178—180. О промывке золота в раннем средневековье жителями Хуттэля (юго-западный Таджикистан) и о находке золотых самородков в Шикинэне (Шугнан), Вахане и Раште (Каратегин) сообщается в труде: А. Бируни, Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия), Л., 1963, стр. 222, 223. Обзор исторических сведений о добыче золота в Горно-Бадахшанской автономной области и в других местах южного Таджикистана см.: М. Е. Массон, Из истории горной промышленности Таджикистана, «Материалы Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г.», вып. XX, Л., 1934, стр. 11—15, 37—39.

³ См., например, статьи в газете «Туркестанские ведомости», 1876, № 41; 1897, № 49; 1906, № 9, а также: А. Борис, Путешествие в Бухару, М., 1848, ч. III, стр. 238; «Золото-промышленность в Туркестанском крае», сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 183—193; И. П. Минаев, Сведения о странах по верховьям Амударьи, СПб., 1879, стр. 53; Л. Ф. Костенко, Туркестанский край, СПб., 1880, т. III, стр. 182, 183; Д. П. Логофет, Страна бесправия, СПб., 1909, стр. 78—82; А. Шишов, Таджики, М., 1911, стр. 209—213.

Г. Журавко-Покорским у бухарского правительства (при содействии русских властей) золоторазработок по горным речкам Бальджуанского бекства (Сафеддаринские прииски). Однако из-за отсутствия необходимого капитала и противодействия со стороны местных бухарских чиновников, заинтересованных в скупке золота у местного населения, Журавко-Покорский не смог развить дело, а само предприятие было вскоре ликвидировано⁴.

В литературе есть сведения о золотоносных конгломератах Восточной Бухары, кустарных способах добычи золота, организации артелей, повинностях, которыми облагали старателей бухарские власти, следах древних разработок золота и т. п. Отмечается, что разработка золота кустарным способом велась в горном Таджикистане повсеместно — по Зеравшану, рекам Ях-Су, Хингоу, Пянджу. Золотосодержащая порода — конгломераты, состоящие из обкатанных галек и обломков валунов гранита, диабазы, кварца и других пород, связанных глинисто-песчаным цементом или одной глиной. Цвет конгломерата изменяется от серого до красноватого. Золото, по мнению местных жителей, находится в цементе серого конгломерата. Прежде золото извлекали главным образом из золотоносного песка, оседавшего на берегах рек. Но там, где берега состоят из золотоносных конгломератов, велись открытые разработки и самих конгломератов, а иногда устраивались даже примитивные штольни. Ныне золотоносные пески, имеющие промышленное значение, лежат, по-видимому, ниже современного уровня рек⁵.

Добыча золота из золотоносного речного песка происходила в горном Таджикистане еще в середине 30-х годов нашего столетия. В начале 30-х годов авторам удалось наблюдать золотодобычу в истоках р. Хингоу и на ее притоке — речке Сари-Об, записать процесс производства, сделать ряд фотографий и зарисовок. Река Хингоу и оба ее истока — Оби-Арзынг и Оби-Мазор, питающиеся водами огромных ледников, несут крупинки золота, отлагая их на берегах и речных косах. По-видимому, действием ледников следует объяснить тот факт, что иногда золото встречается в виде тонких пластинок (так называемое шлихвое золото). Некогда эти реки отлагали золотой песок и на древних террасах, поднятых теперь на десятки метров над уровнем реки. На террасах имеются следы довольно древних разработок золота — каменные отвалы, штольни, подземные ходы. Народная молва связала эти разработки с именем Чингисхана, который, покорив несметное число народов, будто бы заставил их работать здесь и вывозил отсюда золото в бурдюках из бычьих шкур.

Население кишлаков, расположенных в верхнем течении Хингоу, так называемые вахиочи (от названия местности Вахио-Боло) были искусными и признанными старателями. Суровая природа, недостаток земли и скота с незапамятных времен заставляли вахиочей заниматься отходничеством и различными промыслами, среди которых не последнее место занимала золотодобыча. Свои навыки вахиочи передавали из поколения в поколение и славились в Таджикистане и даже в соседних странах как непревзойденные мастера-золотодобытчики. Они были искусны не только в технике промывки, но и умело отыскивали золотоносные пески. Организованный в начале 30-х годов государственный трест «Таджикзолото» нанимал именно вахиочей мастерами и инструкторами по золотодобыче и направлял их во все другие районы горного Таджикистана, где

⁴ Рок-Тен, Золотые прииски в Бухаре, газ. «Туркестанский курьер», 1910, № 169, 170; Б. И. Искандеров, О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв., Душанбе, 1958, стр. 53—73.

⁵ А. Шишов, Указ. раб., стр. 210, 211. Из специальных работ по распространению золотоносных пород и их связи с геологией горного Таджикистана см.: И. И. Бездека, Месторождения полезных ископаемых Таджикской Республики, сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 245—266; «Таджикская комплексная экспедиция АН СССР 1932 г.», Л., 1933 (раздел «Работы по золоту»).

велась промывка золота, в частности в соседние Дарваз (долина Пянджа) и Каратегин (долина Сурхоба).

В Бухарском ханстве добыча золота вахиочами, как и другими группами населения, облагалась специальным налогом. Каждое хозяйство вносило в эмирскую казну по одному *тилло* (об этой единице см. ниже) золота в год. В Вахио-Боло таким налогом облагались все хозяйства независимо от того, промышляли они добычей золота или нет. Замена сдаваемого золота каким-либо эквивалентом не допускалась. Помимо уплаты этого налога, бухарские чиновники, духовенство и баи заставляли население добывать золото и для себя лично как путем внеэкономического принуждения, так и путем различных кабальных соглашений.

Сезон промывки золота начинался ранней весной, обычно в марте, как только берега рек освобождались от снега и ледяной корки. Мастер собирал свою артель, в большинстве случаев состоявшую из трех рабочих — *мар*. Чаще всего артель складывалась по родственному принципу, и ее состав был более или менее постоянным: объединялись мужчины двух-трех родственных семей или же одной большой семьи⁶. Заранее договаривались, с какого дня приступят к работе. Работу по золотодобыче называли *кори сангоу*, что буквально значит «работа на каменистом берегу реки». Название *тиллоковй* (добыча золота) редко можно было услышать из уст старателя. По-видимому, здесь действовал своеобразный профессиональный запрет. Произнесение слова «золото», по поверью, могло повредить успешной добыче.

После сборов артель выходила на место работы — берег реки вблизи родного кишлака, но иногда уходила в соседние районы, километров за 150 и более, через горные перевалы. В последнем случае артель в течение одного-двух месяцев пользовалась гостеприимством какой-либо кишлачной мечети⁷: в горном Таджикистане помещение мечети служило и своеобразной гостиницей.

Из кишлака Сангвор (центра Вахио-Боло) в начале марта артели золотоискателей уходили в соседний Дарваз на р. Пяндж, долина которой лежит значительно ниже верховий Хингоу, на высоте 1000—1200 м над уровнем моря (высота же кишлака Сангвор около 3000 м). И хотя весна в Дарвазе наступает значительно раньше, пробираться туда приходилось через высокий перевал Висхарви в Дарвазском хребте (высота свыше 4000 м), покрытый еще в это время года глубоким снегом. Старатели шли снежной целиной, налегке, в особой обуви из грубой кожи — *муккй*, имея за спиной лишь инструменты и немного продуктов⁸. В марте снег днем подтаивает, а ночью схватывается морозом и покрывается ледяной коркой. Такой снег местные таджики называют *қатқун*.

Несколько позже артели из Вахио-Боло направлялись на северо-восток, на реку Мук-Су, в район киргизских кочевков. Они шли через перевал Сагрун (или Кыргыз), подъем на который начинался от самого высокого по течению Хингоу кишлака Пашимгар; этот перевал тоже труд-

⁶ Горный инженер Михайлов, обследовавший прииски в Дарвазском, Кулябском и Бальджуанском бекствах в 1897 г., писал: «Прием в артель делается с согласия всех ее членов, каждый получает равную долю добытого золота, независимо от рода работ; существует обычай, в силу которого никто не имеет права нанимать рабочего за себя, а должен участвовать в работе артели личным трудом» («Туркестанские ведомости», 1897, № 49). Эти сведения подтверждаются и нашими наблюдениями.

⁷ Упомянутый инженер Михайлов отмечает («Туркестанские ведомости», 1897, № 49), что право на разработку приисков, на известной реке, хотя и не санкционированное законом, принадлежало исключительно жителям расположенных на ней или на ее притоках селений. Однако в 30-х годах нам не приходилось слышать о таком «праве», да и по рассказам стариков они и в прежнее время промышляли золото на «чужих» реках.

⁸ Обычно родные давали каждому старателю в дорогу сдобные лепешки *кулча*, сдобное печенье *орзук*. Старатель получал также одну или две пары шерстяных носок местной вязки — *чуроб*.

непроходимый, однако для вахиочей такой путь был обычным делом. Так, нам рассказывали, что один подросток из кишлака Пашимгар ежегодно уходил с артелью на Мук-Су и затем в одиночку раза два в течение рабочего сезона возвращался в кишлак за продуктами для артели.

Для промывки золота на берегу Хингоу устанавливался деревянный станок *ергана*, состоявший из двух параллельных изогнутых брусез, концы которых спереди упирались в землю. Параллельно брусам настилались тонкие жерди, соединенные между собой и с брусками тремя или четырьмя рядами веревки наподобие циновки из тростника. Задняя приподнятая часть станка опиралась на четыре ножки, из которых две, ближние к середине, были приставные, с развилками на концах. На станок клали небольшой коврик из овечьей шерсти — *плас*. На нем-то и производилась промывка золотоносного песка.

Приспособление для промывки золота на р. Сари-Об было несколько иным. Предварительно на берегу, перпендикулярно к течению реки, делали невысокую, прямоугольной формы земляную насыпь с небольшим наклоном к реке. На эту насыпь — *цои сарикор* (букв. «место станка») клали шерстяной коврик, называвшийся здесь *вол*. Поверх коврика ставили станок — *чапарак*, состоявший из двух продольных дощечек (длинной до 75 см каждая) и двух поперечных (до 35 см каждая). Все они вместе образовывали раму. Внутреннее пространство рамы было забрано тонкими прутьями (числом до 40), идущими параллельно и закрепленными в углублениях на внутренней стороне продольных дощечек. Для прочности поперечные дощечки скреплялись деревянной планкой, проходившей через их среднюю часть. В отличие от старателя, работавшего на станке, применявшемся в верховьях Хингоу, сариобский старатель промывал золото сидя на земле и поджав под себя ноги.

Кроме этих станков, при промывке золота употреблялись как в Вахио-Боло, так и на р. Сари-Об, еще ряд орудий. Для черпания воды применялся особый сосуд *кадү*. Он представлял собой срезанную наискось половину тыквы-горлянки, через стенки которой продевалась деревянная палка длиной до 1,2 м. Она пропусклась через обе стенки тыквы насквозь и служила рукояткой — *даста*. Чтобы тыква не соскакивала с нее, конец палки обертывался несколько раз веревкой — *банд*, концы которой связывались. Веревка, в свою очередь, удерживалась на рукоятке деревянной чечкой или гвоздем — *мех*.

Для смахивания мелких камней с коврика служила деревянная палочка *хасру*, 60 см в длину и 10 см в обхвате. Один конец ее был заострен, а другой — утонченный — служил рукояткой. Для отворачивания камней, лежащих на поверхности песка, употреблялось кайло — *рында*. Оно имело деревянную рукоятку длиной до 65 см. Серпообразный заостренный с обоих концов железный стержень закреплялся в отверстии рукоятки лоскутками кожи. Мотыгой — *калánd* откапывали песок и накладывали его в лоток. Деревянная рукоятка мотыги была длиной около 50 см. На одном из ее концов крепилась железная лопаточка размером 15×8 см, поставленная под прямым углом к рукоятке. Песок подносили в деревянном плоском прямоугольном лотке — *новá* или *регkáš* размером 35×50 см. Одна из длинных сторон имела бортик. Промывали песок в мелком деревянном блюде — *табáк*, имевшем овальную форму, размером 45×50 см. Снизу блюда имелось кольцо, закрепленное металлическими скобками, служившее для переноски. Золото собиралось в *кошкáк* — небольшую деревянную коробочку без крышки, прямоугольной формы, с утолщенной верхней частью. Иногда кошкак заменялся срезанным концом рога животного, высотой 6—7 см. Обычно кошкак сверху затыкался чистой тряпочкой.

Все перечисленные орудия и кошкак изготовлялись самими старателями из местного материала. Исключение составляли коврики, которые вырабатывались специальными ткачами.

Рис. 1. За промыванием золота на деревянном станке ергана (колл. МАЭ, № И 58-138).
Это и остальные фото выполнены С. М. Абрамзоном

Рис. 2. Промывание золота на деревянном станке чапарак (колл. МАЭ, № И 58-143).

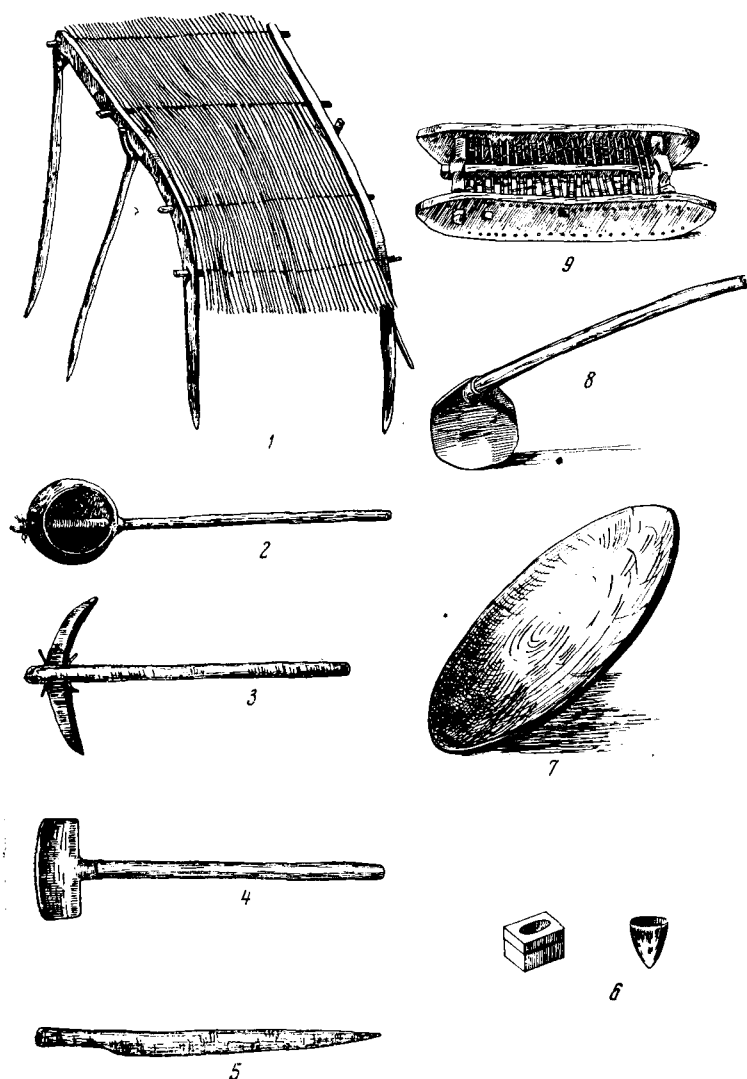

Рис. 3. Инструменты, применявшиеся на золотых промыслах: 1 — ергана́; 2 — каду́; 3 — рында́; 4 — кала́нд; 5 — хасру́ 6 — кошкák; 7 — табáк (1—7 рисунки Н. А. Кисляковз); 8 — кала́нд (колл. МАЭ № 5097-19); 9 — чапарак (колл. МАЭ № 5097-20);

Процесс промывки золота происходил следующим образом. Станок — ергана устанавливался на берегу реки у самой воды таким образом, что передние ножки его слегка погружались в воду или находились у самой воды; благодаря такому положению вода со станка стекала прямо в реку. На станок клали коврик. Мастер стоял возле станка, держа в одной руке черпалку, а в другой палочку. Его помощники непрерывно на-кладывали песок с помощью мотыги на лоток и вываливали его на верхнюю часть коврика. Если при выбирании песка встречались камни, то их удаляли при помощи кайла, откатывали в сторону. Зачерпывая черпалкой воду из реки, мастер лил ее на находившийся на коврике песок, который скатывался вместе с водой в реку, а мелкие камешки (галька), попадавшие на коврик вместе с песком, мастер осторожно смахивал палочкой. Песчинки золота, имевшие больший удельный вес, застревали в ворсе и нитях коврика, как и некоторое количество песчаного осадка. Такая промывка длилась обычно несколько часов, после чего коврик

складывали⁹ и клали на деревянное блюдо, которое затем погружали в воду в небольшом речном заливчике, где не было течения, или в специально устроенный небольшой бассейн. Поднимая осторожно, складка за складкой, коврик с блюда, его тщательно обмывали и трясли, чтобы все содержимое, включая и крупинки золота, осталось на блюде. Затем мастер легкими вращательными движениями (в блюде оставляли немного воды), отделял золото от оставшегося песка, небольшим покачиванием и наклоном блюда очищал его от этих примесей. Золото оставалось на дне блюда. Затем, наклонив блюдо и слегка постукивая по нему, мастер собирал золотые крупинки и осторожно ссыпал их в кошкак.

Выработку песка вели длинной траншеей, идущей параллельно течению реки. Эти выработки были столь характерны, что проезжая берегом, можно было сразу определить, где производилась недавно промывка золота.

Издавна счет золота шел на так называемые тилло — весовые единицы, известные также как *мисқол*. Одна такая единица равнялась приблизительно 4,76 г. Таким образом, фунт содержал 84 мискола и последний был несколько тяжелее золотника. Цена одного тилло (мискола) золота обычно колебалась, но в среднем он стоил 5 рублей¹⁰. Счет шел также и на более мелкие единицы — *нахўд* (букв. «горошина»), каждая из них расценивалась в 34 копейки.

Как нам лично удалось наблюдать, старатели приносили золото на приемный пункт в так называемых *фурук* — кусочках тонкой оболочки желудка какого-либо животного. Обычно золото заворачивали в два таких фурука и завязывали ниткой. Взвешивание золота производилось на маленьких (аптекарских) весах, вместо гирек употребляли хорошо выверенные по весу камешки и кусочки металла.

Как отмечали еще дореволюционные авторы, причина сравнительно широкого развития кустарной добычи золота в горной Бухаре, несмотря на ее малопродуктивность при существовавших примитивных приемах и орудиях, заключалась в том, что в силу местных природных условий население не могло прокормиться одним земледелием¹¹. Учитывая это обстоятельство, вскоре после освобождения края от басмаческих банд и установления Советской власти на местах было решено придать золотодобыче организованную форму, с тем чтобы покончить раз и навсегда с безудержной эксплуатацией и закабалением старателей, как это было в эмирате. Кроме того, нужно было поставить дело золотодобычи на подлинно советскую трудовую основу, объединить старателей, обеспечить их труд эквивалентным вознаграждением, снабдить их необходимыми материалами и остродефицитными по тому времени товарами, улучшить условия работы путем введения ряда технических усовершенствований, а заодно и начать работу по подъему культурного уровня населения. В этих целях в начале 30-х годов был организован трест «Таджикзолото». В пределах Вахио-Боло трест открыл два скупочных пункта — в кишлаках Сангвор и Лоджирк. Сюда старатели сдавали золото, намытое в Вахио-Боло, а также в других районах. Золото оценивалось по существующему курсу, и старатели получали необходимые им товары в соответствующем эквиваленте, в первую очередь мануфактуру, обувь, чай, сахар, а также пшеницу или муку (пшеница отпускалась из расчета 30% стоимости сдаваемого золота).

⁹ По словам автора анонимной заметки «Золотопромышленность в Туркестанском крае» (стр. 192), при снятии коврика со станка его свертывали поперечными складками (плоили), при этом блюдо, на которое клали коврик, должно было быть по длине не уже ширины коврика.

¹⁰ Намытое старателями золото сдавалось эмирским чиновникам из расчета в среднем 4 р. 90 к. золотник (Д. Н. Л о г о ф е т, Указ. раб., стр. 79).

¹¹ См., например, А. Ш и ш о в, Указ. раб., стр. 211.

Рис. 4. Промывка золота (колл. МАЭ, № И 58-137)

Рис. 5. Промывка золота артелью (колл. МАЭ, № И 58-142)

Трест приступил также к организации крупных артелей (до 50 и даже до 75 рабочих), которые в процессе работы делились на мелкие группы. Объединение старателей в крупные артели рассматривалось как форма коллективного труда, способствовавшая повышению его производительности. С артелями трест заключал коллективные договоры, в которые включались и пункты о снабжении старателей спецодеждой и обувью. В договорах предусматривалось премирование старателей, перевыполнивших установленные планы. Премирование производилось промтоварами и пшеницей, в чем старатели были весьма заинтересованы. Между артелями заключались договоры социалистического соревнования. Трест организовал в Сангворе женскую артель по выделке ковриков, в которую в первую очередь принимались жены бедняков и вдовы.

Трестом стали вводиться и более усовершенствованные методы золотодобычи: были завезены бутары — *мошин*, гидромониторы (применялись они в основном на разработках по реке Сари-Об). Работой с применением новой техники руководили русские инструкторы-специалисты, а для подготовки специалистов из среды местного населения в кишлаке Сангвор были организованы курсы горных десятников. На этих курсах, помимо технических знаний, слушатели получали и общеобразовательную подготовку по родному языку, арифметике, естествознанию, географии. Постепенно налаживалось хозяйственное и культурное обслуживание старателей. В 1932 г. число старателей составило 814 человек в Вахио-Боло и 148 человек по Сари-Обу; часть из них по-прежнему ходила на работу в отдаленные районы, в том числе и в районы киргизских кочевий Припамирья.

Эти мероприятия привели к тому, что таджик — житель суровых высокогорных районов, вынужденный до установления Советской власти из-за недостатка земли уходить на заработки далеко от родных краев, был освобожден от угрозы эксплуатации и произвола эмирских чиновников и мог отдаваться производительному и доходному для него труду вблизи родного дома, лишь изредка направляясь для промывки золота в более отдаленные районы. Естественно, что чем меньше был занят крестьянин в том же Вахио-Боло в сельском хозяйстве, тем больше времени он мог уделять золотодобыче, поэтому в этот промысел вовлекались главным образом маломощные слои крестьянства, образовавшие резерв для формирования кадров рабочего класса. Таким образом, организация треста «Таджикзолото» на определенном этапе советизации края сыграла положительную роль в подъеме экономического благосостояния и повышении культурного и политического уровня населения этих некогда отдаленных окраин.

Однако уже к концу 30-х годов старательские промыслы в горном Таджикистане стали терять свое значение. Во-первых, районы горного Таджикистана, особенно при применении в основном кустарного труда, не являлись перспективными в отношении добычи золота по сравнению с вновь открытыми и осваиваемыми месторождениями в других районах Советского Союза. Во-вторых, начавшаяся в горных районах Таджикистана коллективизация сельского хозяйства и вовлечение в связи с этим населения в общественное производство, нуждавшееся в мужских рабочих руках, вызывали все усиливавшийся отлив крестьян из старательского промысла. А главное, бурный рост коллективизации в других районах республики и развитие основной отрасли сельского хозяйства — хлопководства привели к тому, что значительная часть горцев-таджиков нашла для себя более выгодным переселиться на вновь осввоенные и осваиваемые земли в равнинных районах, где они живут сейчас зажиточной и культурной жизнью.

Г. В. Цулая

ДВА КОММЕНТАРИЯ К ХРОНИКЕ ЛЕОНТИ МРОВЕЛИ

I. К этногенезу осетин

Леонти Мровели — грузинский историк XI в. Его сочинениями открываются все известные до сих пор списки свода средневековых грузинских исторических хроник — Картлис Цховреба¹, относящегося к XII в. Важность грузинских нарративных источников для древней и средневековой истории народов Кавказа отмечалось всеми исследователями.

Создатель научной истории осетинского народа Вс. Ф. Миллер писал, что среди «сведений, сообщаемых о предках осетин древними писателями, мы должны поставить на первом плане то, что сообщается о них их ближайшими южными соседями грузинами»². Исследователи использовали сообщения грузинской хроники преимущественно для освещения политической стороны истории осетин. Сведения же грузинского источника о происхождении осетин привлекались лишь в редких случаях и обычно толковались неверно.

Вопросам этногенеза осетинского народа посвящена обширная литература. На протяжении более ста лет сменилось несколько гипотез о происхождении осетин. В конце прошлого века исследованиями Вс. Ф. Миллера было положено начало теории скифского происхождения осетин. Дальнейшее развитие кавказоведения внесло в эту гипотезу существенные изменения, хотя и не поколебало ее главных положений. Основные коррективы, внесенные в скифскую теорию происхождения осетин, как известно, касаются участия кавказского этнического элемента в формировании осетинского этноса. Так возникла теория кавказского субстрата в этногенезе осетин. Главным автором этой идеи и наиболее последовательным ее проводником является В. И. Абаев. «Никакая этногенетическая теория об осетинах, которая не считается с фактом смешения скифо-сарматских племен со старым местным населением, не может считаться отвечающей современному уровню наших знаний»³ — таков основной тезис исследователей этногенеза осетин, одной из самых сложных проблем кавказоведения.

Однако отсутствие древних письменных источников, подтверждающих теорию кавказского субстрата, привело к тому, что эта вполне реальная гипотеза часто произвольно перекраивалась.

Между тем именно свод грузинских летописей «Картлис цховреба» дает прямые указания на активное участие кавказского субстрата в этногенезе осетин. Первое упоминание осетин (древнегруз. *овси*) в «Картлис цховреба» относится к эпохе скифского нашествия в Закавказье: «В первый же свой поход, — пишет Л. Мровели, — хазарский царь пере-

¹ «Картлис цховреба» (буквально «Жизнь Картли (Иберии)»), т. I, Тбилиси, 1955 (на древнегрузинском яз.).

² Вс. Ф. Миллер, Осетинские этюды, т. III, М., 1887, стр. 15.

³ В. И. Абаев, Этногенез осетин по данным языка, сб. «Происхождение осетинского народа», Орджоникидзе, 1967, стр. 18.

валил горы Кавказа и полонил народы... Был у него сын по имени Уобос, которому дал пленников Армении и Грузии. Дал ему часть страны Кавказа, к западу от реки Ломека до западных пределов горы. Приумножился род Уобоса. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что было частью (удела) Кавказа»⁴.

Прежде всего, одно замечание. В переводе сочинения Л. Мровели опубликованном в качестве Приложения к книге А. И. Шавхелишвили⁵ последняя фраза приводимого фрагмента древнего источника существенно искажена: «И это есть Осетия, которая была частью Кавказа». Получается, что Осетия (текстуально Овсети!) в грузинском источнике представлена якобы частью собственного Кавказа. В действительности мы имеем нечто совершенно другое. Л. Мровели пишет, что Овсети — это часть владений героя Кавказа — одного из отпрысков праотца кавказских народов Таргамоса. Земли его занимали вполне определенную территорию «от реки Ломека до рубежей Кавказа на западе».

Комментируемое свидетельство Л. Мровели в специальной литературе признано как бы началом летосчисления истории осетинского народа. Впервые на это обратил внимание Ю. Клапрот, который в своих изысканиях о Кавказе (1807—1808 гг.) не раз прибегал к грузинским источникам. Он писал: «Однако название хазар не было известно до христианской эры; хронология грузинской истории... не заслуживает никакого внимания, хотя и нельзя отрицать факт набега народа, жившего в северной части Кавказа. Это скифы греков»⁶. Далее, Ю. Клапрот, ссылаясь на Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), писавшего об основании скифскими царями «мидийских» колоний на берегу Танаиса (Дона)⁷, продолжает: «Эта мидийская колония и является, по-видимому, той, которая, согласно данным грузинских хроник, была образована жителями Картель-Сомхети (Грузии и Армении.— Г. Ц.), приведенными сюда хазарами»⁸.

То обстоятельство, что Л. Мровели не внес осетин (овсов) в своеобразно им скомпилированную генеалогическую таблицу народов Кавказа⁹, свидетельствует только о признании им предков осетинского народа пришлыми людьми, стоящими вне круга кавказских аборигенов. Поэтому, нет никаких оснований считать отсутствие овсов (осетин) в генеалогической схеме Л. Мровели свидетельством того, что древнегрузинский автор якобы не дает «полную картину этнического состава своей эпохи», как пишет об этом З. В. Анчабадзе, полемизируя с Павле Ингореква¹⁰. Однако Л. Мровели был далек от мысли называть скифов («хазаров») в их «чистом» виде прямыми предками овсов (осетин), как это неправильно утверждает Ю. С. Гаглойти¹¹. Наоборот, Мровели свидетельствует о значительной роли кавказского субстрата в формировании древнеосетинских племен, основу которых действительно составляли ираноязычные скифы и сарматы. Согласно Л. Мровели, этот субстрат состоял не только из немногочисленных «пленников Армении и Грузии», которых Уобос получил в дар от своего отца. По словам Л. Мровели получается, что основу местного компонента предков осетин составили многочисленные племена иберийско-кавказского происхождения, которые населяли часть «(удела) Кавказа, к западу от реки Ломека до западных пре-

⁴ «Картлис цховреба», т. I, стр. 12.

⁵ А. И. Шавхелишвили, Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушскими народами (с древнейших времен до XV в.), Грозный, 1963, стр. 104.

⁶ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», составление, вводная статья и примечания Б. А. Калоева, Орджоникидзе, 1967, стр. 175.

⁷ См. Диодор Сицилийский, Библиотека, II, 43, 6.

⁸ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 175.

⁹ «Картлис цховреба», т. I, стр. 3.

¹⁰ См.: З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959, стр. 225; П. Ингореква, Георгий Мерчуле, Тбилиси, 1954, стр. 131 (на груз. яз.).

¹¹ Ср. Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза осетин, Тбилиси 1966, стр. 181.

делов горы». Именно здесь, как говорит древнегрузинский историк, «приумножился род Уобоса».

Эпоним осетин «Уобос» встречается только у Л. Мровели. Некоторые исследователи (Вс. Ф. Миллер, И. А. Джавахишвили и др.) считали, что он образован самим древнегрузинским автором по греческому образцу: к корню Уоб (?) Мровели добавил греческое окончание — *ос*¹². Мы же предполагаем, что эпоним Уобос является лишь стилизацией под греческий образец древнегрузинского названия осетин *овс(и)* — *опс(и)* (возможный вариант уопс-и, ср. абхазское а-уапс)¹³.

II. Об адыгской топонимии в Западной Грузии

На территории Западной Грузии, в частности южнее р. Риони, уже давно отмечена топонимическая номенклатура адыгского характера, совершенно необычная для местного грузинского населения. Это — названия рек и селений (реки — Супса, Малтаква, Атчква с одноименным селением, села — Джурквети, Мурквети, Макванети и др.). Исследователи не сомневаются в адыгском характере этих топонимов. Более того, некоторые ученые ссылались на это обстоятельство при попытках воссоздать древнюю этническую карту черноморского побережья Грузии.

В одной из своих работ И. А. Джавахишвили специально остановился на этом вопросе. Он проанализировал некоторые топонимы Восточного Причерноморья и сделал следующее заключение: «Целый ряд географических названий древнего Причерноморья свидетельствует, что тамошнее население должно было принадлежать к адыгейским племенам»¹⁴.

Наиболее полную и всестороннюю сравнительно-лингвистическую интерпретацию вышеприведенным топонимам дал С. Н. Джанашиа в статье «Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии»¹⁵. Автор справедливо признал «установленным наличие черкесской топонимии» на причерноморской территории Грузии и пришел к выводу, что это «является следствием существования здесь некогда черкесского населения»¹⁶.

На основании лексических и морфологических соответствий между картвельскими и адыгскими языками делались предположения, что еще задолго до нашей эры какую-то часть «территории Западной Грузии населяли адыгские племена»¹⁷.

Однако нет никаких сведений о наличии аборигенного адыгского населения на территории южнее р. Ингури. Греко-римские, византийские, а также местные армянские и грузинские писатели и историки — наши главные информаторы об этнической истории и исторических судьбах народов Кавказа — не только не говорят о таких фактах, но, наоборот, свидетельствуют об их отсутствии. Так, порядок перечисленных римским ученым Плинием (I в. н. э.) причерноморских племен¹⁸ совершенно исключает мысль о возможности бытования «черкесов» на той самой территории, где сегодня звучат действительно «черкесские» (адыгские) географические названия. Еще более определенны в этом отношении свидетельства другого римского автора Арриана, который в 30-х годах II в.

¹² См. Вс. Ф. Миллер, Указ. раб., стр. 21.

¹³ Если только последний не является абхазским вариантом грузинского *овс(и)* — *опс(и)* с дифтонгизацией начального «о», слаборазвитой и в абхазском языке фонемы.

¹⁴ И. А. Джавахишвили, Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, «Вестник древней истории» (ВДИ), 1939, № 4, стр. 44.

¹⁵ С. Н. Джанашиа, Труды, т. III, Тбилиси, 1959, стр. 117—123 (на груз. яз.).

¹⁶ Там же, стр. 122.

¹⁷ Г. В. Рогава, Вопросы лексики иберийско-кавказских языков в трудах С. Н. Джанашиа, «Научные сессии Отделения общественных наук АН ГрузССР (тезисы)», Тбилиси, 1952, стр. 38, 39.

¹⁸ См. В. В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1949, № 2, стр. 288—291.

н. э. послал императору описание своего путешествия прямо с берегов Восточного Причерноморья¹⁹. Абхазо-адыгские племена отмечены им исключительно севернее р. Ингури, и в его описании нет даже намека на обитание этих племен в более южных районах. Зафиксированное Аррианом расположение племен в этих местах настолько точно, что Н. Я. Марр в начале XX в. писал о сочинении римского автора, как об образцовом, словно недавно написанном путеводителе²⁰.

Древние грузинские и армянские авторы также не упоминают никаких адыгских племен на территории южнее р. Ингури.

Фольклор как абхазо-адыгских, так и мегрело-чанских племен даже в самых архаических своих пластах хранит об этом полное молчание. Более того, архаические пласты абхазо-адыгского фольклора, в частности нартские сказания, тяготеют не к югу, как следовало бы в данном случае ожидать, а к северу от нынешних мест своего бытования. Правда, у абхазов есть предание об их абиссинском происхождении²¹, и оно каким-то образом связано с известным рассказом Геродота об египетском происхождении колхов²², но это скорее тайна психологии устного народного творчества, чем даже смутные отголоски каких-либо исторических фактов. Поэтому оно не может быть свидетельством о наличии абхазо-адыгов в составе колхских племен к югу от р. Ингури.

Первое сведение о топониме адыгского характера в Западной Грузии имеется в сочинении уже упомянутого Арриана. Речь идет о реке Акампис, ныне называемой Чорохи. Но ввиду того, что автохтонность адыгских племен в этих местах исторически исключена, приходится искать лишь пути их проникновения в западные районы древней Грузии. И эта мысль находит вполне надежную поддержку, как и следовало ожидать, именно в грузинских письменных источниках, в частности в историческом повествовании Леонти Мровели (XI в.).

Грузинский историк был хорошо знаком с адыгскими племенами, известными ему под названием *джики*²³.

Исторические джики — западная ветвь адыгских племен. В греко-римской литературе они известны под названием зиги (зигии), зихи, зинхи (синхи).

В сочинении Л. Мровели джики впервые связываются с событиями, происшедшими в Грузии в 70—100 гг. н. э. Это было время, когда Восточная Грузия (Картли — Иберия) вступила на путь политического подъема, борясь против экспансии Римской империи и привлекая на свою сторону соседние северокавказские племена. Создававшаяся обстановка угрожала восточным планам Рима²⁴, и он не преминул использовать против Иберии ее ближайшего соседа с юга — Армению.

В связи с одним из эпизодов этой борьбы, ставшей особенно острой с 70-х годов н. э., впервые и упоминаются в сочинении Л. Мровели адыгские племена джиков. События эти подробно описаны древнеармянским историком Мовсесом Хоренаци. Сообщаемые им сведения о том, что иберы, призвав на помощь северокавказские племена, опустошили Армению и соседние с нею земли²⁵, существенно дополняются грузинским источником. Мровели сообщает об этническом составе союзников Иберии, причем называет в числе этих союзников джиков, т. е. западных адыгов²⁶.

¹⁹ В. В. Латышев, Известия древних писателей..., ВДИ, 1948, № 1, стр. 265—275.

²⁰ Н. Я. Марр, Из поездки в Турецкий Лазистан, «Изв. Академии наук», СПб., 1910, стр. 624.

²¹ См.: Инал-ипа, Абхазы, Сухуми, 1965, стр. 104, 105.

²² См. В. В. Латышев, Известия древних писателей..., ВДИ, 1947, № 2, стр. 256.

²³ См. «Картлис цховреба», стр. 28.

²⁴ См. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 344 и др.

²⁵ См. Моисей Хоренский, История Армении, М., 1858, стр. 125 и сл.

²⁶ См. «Картлис цховреба», т. I, стр. 45. Известно, что этим сообщениям Л. Мровели исследователи отдают предпочтение (см. Вс. Ф. Миллер, Осетинские этюды, т. III, М., 1887, стр. 27, 28).

И. М. Джаббаров

**НЕКОТОРЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ В УЗБЕКСКОЙ ВЕРСИИ
ЭПОСА «АЛПАМЫШ»**

Из произведений устного народного творчества можно почерпнуть разнообразные материалы по истории, этногенезу, быту и культуре, обрядам и верованиям того или иного народа. В этом отношении особенно ценны эпические сказания.

В героическом эпосе тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья — «Алпамыш» («Алпамыс» у казахов и каракалпаков, «Алпамыша» у татар, «Алпамыша и Барсын-хылу» у башкир), в том числе и в узбекской его версии, мы находим, выражаясь языком археологии, сложнейшее напластование многочисленных культурных слоев¹. Сказители в разные эпохи интерпретировали это произведение по-разному и вносили в традиционный текст изменения и дополнения. Оценивая эпос как исторический и этнографический памятник, необходимо подходить к нему критически².

Несмотря на то, что образы «Алпамыша» как и любого эпоса, идеализированы, многочисленные события, описанные в «Дастане», своеобразно отражают историческое прошлое народа, облеченное в художественную форму.

В своей работе мы использовали вариант эпоса «Алпамыш», записанный от сказителя Фазыла Юлдашева в 1927 г. Этот текст один из двенадцати узбекских вариантов, хранящихся в фольклорном архиве Института языка и литературы Академии наук Узбекской ССР. Эпос содержит богатый этнографический материал о разных сторонах материальной и духовной культуры узбекского народа в далеком прошлом.

В первой части этого произведения нарисована картина передвижения больших групп кочевников, владеющих огромным количеством скота; показано их столкновение с оседлым земледельческим населением. Кочевники выступают в «Алпамыше» под этнонимом «конграды», а оседлое население (в эпосе — «калмыки») называет их узбеками. Как известно, конградское племя является одним из крупных узбекских племен и составляет значительный компонент в этническом составе узбекского народа. В составе узбеков имеется также племя «калмак».

Калмаки, изображенные в «Алпамаше» как народ с оседлой земледельческой культурой, не имеют ничего общего с кочевыми калмыками-ойратами³, неоднократно вторгавшимися в Среднюю Азию в период

¹ См.: сб. «Об эпосе „Алпамыш“», Ташкент, 1958; В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960; А. А. Валитова, Алпамыш, «Краткая литературная энциклопедия», т. I, М., 1962, стр. 163, 164; е е же, Татарская версия эпоса «Алпамыш». В кн.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 173, сл.

² См. В. К. Соколова, Фольклор как историко-этнографический источник, «Сов. этнография», 1960, № 4.

³ Иного взгляда придерживаются В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов и Л. И. Климович, которые считают, что выведение в эпосе калмыков как врагов ге-

позднего средневековья. По-видимому, это название употребляется в эпосе условно для обозначения чужого народа или племени с другим языком и иной верой. Между тем со всей определенностью можно сказать, что калмаки, с которыми сталкиваются конграды, мало похожи и на полукочевое узбекское племя калмак.

В источниках говорится, что в составе пришлых тюркоязычных десяти-кипчакских племен, выступавших в XVI в. под названием узбеков, были и конграды⁴. Упоминаются также и калмаки, которые, по словам автора «Шейбани-намэ» Мухаммед Салиха, присоединились к бухарскому наместнику Баки-тархану во время военных действий против Мухаммеда Шейбани⁵. До прихода кочевых узбеков они еще находились на территории Мавераннахра и, видимо, являются потомками отуреченных монгольских племен. По переписи 1924 г., конграды в бывшей Бухарской Народной республике составляли вторую (после мангитов) по численности группу среди узбеков (85760 чел.), а в Хорезме они были самым крупным племенным объединением (16750 чел.). В долине Байсун-Дарьи (в эпосе место обитания конградов — Байсун-Кунграт-Юрты), их насчитывалось более 3,5 тыс. чел.⁶. О калмаках на территории Бухарского оазиса сообщает нам Ханыков в своем «Описании Бухарского ханства» (1843 г.). Племя калмак в составе узбеков насчитывало в 1924 г. 9 тыс. чел.⁷.

Отдельные исследователи думают, что бухарские конграды являются выходцами из Хорезма. Сами же бухарские конграды считают, что они перекочевали на нынешнюю свою территорию из Хивы «около четырех сот лет тому назад», т. е. как раз во время завоевания Шейбани-хана. Этот взгляд подтверждается также одинаковыми названиями конградских отделов или колен хорезмских и бухарских узбеков. Интересно отметить, что герой эпоса Алпамыш, указывает, что пастбища его племени конград располагались на берегах реки Аму. По сведениям Абулгази, хорезмские конграды кочевали в этом районе еще в XIV в. и были вытеснены в начале XVI в. другими узбекскими племенами (уйгурами, найманами, дурманами). О перемещении конградов с территории Хивинского ханства рассказывают также старики из Хорезма⁸, с которыми беседовали ученые. В. Г. Мошкова предполагает, что кочевые узбеки пришли в «Мавераннахр целыми неделимыми родами»⁹. Это, по ее мнению, важно учитывать при рассмотрении родоплеменных отношений в эпосе «Алпамыш».

Интересно, что число родов (16 уру), упоминаемых в эпосе, совпадает с данными Мухаммед Салиха, который перечисляет 16 племен, участвовавших в походе кочевых узбеков во главе с Шейбани-ханом¹⁰. В их состав входило и конградское племя.

В эпосе есть свидетельства о том, что конграды занимались лишь скотоводством и не были знакомы с земледелием. Рассказывается о десятках тысяч овец, лошадей и верблюдов, которыми владели конграды.

роя поэтически отражает период опустошительного джунгарского нашествия на Среднюю Азию. Речь, однако, идет не о калмыцком народе, а о джунгарских ханах — завоевателях. См. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 38, 114—117, 278—279.

⁴ Р. Г. Мукминова, К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., «Изв. АН УзССР», 1954, № 1, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 76.

⁶ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара — Ташкент, 1926, стр. 187.

⁷ Там же, стр. 211.

⁸ И. В. Сафонова, Узбеки дельты Аму-дарьи, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 331.

⁹ В. Г. Мошкова, Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. II, Ташкент, 1950, стр. 103.

¹⁰ Р. Г. Мукминова, Указ. раб., стр. 74.

Об огромных количествах скота у кочевых узбеков, пришедших в Мавераннахр, говорят и другие источники.

Конграды жили в юртах. Это позволяет отнести их к кочевым народам. Вьючными животными при перекочевках служили верблюды. Абулгази указывает, что узбеки-шейбаниды в XVI—XVII вв., т. е. в тот период, когда они пришли в Хорезм из Дашти-Кипчака (половецких степей) были кочевниками, у которых «нет ни домов, ни городов», они «не живут постоянно на одном месте»¹¹. Конграды вытоптали хлеба на землях оседлых калмаков, приняв их за кормовую траву. Потрава хлебов имела место в истории. Так, по сообщению Мухаммеда Салиха, при покорении Ура-Тюбе войска Шейбани-хана получили приказ брать все, что попадается, и кормить скот зелеными посевами¹².

Анализ исторической обстановки, нарисованной в «Алпамыше», несомненно, поможет решить вопрос о времени появления этого эпоса. Конечно, трудно утверждать, что исследуемый нами узбекский вариант «Алпамыша» появился в XVI или XVII вв. Тем не менее, события, описанные в рассматриваемом варианте или, как иногда его называют, в «конградской версии», позволяют предположить, что речь идет о приходе на территорию Узбекистана последней крупной волны кочевых скотоводческих тюркских народов — узбекских племен из Дашти-Кипчака. В XVI в. после захвата среднеазиатских земель, они расселялись на территории Мавераннахра, Хорезма и Ферганы, где образовали государство шейбанидов. Такое важное историческое событие как образование этого государства не могло не отразиться и в устном народном творчестве. Не случайно «Алпамыш» как крупное эпическое произведение бытует только у тех среднеазиатских народов, в формировании которых немалую роль сыграли кочевники из Дашти-Кипчака.

В эпосе «Алпамыш» большое место занимает описание родоплеменных отношений. Часть узбеков до недавнего времени сохранила свои племенные названия. Узбекские племена и роды описаны в работах Г. Вамбери, Н. А. Аристов, А. Б. Хорошхина, Н. В. Ханькова, А. Д. Гребенкина, И. П. Магидовича и других авторов. Н. В. Ханьков в «Описании Бухарского ханства» привел 97 родовых названий узбеков. В 1924 г. на территории Бухарской Народной Республики было зарегистрировано свыше 150 названий; многие из них делились на более мелкие ветви и подразделения¹³.

Конечно, общество, изображенное в узбекской версии эпоса «Алпамыш», — классовое, феодальное. Среди героев этого произведения имеется и знать, владеющая огромным количеством скота, и трудовой народ; говорится о взимании феодальных налогов («закят»). Однако феодальные отношения выступают в старых патриархально-родовых формах, долго сохранявшихся в условиях кочевого быта.

Приведенные в эпосе сведения о четком членении конградского племени на 16 частей, наличии парной группировки родов (Тартувли-Конград, Канджигали-Конград) можно рассматривать как пережитки дуальной родовой организации. Об этом косвенно свидетельствует и вражда между родными братьями — Байбури и Байсари. Этот мотив перекликается с темой двух братьев-врагов, распространенной в фольклоре почти повсеместно, что по мнению ряда этнографов, тесно связано с дуализмом фратрий¹⁴. По словам Х. Т. Зарифова, в варианте Берди-Бахши признаки дуализма выражены более четко. Племя, о котором идет речь в эпосе, разделено на две части: соответственно членятся надвое территория и богатство племени. Глава племени, имеющий двух сыновей (Байбури

¹¹ Абулгази, Родословное древо тюрков. «Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 5—6, 1905, стр. 175.

¹² Р. Г. Мукминова, Указ. раб., стр. 73.

¹³ «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 174.

¹⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 289.

и Байсари), дает своим соплеменникам следующее наставление: байсунцы не должны жениться на конградских женщинах, а конградцы на байсунских женщинах.

Важным признаком родовой организации в эпосе «Алпамыш» является родовая экзогамия. Бектимир из рода Тартувли женится на сестре Алпамыша Калдыргач, принадлежащей к роду Канджигали. Оба рода входят в состав конградского племени. О наличии первобытно-родовых отношений в «Алпамыше» свидетельствует и то, что члены рода, возглавляемого Байсари, называют друг друга не только родичами (кариндошларим), но и братьями и сестрами. Когда Байсари выдавал свою дочь замуж, он сказал своим соплеменникам (родичам): «Моя дочь — ваша же сестра, трусы!» Пастухи, т. е. рядовые члены рода, называют Барчин — дочь Байсари — своей сестрой, а Алпамыша — будущего мужа Барчин — своим зятем (езнамиз).

В эпосе отражены также такие черты родовой организации, как кровная месть. Так, старуха Сурхайль просит калмакского хана отомстить за гибель ее сыновей, убитых Алпамышем. Когда Тайча-хан в виде выкупа предлагает ей богатство пришлых конградцев, Сурхайль отвечает ему: «Сможешь ли ты заплатить богатством за кровь умерших?»

Вопросы, касающиеся всего рода или отдельных его членов (например, по поводу переселения на калмакские земли, или выдачи замуж дочери главы рода), решались на родовом совете (маслахат), который собирався, видимо, в специальном помещении (мажлисхона). Следует отметить, что роль совета в эпосе незначительна. Это, по-нашему мнению, свидетельствует о разложении родовых отношений, описанных в «Алпамыше».

В дастане представлен патриархальный род. Родство считается по мужской линии; по мужской линии происходит наследование имущества и власти; жена поселяется в роде мужа. Известно, что пережитки патриархального рода сохранились у кочевых и полукочевых среднеазиатских народов до начала XX в. Заметны в эпосе и черты матриархата, отдельные пережитки которого также сохранялись до недавнего времени. Матриархальные институты особенно широко были распространены у народов Средней Азии в домусульманский период. Основываясь на многочисленных источниках, С. П. Толстов пишет: «...как у кочевой, так и у оседлой части населения Средней Азии, на рубеже новой эры и в течение первых веков нашего летоисчисления разнообразные элементы материнскородского уклада были чрезвычайно сильны и вряд ли есть серьезные основания для утверждения, что у какого-либо из народов Средней Азии этой эпохи имело место сколько-нибудь сложившаяся патриархально-родовая организация»¹⁵. Это наложило отпечаток и на последующие периоды, вплоть до позднего феодализма.

Свидетельством и относительно высокого положения женщины у среднеазиатских народов в более позднее время являются ценные данные, имеющиеся в произведениях авторов средневековья. Один из современников Шейбани-хана, автор сочинения «Ахсан-ат-таварих» («Наилучшая из летописей») Хасан бек Румлу отмечает, что женщины у кочевых узбеков пользуются уважением и почетом¹⁶. Женщинам в эпосе «Алпамыш» предоставлены известные права и самостоятельность, воспеваются их смелость, мужество и мудрость.

О силе и мужестве Барчин свидетельствует ее столкновение с калмакским богатырем, которого она кладет на обе лопатки. Героиня эпоса выражает готовность оседлать коня, взять острый булат и пойти на врага. В древней истории народов Средней Азии имеется много таких примеров, когда женщины участвовали в войнах и даже возглавляли

¹⁵ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 330.

¹⁶ Р. Г. Мукминова, О некоторых источниках по истории Узбекистана XVI в., «Труды Ин-та востоковедения АН УзССР», вып. III, 1954, стр. 136.

войска. Барчин высоко ценит свою свободу, поэтому она ставит перед женихом следующие четыре условия: тот батыр может быть ее мужем, чей конь во время байги всех других коней обгонит; кто в лучном состязании, лука не сломив, дальше всех стрелу метнет; кто за тысячу шагов из ружья в теньгу попадет; кто в борьбе на майдане (арене состязаний) всех соперников поборет.

Другой героиней дастана является сестра Алпамыша Калдыргач благородная, умная и рассудительная девушка. Она дает своему брату мудрые советы и воспитывает в нем силу воли и решительность. Так когда Алпамыш, получив письмо от Барчин, не решается сразу ехать к ней, чтобы вырвать ее из рук неприятеля, Калдыргач настаивает, что бы он немедленно отправился в путь. Велика ее роль и в воспитании сына Алпамыша.

Женщины в эпосе выполняют и общественные функции. Например, группа девушек, возглавляемая дочерью калмакского хана Тавка-Оим, собирает пошлину с торговых мест Янги-базара. В связи с этим интересно вспомнить один факт из истории Средней Азии. В известной переписке между согдийской девушкой из Дуньхуанской колонии и ее матерью сообщается, что согдийские женщины из высшего слоя общества были не только грамотными, но и совершали наравне с мужчинами самостоятельные торговые операции¹⁷.

В «Алпамыше» встречаются ценные материалы по истории брачных отношений, в том числе наиболее ранних форм брака. Обряд тайного посещения невесты женихом, описанный в эпосе, является пережитком матриликального брака. Алпамыш старается избежать исполнения этого обычая, однако сорок девушек — прислужниц Барчин — говорят ему: «Посетить невесту тайком — наш старинный обряд. Такой обычай наших отцов и дедов, и ты поступай по примеру прочих». Такой обряд широко бытовал у многих народов. Материалы А. Д. Гребенкина, изучавшего узбеков в прошлом столетии, совпадают с картиной, описанной в «Алпамыше». Исследователь пишет, что у узбеков Зеравшанского округа «муж ходит к жене украдкой, по ночам. Его должна встречать и провожать в саклю жены старуха, близкая родственница жены»¹⁸.

В дастане можно заметить слабые отголоски полиандрии, т. е. многомужества — пережитка поздней формы группового брака. Так, семь братьев-богатырей, сыновей Сурхайля, только услышав о красавице Барчин, мечтают взять ее в жены: «То хочет взять ее один, то хотят взять ее все, чтобы взяв ее в свою среду, стать всем женатыми». Другой факт. Когда девяносто богатырей во главе с Кокальдашем собираются сватать Барчин, Кокальдаш обращается к ним со словами: «Все девяносто пойдем вместе, или возьмет узбекскую девушку (в жены) один из нас, или возьмем все вместе».

Ряд интересных сведений о групповом браке и его деформации у среднеазиатских народов в прошлом, дают нам греческие, китайские и местные источники.

В хронике «Бейши» сообщается, что у гуннов-эфталитов, господствовавших в Средней Азии в V — VI вв. н. э. «братья имеют одну жену»¹⁹. В «Суйшу» тот же обычай приписывается жителям Тохаристана, куда входила почти вся территория Таджикистана и юго-западная часть Узбекистана. Здесь сказано также, что сыновья от общей жены братьев «принадлежат старшему брату»²⁰. Некоторые сведения о пережитках группового брака еще в X. в. в Кашка-Дарьинском и Бухарском районах можно найти в произведениях Наршахи «Тарихи Бухара». Говоря

¹⁷ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 326.

¹⁸ А. Д. Гребенкин, Узбеки, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 68.

¹⁹ И. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, кн. II, ч. III, М. — Л., 1950, стр. 268.

²⁰ Там же, стр. 286.

о последователях Муканны, Наршахи сообщает, что они «жен своих... считают дозволенными для всех мужчин в своей среде»²¹. Пережитки полиандрии сохранялись до последнего столетия у ряда кочевых и полукочевых народов Средней Азии и некоторых сопредельных стран.

Одной из древних форм брака является также широко распространенный до недавнего прошлого у всех среднеазиатских народов, обычай левирата, по которому после смерти старшего брата младший должен жениться на его вдове. Этот обычай также отражен в «Алпамыше», где рассказывается о том, как сводный брат Алпамыша, услышав весть о мнимой смерти брата, пытается, захватив власть, жениться на Барчин.

В Дастане имеется обширный материал, характеризующий архаические представления и мировосприятие у узбеков. В нем встречаются различные мифологические сюжеты: Байчибар — конь Алпамыша, имеющий крылья и умеющий говорить, напоминает небесных коней древних мифов, связанных видимо, с тотемистическими представлениями²². В «Алпамыше» отражены анимистические представления. Герои эпоса верят в то, что душа человека может жить отдельно от тела. Хотя Алпамыш и Барчин находятся в разных странах, их души встречаются друг с другом, пьют вместе вино (шароб) и беседуют, а затем расстаются и снова вселяются в тела, покинутые ими.

Между прочим, извлекают души, сводят их вместе и вселяют обратно так называемые чильтаны — сорок «тайных святых». Судя по исследованиям М. С. Андреева²³ и С. П. Толстова²⁴, чильтаны связаны с традициями тайных союзов первобытных народов.

Уходят своими корнями в глубокую древность и такие широко известные в фольклоре среднеазиатских народов обычаи, описанные в «Алпамыше», как побратимство (дружба между Алпамышем и Карагджаном), усыновление (отношение старого пастуха Култая к Алпамышу).

Таким образом, «Алпамыш» содержит весьма ценные данные по этнографии узбекского народа, истории родоплеменных и семейно-брачных отношений, отражает пережитки матриархата и ряд других обрядов и обычаев. Этот прекрасный памятник народного творчества, несомненно, заслуживает большого внимания не только со стороны фольклористов, но и этнографов и историков.

²¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 321.

²² С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 303.

²³ М. С. Андреев, Чильтаны в среднеазиатских верованиях, сб. «В. В. Бартольд, Туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.

²⁴ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 311.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. И. Гаген-Торн

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

(У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ)

В двадцатые годы посещение лекций в Ленинградском университете было свободным; лекции особо популярных профессоров, таких как Тарле, Карсавин, посещали и студенты других факультетов. Иногда историки ходили на биологический факультет слушать проф. Ухтомского. С разных факультетов были студенты и в аудитории Л. Я. Штернберга. Я училась на экономическом отделении факультета общественных наук. Простудировав в семинаре «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, ознакомившись с Морганом, я решила, что мне надо прослушать курс введения в этнографию. Читал его на восточном факультете Л. Я. Штернберг. Найдя аудиторию, я вошла. Аудитория была полна, студенты сидели, шумно переговариваясь. Смолкли, когда на кафедру взошел профессор.

Худой, как бы обугленный внутренним горением, старик разложил кипы исписанных карточек и поднял глаза на аудиторию. Темные, горячие глаза минуту пристально смотрели на нас сквозь очки. Потом он начал говорить: «Многие совершенно не представляют себе, что без этнографии, без ее данных, классификации и обобщений, нет и не может быть науки о человечестве и его культуре в пространстве и времени. Проще говоря, невозможна ни наука, которая именуется историей, ни такая дисциплина, как социология...»¹. «Величайшая заслуга этнографии в том, именно, что она впервые установила конкретное представление о человечестве в целом. Это она, если можно так выразиться, впервые сделала перекличку всех народов планеты...»². Он наклонился к своей картотеке, чтобы привести цитаты, подтверждающие его мысль. Покашливая, он перебирал листочки, а затем зачитывал их, близко поднося карточки к очкам. Он не был оратором. Слегка заикался. Слушать его было нелегко, записывать еще труднее.

Я удивилась: что привело сюда всех этих студентов? Почему они так внимательно слушали напряженную и деловитую речь Штернберга? И поняла: не академическая лекция, а дело всей жизни этого человека разворачивалось перед нами. В этнографию он вкладывал всю свою волю и страсть. Это ощущалось всеми и не могло не зажигать. Он говорил: «Мое глубокое убеждение, что этнография, как важнейшая гума-

¹ Л. Я. Штернберг, Этнография как наука и как предмет преподавания, Ленинградское отделение архива АН СССР (далее ЛО ААН), ф. 282, оп. 1, ед. хр. 15, стр. 1.

² Там же, стр. 3.

нительная дисциплина, должна получить самый широкий доступ не только на соответствующих факультетах высших учебных заведений, но, в известных пределах, и в трудовых школах»³. Непокосимость убеждения заставляла слушать.

Этнография в его понимании — это изучение творчества человека. Воспитание человека-творца необходимо начинать со школьной скамьи, с момента зарождения в подростке общественного сознания. Он доказывал это в своих лекциях преподавателям средней школы, студентам в университете, всем, кто хотел его слушать. Работая в Музее, собирая коллекции, налаживая международные связи ученых, читая лекции и доклады, он служил науке во имя правды и человечности. Науку он считал носительницей истины, ведущей к счастью людей.

«Изучая процессы творчества на самых низших стадиях культуры, этнография пришла к несомненному заключению, что процесс и интенсивность творчества, по природе своей, тождественны на всех стадиях. Различие сводится лишь к количеству накопленного опыта, в зависимости от географических и историко-социальных условий...»⁴.

«Все народы одинаково способны к творчеству культуры, и близко то время, когда человечество станет единым, не только как единый физический коллектив, но и как единый коллектив культуры»⁵, — писал он.

Ему необходимо было доказать: изучение примитивных народов открывает ценности, которые они несут в культуру человечества. «Этнография выполняет великую задачу восстановления единого человечества, которое до нее, в руках истории, ограничивалось лишь группой избранных народов, народов с историческими памятниками»⁶. Чтобы строить новый мир — надо знать прошлое, поднять огромные материалы, доказывающие единство человеческой культуры, развивающейся в многообразии явлений, в зависимости от географических и социальных условий, но идущей вперед, к единому, справедливому и счастливому человечеству. Он стремился убедить в этом своих слушателей, и нельзя было не поверить ему, так глубока была его убежденность.

Но ему мало было одной только веры, он требовал, чтобы она вела к разумно доказанному наукой благу человечества.

Перед нами был не профессор высшего учебного заведения, обучающий студентов предмету, не оратор, а проповедник истины, объясняющий законы развития культуры. «Главный урок, которому учит этнография, это то, что ни к одному воззрению в человеческом обществе не нужно относиться, как к чему-то постоянному, неизменному. Этнография заставляет относиться критически ко всем явлениям общественной жизни, заставляет видеть преемственность этих явлений и уже в силу этого этнограф является врагом всякого консерватизма»⁷. Потоком шли мысли, захватывая слушателей.

Но прежде чем говорить о научной концепции Льва Яковлевича Штернберга, следует представить себе, как он пришел к ней.

В 1881 г. в Петербургском университете появился приехавший из Житомира еврейский юноша. Он поступил на физико-математический факультет. Юноша был горяч, талантлив, исполнен жажды деятельности, орудием которой он считал науку: он хотел превратить страну насилия и несправедливости, произвола и унижения всех народов в царство разума и справедливости. Путь к этому шел через революцию. Штернберг стал посещать революционные кружки. За «студенческие беспорядки» его выслали на родину.

³ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 4.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 6.

⁶ Л. Я. Штернберг, Введение в этнографию. Предмет и содержание, ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 21, стр. 14.

⁷ Там же, стр. 33.

Через год ему удалось поступить в Одесский университет на юридический факультет, знание юриспруденции, казалось ему, давало оружие в борьбе за правду.

В Одессе восстановились связи Льва Штернберга с революционными кружками. Он стал организатором Екатеринославского съезда «Народной воли». Отдаваясь революционной работе, он в то же время продолжал усиленно заниматься наукой.

В апреле 1886 г., в разгар государственных экзаменов, его арестовали. Три года одиночного заключения в Центральной одесской тюрьме. Потом — ссылка на 10 лет на о. Сахалин. Везли через Индийский океан, этапом, в трюме корабля, вместе с уголовниками.

Наконец, корабль прибыл в пост Александровск — сахалинскую столицу. Катерга на Сахалине считалась самой тяжелой: люди были отданы на полный произвол начальства. Жестокость и тупость растаптывали людей. Штернберг пытался как-то защитить товарищей. Тогда его изолировали — в 1890 г. выслали из Александровска на уединенный кордон Виахту.

Здесь он жил в полном одиночестве. В казарме кордона, за перегородкой находились три стражника, следящих за ссыльнопоселенцами. За окнами — гористая тайга, сопки, снег. Мимо кордона идут люди из селения в селение: гиляки, тунгусы, русские поселенцы. Заходят на кордон погреться. Они — еще более подневольны и беспомощны, чем Штернберг: у него есть знания, есть воля, чтобы защитить свои права, умение бороться. Он сознательно выбрал в жизни свой путь. Лев Яковлевич не мог не встать на сторону местных жителей, не заинтересоваться их жизнью: горячий и сильный человек должен был почувствовать себя их другом и защитником.

Чтобы понять местных жителей, в частности гиляков, надо было выучить их язык, неведомый не только ему, но почти никому из европейцев. «Очень скоро мне пришлось убедиться, что без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени и особенно психические стороны ее останутся для меня сокрытыми»⁸, — писал он. Процесс освоения не изученного никем языка оказался трудным: понадобилось самому найти ключ к структуре языка, продумать грамматические формы, передающие строй мышления этого племени.

Одинокий, заброшенный в глушь человек почувствовал себя сильным, а жизнь — полной и целеустремленной потому, что сумел насытить умственный голод. Научился обобщать в наблюдениях то, о чем читал раньше. Так, еще с юных лет он интересовался социальными вопросами, изучал книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». На Сахалине же, в полном отрыве от книг, он смог проверить свои мысли на впечатлениях увиденного. Он нашел в гиляцком обществе подтверждение классификационной системы родства, о которой писал Энгельс. В ссылке он написал и свою первую научную статью, посвященную формам брака и семьи у гиляков.

Во время ссылки на Дальнем Востоке Лев Яковлевич, продолжая бороться за справедливость, публиковал в местной печати статьи, в которых рассказывал о тяжелом положении населения, русского и «инородческого». Но главное, — он изучал тех, на которых до него никто не обращал внимания, считая их «дикарями».

Он самостоятельно пришел к выводу о том, что надо включить наблюдения за местными племенами в систему науки об истории человечества.

«Наука о культуре по самому существу своему — едина. Она должна охватить творчество всего человечества, во всем его объеме и во вре-

⁸ Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, т. I, СПб, 1908, стр. VIII.

мени и в пространстве; иначе говоря, она должна охватить культуру всех народов земли, от самых ранних периодов до настоящего времени»⁹, — говорил он много позднее, читая курс лекций в университете.

Но и на начальном этапе изучения местных племен Сахалина, он думал о них, как о части человечества, усматривал в их жизни закономерность истории, пройденной всеми народами Земли. Начав с проверки схемы Энгельса, построенной для изучения человечества в целом, он от дедукции перешел к индукции.

Стремление включить увиденное в единую человеческую культуру, найти место каждому факту на пути развития человечества стало краеугольным камнем всей его научной концепции.

После окончания ссылки Л. Я. Штернберг был приглашен В. В. Радловым в Петербург в Музей этнографии Академии наук в качестве старшего этнографа. При музее Штернберг организовал курсы для учителей средней школы (1904—1914 гг.), стремясь показать необходимость знания этнографии для воспитания молодежи.

В первой лекции учителям Штернберг дал такое определение этнографии: «Это наука о человечестве, как о едином. Наука об эволюции его духовного творчества. Эта наука до сих пор игнорировалась». Он убеждал учителей: «Подумайте сами, что за преступный абсурд игнорировать в настоящее время, когда метод эволюции проникает во все науки, игнорировать этот метод только в одной области, трактующей о человеке, о человеческой культуре»¹⁰.

Слово «эволюция» он понимал в том значении, в каком его употребляют в биологии: это закономерность изменчивости явлений. Эволюция противопоставляется неподвижности, неизменности, но не исключает революционных скачков в процессе изменений. Исследовать эволюцию для Штернберга, как и для биологов, означает: искать закономерности процесса изменения. История изучает лишь «избранные исторические народы», а поэтому и не может показать нам общие закономерности развития человечества. Этнография же изучает человечество в целом, не забывая его единства. В записке о преподавании этнографии он говорит о ее задачах: «Если считать, что она должна описать группы народностей, то это еще не будет наука. Это прикладные знания, сумма описаний, ничем не связанных. Предмет науки — культура, равная сумме культурных явлений, как в естественных науках: выделяют из огромной массы разнородных фактов однородные и создают классификацию, так и тут»¹¹. Классификация явлений нужна для объяснения развития человечества. Идею его единства необходимо воспитывать в людях с детства. Этот тезис он старается доказать своим слушателям-учителям; позднее, читая университетский курс, Штернберг формулирует: «Этнография приводит нас к тому заключению, что человеческая психика в своем творчестве едина, как един ее творец — человечество в целом. Все различия в культуре — результат не психических различий, а различий в географических и исторических условиях»¹². Чтобы понять общий процесс развития, следует изучать конкретные народности. А чтобы разобраться в географических условиях, этнограф должен быть знаком с достижениями естественных наук, так как между человеком и ландшафтом, в котором он обитает, существует теснейшая связь. Ландшафт влияет на человека, на особенности его культуры, но и человек влияет на ландшафт, изменяет его. Это взаимодействие понимали все великие русские путешественники; занимаясь географическими открытиями, они не за-

⁹ Л. Я. Штернберг, Введение в этнографию, стр. 4.

¹⁰ Л. Я. Штернберг, Заметка о необходимости преподавания этнографии и антропологии, ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 46.

¹¹ Там же.

¹² Л. Я. Штернберг, Введение в этнографию, стр. 15.

бывали с человеке. В составе Географического общества имелось особое этнографическое отделение, но экспедиции Географического общества изучали географическую среду и человека в комплексе.

В первое десятилетие XX в. ученые все яснее понимали, что необходимо исследовать всю Россию, включая ее отдаленные, неизученные окраины. Однако исследователей не хватало. Прогрессивная группа ученых считала необходимым наладить географическое образование, чтобы подготовить специалистов-географов. Это были не кабинетные ученые, а путешественники, интересовавшиеся всем встречаемым на своем пути, считавшие насущным делом географии изучение земли и человека в их взаимодействии.

Ярким примером такого подхода к науке служит деятельность видных членов Географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского и Л. С. Берга. С самого начала своей научной деятельности Берг, кроме своей непосредственной специальности — ихтиологии, интересовался географией, включая географию человека. В 1899—1903 гг., работая в Средней Азии, Л. С. Берг общался с местным населением, изучил казахский язык. Он писал статьи в газетах, желая привлечь внимание общественности к положению населения. В своей фундаментальной работе «Аральское море» (докторской диссертации) он считал нужным осветить жизнь русского и казахского населения края. Л. С. Берг не только записывал свои полевые наблюдения о людях, но и публиковал специальные статьи по этнографии. В воспоминаниях о П. П. Семенове-Тян-Шанском Берг особо подчеркивал, как важную для путешественника черту, его умение сблизиться с населением, его гуманизм. В 1910-е годы группа ученых объединилась, добиваясь у правительства открытия высшего учебного заведения, посвященного страноведению и дающего широкое географическое образование. Л. Я. Штернберг вошел в их число.

С большим трудом этой группе ученых удалось открыть Высшие географические курсы, где было введено и преподавание этнографии. После Великой Октябрьской социалистической революции они были преобразованы в Географический институт. 8 декабря 1918 г. нарком просвещения А. В. Луначарский подписал указ об организации в Петербурге Географического института, состоящего из двух факультетов: общегеографического и этнографического. Занятия начались с осени 1919 г. Первым ректором института был И. Р. Лукашевич, ученым секретарем — Р. Ю. Гутман. С 1920 г. ректором стал академик А. Е. Ферсман, ученым секретарем — проф. А. А. Григорьев. В создании института и в его развитии принимала самое деятельное участие та же группа ученых, которая раньше добилась организации Высших географических курсов. В нее входили геологи А. Е. Ферсман, Я. С. Эдельштейн, биологи Н. М. Книпович, И. Р. Лукашевич, Л. С. Берг, этнографы Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз.

Л. Я. Штернберг, один из основателей Высших географических курсов, стал бессменным деканом этнографического факультета, на котором он сумел собрать и объединить лучшие этнографические силы. Он разработал проект программы обучения, отвечающий его взглядам на задачи этнографии. Этнограф должен быть прежде всего широко образованным человеком. Ему необходимы знания натуралиста, психолога, экономиста и лингвиста. Необходимы также и технические знания, обязательные для путешественника — умение сделать глазомерную съемку, произвести нужные измерения, вычертить карту, зарисовать и сфотографировать объект. Для усвоения всех этих навыков в программу этнографического факультета на первом курсе был включен ряд специальных предметов. Вначале первый курс был общим для географов и этнографов. С 1920 г. для этнографов была исключена из учебной программы математика, а вместо нее введены необязательные для географов психология и общая история культуры, которую читал проф. Кареев.

В архиве Л. Я. Штернберга есть следующий первоначальный набросок программы этнографического факультета¹³. Общие теоретические предметы: 1) этнография — общий обзор племен и народов земного шара, классификация этнических групп в расовом, лингвистическом и культурном отношении; 2) соматическая антропология — учение о физических особенностях; 3) палеоэтнология — учение о доисторических культурах разных народов; 4) введение в этнографию (этнологию); 5) общий курс этнографии, распадающийся на частные курсы: а) материальной культуры, б) эволюции социальной культуры, в) эволюции верований, г) первобытного искусства, д) учения о фольклорных циклах, е) истории этнографии, ж) музееведения. Альтернативный курс по истории среднеземноморских народов.

Вспомогательные науки: введение в географию, экономическая география, геология, введение в биологию, топография, статистика.

Курсы по циклам (по выбору): 1) славянские народы СССР, 2) финны, 3) монгольские народы, 4) тюрки, 5) тунгусы, 6) палеоазиаты, 7) кавказские (яфетические) народы. На каждом цикле проходят соответствующий язык, историю, историю культуры, экономическую географию и политическую структуру (данной группы народов).

Студент должен получить исследовательские навыки в поле. Обязательно два летних месяца заниматься преподавательской работой у избранного народа. По возвращении с работы представлять отчет и доклад, обсуждаемый на семинаре.

В дальнейшем программа уточнялась, одни предметы заменялись другими, было распределено преподавание предметов по курсам. Мы не будем останавливаться на всех этих подробностях: первоначальный набросок достаточно ярко показывает, каких специалистов должен был готовить институт. Настоящим этнографом может стать только человек, длительное время живущий среди изучаемого им народа, говорящий на его языке, умеющий помочь этому народу. Еще студентом он должен приобрести эрудицию ученого и инициативу практического работника в области культуры. Поэтому в институте на всех курсах был введен летний триместр, посвященный полевой практике.

В налаживании практики, в организации студенческих экспедиций, направленных в отдаленные уголки страны, большая роль принадлежит В. Г. Богоразу.

Владимир Германович Богораз, бывший народоволец, как и Л. Я. Штернберг, участвовал в подготовке Екатеринославского съезда «Народной воли». Он был арестован по одному делу со Штернбергом, и после пребывания в тюрьме отправлен в ссылку на Колыму. В ссылке В. Г. Богораз начал изучать местное население, а в дальнейшем стал этнографом. В архиве В. Г. Богоразы есть очень живо и увлекательно написанная им автобиография. В ней он подробно рассказывает о своих студенческих годах, об участии в революционном движении, о жизни в коммуне ссыльных, созданной на Колыме. Им напечатаны «Колымские рассказы», посвященные этой эпохе. В автобиографии он, в частности, пишет: «Я привез (из ссылки, — Н. И. Г.-Т.) в Петербург, кроме научного, еще литературный груз: стихи, рассказы, очерки, целые романы и еще такую неугасшую жажду: Дайте додраться! Додрасться с начальством, разумеется»¹⁴.

Он дрался в печати: стал журналистом, ездил по России, печатался во многих газетах и журналах. Его научный труд — монография по чукчам, написанная на английском языке и состоящая из трех томов, была напечатана в Америке. Он участвовал в Тихоокеанской экспедиции вместе с американскими учеными. Стал другом американского этнографа Боаса.

¹³ ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 18.

¹⁴ В. Г. Богораз, Автобиография, ЛО ААН, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 168, стр. 13.

Лишь после революции В. Г. Богораз начал активную деятельность в русской этнографии. Л. Я. Штернберг привлек его к участию в работе Географического института. Архив В. Г. Богораз полон бумагами, отражающими его очень нелегкую в те времена научно-организационную деятельность. Тут ходатайства и требования, направленные в разное время во все возможные инстанции, от обращения к наркому просвещения А. В. Луначарскому до просьбы к бывшему дворцовому ведомству: выдать на нужды студенческих экспедиций красные фраки дворцовых ливрейных лакеев. И он был очень доволен, когда получил эти фраки. Они были розданы уезжавшим в экспедиции студентам в качестве обменного и дарственного фонда. На севере в те годы красное сукно, необходимое для отделки национальной одежды, было дефицитным товаром; нарезанный на полоски красный фрак, как и его золоченые пуговицы, представлял серьезную ценность.

В. Г. Богораз входил в аудиторию грузный, тучный, волоча за собой большой полосатый мешок вместо портфеля. Ставил мешок на пол. Плотнo усевшись на стул, начинал беседу с аудиторией. «Имейте в виду,—предупреждал он на одной из первых лекций,—этнографом может стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам. А? Как вы смотрите на это дело? Почему скормить, спрашиваете? Потому, что узнать и изучать народ можно, только если живешь одной жизнью с этими людьми. А у них вошь довольно распространенное животное. Претендовать на удобство или даже гигиену этнограф, во время полевой работы, не имеет права».

Голубые глаза его задорно сверкали. Он вел лекцию-беседу, перемежая научные выводы рассказами, от которых аудитория разражалась громким смехом. Владимир Германович, очень довольный впечатлением, откидывался на стуле. Иногда, достав из мешка французскую булку, тут же принимался жевать ее, не заботясь о том, какое это произведет впечатление.

Богораз любил афоризмы: на семинаре, предлагая сделать доклад, он говорил: «Не забывайте, что нельзя рассчитывать на память, она подменяет факты. Каждый факт имеет законные 25% лжи. Но старайтесь, чтобы не больше... В основе — всегда лежит истина; просто потому, что у человека не хватает фантазии все выдумать. В основе он берет правду, а дальше прибавляет. Дело этнографа суметь расслоить правду и ложь в изучаемых фактах». Не раз он отмечал: «Каждый этнограф должен быть хоть немного художником, иначе он не поймет чужую культуру».

В. Г. Богораз был подвижен и экспансивен, как в молодости. Вспоминается такой случай: несколько наших студентов-этнографов сели в трамвай у университета. Когда трамвай уже отправился, мы заметили, как из Музея антропологии и этнографии, выбежал Богораз. Он побежал за трамваем, на повороте, у Дворцового моста, нагнал его, на ходу вскочил на площадку. Увидев нас, он весело подмигнул нам и сказал: «В каюры еще гожусь». Было ему в то время порядочно — за шестьдесят.

Он проявлял неукротимую энергию не только догоняя трамвай, но и организуя экспедиции, хлопоча о снабжении факультета, об издании студенческих научных сборников. Он сохранял живую связь с северянами, входил в Комитет Севера, был организатором Института народов Севера.

* * *

Географический институт с первого года существования ставил перед собой не только учебные задачи, но также задачи просветительного характера. При институте была создана Ученая коллегия, содействовавшая его научной и просветительной деятельности. Члены ее избирались

из состава профессоров и преподавателей сроком на три года. После трех лет одна треть членов, по жребии, выбывала из членов коллегии и на их место избирались новые лица. Коллегия пользовалась правом привлекать в свой состав выдающихся деятелей науки, не работавших в институте. Членами Коллегии по должности были директор, деканы обоих факультетов и ученый секретарь института¹⁵.

Институт издавал ученые труды и информационные бюллетени, устраивал выставки студенческих работ. Во всей его деятельности студенты принимали самое активное участие: они имели своих представителей в Ученом совете, совете факультета, предметных комиссиях, участвовали в разработке планов, имели широкое самоуправление. При институте существовал Географический клуб, где выступали с докладами и профессора, и студенты. Регулярно печатались сборники студенческих статей и отчеты о студенческих экспедициях.

Студенты-этнографы уже в 1921 г. приняли участие в работах Северной научной промысловой экспедиции. Был создан Печорский этнографический отряд, в котором работали студенты. В. Я. Вецаккин, Д. Д. и Н. Д. Травины, Э. А. Дылевский¹⁶. В Обдорском отряде этой же экспедиции работал студент Г. Н. Прокофьев¹⁷.

В 1922 и 1923 гг. профессору Богоразу удалось получить денежную субсидию Наркомпроса для организации практики студентов в дальних районах Союза. Поехало около 80 человек. Впервые этнографическое обследование многих районов велось по единой программе и единым методом.

В 1925 г. Географический институт был включен в Ленинградский университет в качестве Географического факультета с двумя отделениями: общегеографическим и этнографическим. На этнографическом отделении уменьшили число вспомогательных дисциплин и ввели большую специализацию по циклам, охватывающим группы народов.

Во главе каждого цикла стали крупные ученые. Академик А. Н. Самойлович возглавлял цикл тюркоязычных народов. Циклом народов Севера занимался В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг вел общие курсы: «Введение в этнографию», «Духовная культура», «Социальный строй». Угро-финским циклом руководил проф. Д. Н. Бубрих, кавказским — проф. А. Н. Генко. Для руководства восточнославянским циклом был приглашен из Харькова проф. Д. К. Зеленин.

У этого ученого был иной метод преподавания, чем у Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораз. Нас, студентов-этнографов, привыкших на лекциях к неофициальному, дружескому общению с профессорами, поначалу удивил академический тон Зеленина. Дмитрий Константинович был корректен, подтянут и требователен. Он приучал студентов к самостоятельной работе над архивными источниками и вскоре счел необходимым перенести центр тяжести на семинарские занятия, раздав каждому самостоятельные темы. Студентам предоставлялась полная свобода для научного анализа и в то же время постоянно чувствовался внимательный, оценивающий взгляд руководителя. Основная черта Д. К. Зеленина, как ученого и преподавателя, — уважение к чужой точке зрения. Он воспитывал у студентов умение мыслить самостоятельно, предоставляя им право не соглашаться с его концепцией, отстаивать свою точку зрения. «Различные взгляды необходимы для развития науки», — постоянно подчеркивал Д. К. Зеленин.

¹⁵ «Положение об Ученой коллегии», Центральный Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, ф. 2525, оп. 1, ед. хр. 258.

¹⁶ Коллекции по Усть-Цельме, собранные Д. Д. Травиним, были присланы в Ленинград и находятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР и в Музее этнографии народов СССР.

¹⁷ «Бюллетень Географического института», № 5—6, сентябрь — октябрь 1921 г., Пг., 1922, стр. 6—7.

Воспитанник Юрьевского (ныне Тарту) университета, Д. К. Зеленин прошел хорошую академическую школу лингвиста, но стал этнографом очень широкого профиля, изучая на местах жизнь восточных славян во всех районах нашей страны.

Надо сказать, что всех, очень разных профессоров Географического факультета объединяли интерес к окружающей жизни, стремление найти закономерность в развитии народной культуры, сделать обобщения из наблюдений.

В юношеских дневниках Д. К. Зеленина есть интересная запись: «Мне нравится,— писал он,— в науках и где угодно — только одно жизненное. Нужно влиять своими трудами на жизнь людей, общество... еще Писарев ядовито смеялся над историками своего времени, которые изучали людей, нравы и дух времени по мертвым архивам прошлого. Отвлеченная наука всегда будет иллюзией, утопией. Главное внимание надо обратить на жизнь людей»¹⁸.

Юношеский интерес к наблюдению жизни людей превратился у взрослого, сложившегося ученого в четкий научный метод.

Во введении к своей магистерской диссертации Д. К. Зеленин писал: «Мы считаем более надежным исходить от современной картины, от той группировки населения, которая нам хорошо известна по непосредственному наблюдению; эту современную картину мы стремимся осветить историческими данными и в своих розысканиях идем от настоящего к прошлому, пытаемся, так сказать, раком в глубь истории»¹⁹.

Ретроспективным методом пользовались в своих исследованиях и Д. К. Зеленин, и Л. Я. Штернберг, и В. Г. Богораз.

Все они считали, что задача этнографа — восстановить процесс формирования культуры определенной этнической группы.

Л. Я. Штернберг стремился доказать единство человеческого мышления, несмотря на все многообразие его проявлений. «Какая идея, во все времена и в настоящий момент в особенности, более важна для общего сознания, чем идея единого человечества, равноправия и братства народов?» — писал он²⁰.

Через сорок лет после смерти Штернберга эта мысль не только не утратила актуальности, но стала еще значительнее для целей служения человечеству и создания единой культуры Земли. Его научные исследования были направлены на обоснование этических истин, понимание которых необходимо для борьбы за свободу и равноправие всего человечества. Он считал, что исследование культуры какой-либо народности должно помочь этой культуре, этой народности включиться в единое человечество, установить свое место в ряду единого человеческого развития. Этнограф для Л. Я. Штернберга — не кабинетный ученый, а исследователь жизни, борец за лучшее будущее изучаемого народа. Очень кратко и точно отражены эти воззрения и сохранившихся в архиве шуточных заповедях этнографа. Приведем их целиком.

Десять заповедей этнографа

1. Этнография — венец всех гуманитарных наук, ибо она изучает все-сторонне все народы, все человечество в его прошлом и настоящем.

2. Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной.

¹⁸ Д. К. Зеленин, Дневники 1899, ЛО ААН, Л., ф. 849, оп. 2, ед. хр. 2.

¹⁹ Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных, СПб., 1913, стр. 4.

²⁰ Л. Я. Штернберг, Этнография и социальная этика (речь на годовом собрании Географического института), ЛОА АН, Л., ф. 282, оп. 1, ед. хр. 28.

3. Не профанируй науки, не оскверняй этнографии карьеризмом: настоящим этнографом может быть только тот, кто питает энтузиазм к науке, любовь к человечеству и к человеку.

4. Шесть дней работай, а седьмой — подводи итоги. Помни свой долг перед общественностью и наукой.

5. Почитай великих предшественников, учителей в научной и общественной жизни, дабы и тебя чтили по заслугам твоим.

6. Не убивай науки фальсификацией фактов, поверхностными, неточными наблюдениями, скороспелыми выводами.

7. Не изменяй раз избранной специальности — этнографии. Кто раз вступил на путь этнографии, не должен сойти с него.

8. Не чини плагиаты.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего, на другие народы, на их характер, обряды, обычаи, нравы и т. д. Люби ближнего больше самого себя.

10. Не навязывай насильно исследуемому народу своей культуры: подходи к нему бережно и осторожно, с любовью и вниманием, на какой бы ступени культуры он ни стоял, и он сам будет стремиться подняться до уровня высших культур²¹.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции требовались люди, знакомые с бытом народностей, населяющих Советский Союз.

Нужны были специалисты-этнографы, умеющие разобраться в сложных национальных и родовых отношениях и практически приспособленные к работе в трудных условиях. Подготовка таких специалистов стала одной из важнейших задач Отделения этнографии. В годовом отчете Географического института за 1923/24 г., так определялись требования, предъявляемые к студентам: надо, чтобы каждый оканчивающий мог стать практическим работником, обладающим достаточным умением, чтобы разбираться в определенном круге явлений²². Многие молодые этнографы, оканчивая институт, по призыву Комитета Севера уезжали работать в самые глухие и далекие окраины, становились преподавателями национальных школ. Теоретическая научная работа их базировалась на длительном изучении жизни народа и практической помощи ему. Приведу примеры.

Г. Н. Прокофьев с 1925 по 1928 г. заведовал школой в поселке Янов Стан у селькупов Туруханского края, изучил их язык и разработал грамматику. Е. Д. Прокофьева в эти же годы работала учительницей в той же школе.

Г. М. Василевич в 1925 г. поехала к тунгусам (эвенкам) в верховья Подкаменной Тунгуски и Нижней Тунгуски. В 1926—1927 гг. она совершила поездку по тому же району, а также по притокам Ангары. Она создала грамматику эвенкийского языка, учебники для национальных школ, обследовала почти все районы расселения эвенков. В общей сложности Г. М. Василевич провела шесть лет в экспедициях. Практическая работа сочеталась у нее с глубоким теоретическим анализом культуры эвенков, изучению которых она посвятила всю жизнь.

В. И. Цинциус и К. М. Мыльников в 1926—1927 гг. работали у негидальцев по р. Амгуни, в 1929 г. у негидальцев и гиляков (нивхов) в устье Амгуни, они исследовали языки этих народов и их культуру. В. И. Цинциус создала грамматику изученного языка, а также написала учебник для начальной школы. Позднее она стала также лингвистом-теоретиком.

²¹ ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 125.

²² «Объяснительная записка к проекту учебного плана этнографического факультета Географического института», ЛО ААН, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 167.

Л. Д. Ришес в 1927—1928 гг. проходила практику в подотделе Райисполкома в Хабаровске, потом учительствовала в национальной школе поселка Арки около Охотска, все время работая над языком и письменностью эвенков.

А. С. Форштейн с 1926 по 1929 гг. работал на Чукотке, где занимался организацией школы. Он объехал поселки азиатских эскимосов, изучил их язык, был принят в род. В 1930—1931 гг. Форштейн жил на Шелакском мысу, 1931—1932 гг. — в низовьях Колымы. Все это время он вел как теоретическую, так и практическую просветительную работу.

К. М. Мыльникова с 1930 по 1933 г. жила на Чукотке, занимаясь этнографией и работая в национальной школе.

С. Н. Стебницкий в 1928 г. объехал почти весь корякский национальный округ и Камчатку. Целью его поездки было создание национальных школ.

Студенты географического факультета приняли участие в переписи северных окраин, проведенной в 1926—1927 гг. Эта перепись, предпринятая Центральным статистическим управлением, имела огромное значение для освоения Севера. Дальние районы Советского Союза в те годы почти еще не были обследованы. Проведение переписи на Севере требовало большой подготовительной работы. Статистические карточки обычного типа были совершенно непригодны для Севера. Статистическое Управление Дальневосточного края должно было разработать особую методику обследования и составить новые статистические карточки. О степени трудности этой предварительной работы можно судить по статье А. Батурина, в которой он пишет: «Нам неизвестны размеры территории всей окраины; так как у нас нет пока еще точной и полной съемки; мы не знаем количества населения страны, так как последняя перепись была здесь около тридцати лет тому назад. Мы не знаем о количестве скота и, в частности, неведомо нам оленеводство; мы не знаем объема современного земледелия и пр. и пр.»²³.

К подготовительной работе по проведению переписи были привлечены знатоки края. В разработке переписных бланков принял участие известнейший исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев, один из первых учеников Л. Я. Штернберга, сохранявший с ним постоянную и тесную связь. Он написал краткую, но очень содержательную статью «Тазы и удэхэ»²⁴, которая оказалась необычайно полезной при практическом обследовании населения.

Изучение края требовало переписи малых народностей Северо-Востока. Требовало серьезной и продуманной программы: необходим был анализ хозяйства, промыслов и условий жизни населения. Нужны были регистраторы, которые не побоялись бы проехать сотни километров на собаках зимой и в лодках летом, которые могли бы заслужить доверие опрашиваемых, понять бы местных жителей. Словом, нужны были исследователи-этнографы. Целая группа студентов, окончивших географический факультет отправилась на Дальний Восток, чтобы принять участие в организационной работе и в переписи 1926 г. Они взяли на себя весь Камчатский полуостров.

К. И. Бауэрман выехал на собаках из Гижиги 25 октября 1926 г. По берегу Пенжинской губы, с целью объезда кочевого населения Пенжинского района. Ехать пришлось без дорог, задерживаясь в пути из-за метелей. Он работал до 27 июня 1927 г., проехав во время обследования 3600 км.

Е. П. Орлова обследовала южную часть Тигильского и северную часть Большерецкого районов. Она начала свой путь верхом на лошади от се-

²³ А. Б а т у р и н, К переписи на Камчатке, «Дальневосточное Статистическое управление. Статистический бюллетень», 1926, № 1, стр. 12.

²⁴ Там же, стр. 20—26.

ления Тигиль в сентябре 1926 г. Когда установился санный путь, Орлова использовала в качестве транспорта собачьи упряжки. Проведя перепись ительменских селений, она закончила работу в апреле 1927 г. Общий путь ее составил 2800 км.

К. Н. Шавров поехал в северную часть Камчатского полуострова с целью обследования ительменов и кочевых коряков. Он выехал в октябре верхом на лошади, а зимой продолжил путь на собаках. Всего он проехал 3500 км.

Ф. М. Физик начал обследование с бухты Корфа в сентябре 1926 г. и работал до апреля 1927 г., покрыв расстояние около 3500 км. Наибольшие трудности представляло обследование кочевых чукчей Пахачинского района²⁵. Печатая итоги переписи, Статистический отдел Дальневосточного края указывал на труднодоступность районов и необходимость специальной подготовки регистраторов. Во время этой практической работы молодые исследователи изучали язык и быт исследуемых народов.

В эти же годы на Дальнем Востоке, кроме участников переписи, работали ленинградские этнографы Ю. А. Крейнович и П. Молл. Крейнович выехал на Сахалин в мае 1926 г. и пробыл там до августа 1928 г., работая инструктором в секретариате Сахалинского Окр. Ревкома, а потом учителем в национальной школе. Одновременно он вел этнографическое обследование гиляков Охотского побережья Сахалина, проходя по тем же местам, где в 1890—1892 гг. начал свою работу его учитель Л. Я. Штернберг.

В результате работы молодых этнографов пополнились коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР. Были изданы сборники студенческих работ под редакцией Л. Я. Штернберга («Материалы по семейному строю народов СССР», Л., 1926 г., вып. 1) и В. Г. Богораза («Старый и новый быт», «Обновленная деревня», «Комсомол в деревне»).

Сочетание практической работы и теоретических исследований было основным тезисом школы Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. Шутливые «десять заповедей этнографа» выражали, в сущности, глубокое credo ленинградской этнографической школы: неотделимость теоретических изысканий науки от их общественного значения.

²⁵ Маршруты всех этих регистраторов подробно описаны в работе: «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926/27 г.)», Благовещенск, 1929, стр. XVI—XX.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ 1970 ГОДА

В августе 1970 г. в нашей стране проходили два международных конгресса историков: V Международный конгресс экономической истории в Ленинграде (10—14 августа) и XIII Международный конгресс исторических наук, состоявшийся в Москве 16—23 августа. На Ленинградском конгрессе работало девять секций. I секция была посвящена истории экономической мысли и ее связи с экономической политикой, II — экономическому планированию, III — проблемам рабочей силы и населения, а фактически, миграциям, внутренним и внешним. В IV секции обсуждались проблемы денежного обращения и кредита, в V — историческая эволюция форм феодальной собственности, причем одно ее заседание было посвящено особенностям разложения докапиталистических форм собственности в Азии. VI секция дискутировала вопросы о торговых путях в Евразии до появления железных дорог, VII — проблемы экономической истории древнего мира, VIII — проблемы модернизации экономической и социальной структуры в условиях многоукладной экономики. Наконец, IX секция занималась методологией и методикой исследования историко-экономических явлений.

Структура Московского конгресса была сложнее. Там, прежде всего, ставились так называемые большие темы, например, методология, история континентов и т. д. Затем шли заседания разного рода по главным хронологическим периодам истории. Кроме того, работало множество международных примыкающих организаций и внутренних комиссий МКИИ: по истории городов, по демографии, по истории леса, по нумизматике, по ономатике, по морской истории и т. д. Проводился также симпозиум, посвященный В. И. Ленину, в связи со 100-летием со дня его рождения.

Темы обоих конгрессов во многом переплетались. Немало общего было и в идейном содержании дискуссий. В дальнейшем изложении будет сделана попытка вкратце рассказать о том, что в работе обоих конгрессов в той или иной степени соприкасалось с комплексом этнографических и этносоциологических проблем.

Прежде всего, речь пойдет о методологических вопросах, важных для исторической науки в целом. Разбор этих вопросов на Московском конгрессе начался дискуссией по теме «Историк и социальные науки».

Самая формулировка темы оказалась двусмысленной, так как в нашем понимании история является частью социальных наук, на Западе же их чаще всего разделяют. В сущности, спор шел об отношениях истории и социологии, а еще точнее — о применении в исторической науке количественных методов и вычислительных машин. Ни один оратор не отвергал этих методов, но в оценке их, как и в понимании всей проблемы соотношения наук, имелись существенные расхождения. Т. Шидер из ФРГ в присланном на конгресс докладе отметил ограниченные возможности количественных методов в историческом исследовании. Другой докладчик, Т. Пападопулос (Кипр), связал социологические методы в истории с историческим детерминизмом. В своей аргументации он часто опирался на методы этнологии, антропологии, археологии, исторической демографии. Канадский ученый А. Дюбюк подчеркнул оживляющее влияние, которое оказала социология на историческую науку. Он высоко оценил способность исторической науки к обобщениям и к постижению исторических закономерностей. Весьма критически отзывался о применении количественных методов в истории американский ученый Дж. Хекстер. В отличие от социологического исследования, историческое исследование зависит, говорил он, от количества и качества сохранившихся источников. К тому же вычислительная машина только отвечает на те вопросы, какие ставит ей историк. Хекстер подчеркнул важность системы оценок в работе историка. Итальянский историк Э. Сестан, хотя и назвал в своем докладе «История событий и история структур» структуральную историографию передовой для нашего времени, вместе с тем ограничил применение статистических методов областью истории «экономической, демографической и социальной». Подобное ограничение поддержал в своем выступлении и советский эксперт акад. Е. М. Жуков.

Несколько особняком стоял доклад «Язык и история» французского ученого А. Дюпрона. Язык трактуется в этом докладе как самостоятельный исторический

источник, в котором проявляется «коллективная душа» и «коллективное подсознание», причем язык изучается современными методами, с помощью вычислительной техники. Доклад дает очень тонкий и сложный анализ предмета, на философском уровне. Дюпрон считает очень важными этнолингвистические исследования и настаивает на изучении фольклора — пословиц, изречений, ходячих выражений и народной сказки.

Среди выступлений в общей дискуссии можно отметить речь профессора Р. Фогеля, представителя американской «новой экономической школы». Полемизируя со своим соотечественником Хекстером, он защищал количественные методы в историографии, ссылаясь на достигнутые с их помощью успехи американской науки за последние 15 лет, которые привели к коренному пересмотру экономической истории США. Целый ряд ораторов подчеркнули необходимость сочетания структурного и генетического методов при изучении истории.

На методологической секции Ленинградского конгресса был обсужден доклад венгерских ученых И. Т. Беренда и Г. Ранки «О методологии и концепции всеобщей экономической истории (современный период в свете восточноевропейского опыта)». Авторы этого доклада предлагали для исследования проблем всеобщей экономической истории «региональный сравнительный метод». Отставшие страны, говорилось в докладе, не просто повторяют путь, пройденный более развитыми странами — эволюция отставших стран определяется своеобразием новых общен historiческих условий.

Заседания обоих конгрессов, посвященные конкретному разбору количественной методики, вызвали большой интерес у делегатов. В Москве первым из трех сообщений на тему «Цифры как элемент информации историка» был доклад группы советских ученых под руководством И. Д. Ковальченко «Количественные и машинные методы обработки исторической информации», подводивший итоги советскому опыту по исследованию аграрной истории, исторической демографии. Авторы подчеркнули, что количественный анализ обязательно должен предваряться анализом качественным. В другом сообщении, представленном французским ученым Ж. Шнейдером и возглавленном «Машина и история», впервые обобщались результаты соответствующих работ во Франции. Шнейдер считает, что применение машин в историческом исследовании стало необходимым и неизбежным. В докладе шведских историков К. Г. Андре и С. Лундквиста «Использование массовой информации. Опыт изучения шведских народных движений» отмечалось, что изучение «динамического элемента истории» еще недостаточно обеспечено новыми методами.

На заседании методологической секции Ленинградского конгресса по теме «Координация сбора и обработки историко-экономических данных» был заслушан коллективный доклад и 16 сообщений. Доклад был представлен Центром исторических исследований при французской «Практической школе высших исследований», в нем излагалась методика нескольких крупных работ и их выводы. Следует отметить среди них демографическое исследование, проведенное по флорентийскому кадастру 1427 г. Машинные подсчеты показали нарушение равновесия поло-возрастной структуры в богатых флорентийских семьях XV в., большее число детей в богатых семьях по сравнению с бедными, распространенность большой семьи как среди горожан, так и среди селян разных классов. Демографический характер имело и сообщение американца Р. С. Скофилда «Установление состава семей при помощи вычислительных машин». Его работа велась принятым ныне в исторической демографии методом «реконструкции семей» по записям в английских церковных приходах и позволила установить плодовитость, смертность и брачность населения в связи с социально-экономическими переменами. Таллинский историк Х. Палли предложил в своем сообщении термин «историометрия» для обозначения нового направления в историографии, пользующегося математическими методами и электронно-вычислительными машинами. Другой эстонский ученый, Ю. Кахк, отмечал, что процессы перехода от одной общественно-экономической формации к другой создают возможность для особо интересных математико-статистических исследований, а последние позволяют историку устанавливать неожиданные связи.

Американский историк Т. К. Рэбб сообщил той же подсекции Ленинградского конгресса об идее сбора и изучения коллективных биографий, выдвинутой в 1967 г. Комитетом по количественным данным в области истории при Американской исторической ассоциации. Вопросу о месте биографии в исторической науке было посвящено особое задание методологического отдела Московского конгресса. Выступавший там с докладом канадский историк А. Вильсон отметил, что биографии дают современному историку и социологу конкретный выборочный материал для изучения прошлого и настоящего. При исследовании современных городов особое значение имеет «коллективная биография». Заслуживает упоминания доклад «Историк и интервью» голландского историка-антифашиста Л. де Йонга, известного советским читателям по русским переводам его книг. Л. де Йонг сообщил об опыте сбора материала о движении сопротивления в Голландии. В этой работе широко использовались записи личных бесед с участниками событий. Л. де Йонг дал анализ этого метода сбора материала.

Много важного в этнографическом плане содержали доклады и дискуссии, которые касались докапиталистических обществ. Чрезвычайно интересен был слушающий на секции древней истории Московского конгресса доклад советских ученых С. Л. Утченко и И. М. Дьяконова «Социальная стратификация древнего общества». В этом докладе исследования советских этнографов по современным народам Африки,

Океании и Индонезии послужили основой для выявления предпосылок социального расслоения в древних обществах. При этом были вскрыты неклассовая и доклассовая стратификации и античных обществ.

В докладе на той же секции советский ученый В. Д. Блаватский отстаивал идею самобытности развития древнейших культур Балкан и античного мира, их независимости от восточных влияний. Все выступавшие по его докладу — это были советские историки М. А. Коростовцев, В. И. Авдиев и др. — с ним полемизировали, доказывая взаимовлияние древнего Востока и европейского Средиземноморья. После сообщения советского археолога О. Лордкипанидзе о находках V в. до н. э. при раскопках в Колхиде на том же заседании обсуждался интересный доклад американского ученого Т. Р. С. Броутона «Преемственность и борьба на Ближнем Востоке в древности». Проблема преемственности и изменчивости дебатировалась в зарубежной историографии. Проф. Броутон построил свой доклад на материале обширного географического района, населенного множеством народов, и отдал первенство преемственности. В последовавшей дискуссии советские и иностранные делегаты высказали ряд критических замечаний: одни осуждали само противопоставление преемственности и борьбы, другие — излишнюю широту темы, и т. д.

Весьма важному вопросу о производительности рабского труда (в Греции и Риме) было посвящено особое заседание секции экономической истории древнего мира на Ленинградском конгрессе. Доклад на этом заседании («Проблема производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э.») делал московский исследователь В. И. Кузнецов. В докладе пересматривалась традиционная точка зрения. Рабский труд, по мнению докладчика, был в общем производительнее, чем труд свободного мелкого производителя, чему способствовала более высокая техника рабовладельческих имений, лучшая организация труда в них, товарное производство и т. д. Противоположного мнения придерживается польский историк Е. Колендо, сделавший на том же заседании сообщение «Возможности и границы изучения производительности труда рабов в сельском хозяйстве античной Италии». Он полагает, что технические усовершенствования в сельском хозяйстве древней Италии объясняются сокращением притока рабов в период Империи и, следовательно, стремлением рабовладельцев экономить их труд.

Вопрос о роли города в ранние периоды истории был поставлен в докладе И. М. Дьяконова «Экономика древневосточного города (передняя Азия III—II тысячелетие до н. э.)» на специальной подсекции Ленинградского конгресса. По мнению автора этого доклада, «древность начинается и кончается вместе с рождением и смертью древнего города». Он полагает, что приток рабов в древневосточные города был недостаточен, а поэтому широко распространилось долговое закабаление. На том же заседании вильнюсский историк М. Л. Гельцер сделал сообщение об экономике сирийского города во II тысячелетии до н. э. О роли древних городов в этногенезе говорил на Московском конгрессе в докладе «Италийские цивилизации» французский историк Ж. Эргон. Проблему этнической пестроты в городах древности разбирал там же А. Гарсиа-и-Бельдо (Испания) в докладе «Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье». Доклад содержал анализ социальной стратификации крупнейших городов древности — Афин, Рима, Александрии. Для всех античных городов, за исключением самых крупных, автор считает типичным симбиоз «город — деревня».

Проблема этногенеза в связи с генезисом феодализма у разных народов затронута в целом ряде докладов. Румынский ученый И. Нестор сделал на Московском конгрессе доклад «Конец античного мира и варвары», в котором на новых археологических находках (главным образом в долине Рейна), сопоставленных с письменными источниками, ставит общую проблему преемственности культур и проблему синтеза культур варварских и римской. Для значительной части Балканского полуострова эта проблема рассмотрена в докладе румынских историков Э. Кондураки и Ж. Стефана «Восточнороманский мир», также представленном на Московский конгресс. Авторы подчеркнули мощное воздействие на этот район римской цивилизации, в особенности латыни, чему способствовало внедрение христианства. Этногенез южнославянских народов, особенно болгар, в связи с формированием феодализма на Балканах был освещен в докладе Д. Ангелова (Болгария). Советский историк В. Д. Королук в сообщении «Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.)» на Ленинградском конгрессе коснулся проблемы развития восточнославянских и западнославянских народностей. Такие же вопросы трактовались в нескольких других докладах.

На Московском конгрессе слушался ряд докладов о жизни и культуре развитого средневековья. В докладе американского историка С. Л. Трапп «Динамика средневекового общества» разбирался вопрос о построении так называемой социальной истории средневековья, включая историю городов, их населения и т. д. Трапп, как и Броутон (см. выше), ставила проблему динамики и равновесия в ходе истории. Она предлагала картографировать формы крестьянской семьи и изучать досуг средневековых крестьян (праздники и т. д.). Очень интересен был доклад французского ученого М. Молла «Бедняки и средневековое общество». Бедность рассматривается в нем не столько с экономической, сколько с социальной и идеологической точек зрения. Молла показывает динамику отношения общества к беднякам на протяжении XIII—XV вв. посредством

вом анализа языка средневековых текстов при помощи машинных подсчетов. Чрезвычайно интересные и многозначительные результаты этого исследования подкрепляются анализом образов бедняков в изобразительном искусстве и в художественной литературе средневековья. Большой интерес вызвал также доклад французского ученого Ж. Дюби «Семейные структуры западного средневековья». Он указывает на чрезвычайную важность родственных связей в феодальном обществе. Обусловленные связями экономическими, они, по мнению автора, сами оказывали на них существенное влияние. Дюби прослеживает динамику семейных связей у разных классов, хотя по крестьянским семьям, отмечает он, имеется гораздо меньше источников. В Пикардии X—XII вв. семейные связи среди аристократии и крестьян развивались в разных направлениях. В городах семейные связи ослаблялись, что вызывало возникновение различных братств.

В докладе искусствоведа В. Н. Лазарева «Искусство средневековой Руси и Запад XI—XV вв.», зачитанном на заключительном пленарном заседании Московского конгресса, был поставлен важный вопрос о взаимодействии культур. Структурными, по терминологии В. Н. Лазарева, влияниями становятся те влияния, для усвоения которых готова почва и которые в силу этого стимулируют самобытное развитие воспринимающей культуры. Между средневековой Русью и Западом поддерживались активные связи, и русское искусство, особенно зодчество, испытало сильное влияние Запада. Тема взаимодействия культур звучала и в докладе Д. Оболенского (Великобритания) «Отношения между Византией и Русью (XI—XV вв.)».

Этносоциологические проблемы последних двух столетий затрагивались в целом ряде докладов и выступлений на обоих конгрессах, но наиболее концентрированным оказался их разбор на III секции Ленинградского конгресса — «Рабочая сила и население». Первое заседание этой секции было, в основном, посвящено внутренним миграциям. Московский ученый В. И. Переведенцев выступил там с сообщением о влиянии миграционных процессов на экономическое развитие СССР, особенно на рост городов. Югославский делегат Н. Вуко сделал сообщение о миграциях населения в Югославии между двумя мировыми войнами. Индийский делегат Дж. Кришнамурти сделал доклад о распределении рабочей силы в Индии в 1911—1961 гг., причем показал резкие различия в этом отношении между разными штатами страны в зависимости от их экономической структуры. По докладу выступил с интересным сообщением о внутренних миграциях в Индии, о переплетении в них этнических и социальных моментов ленинградский востоковед И. В. Сахаров. Американский историк Г. Дж. Ваттер в сообщении о распределении рабочей силы США по отраслям хозяйства в 1850—1880 гг. подчеркнул, как и индийский докладчик, важность дифференцированного подхода к разным районам. Расистская экономическая политика южных штатов США, отмечал он, задерживала экономическое развитие Юга и отрицательно влияла на все хозяйство страны.

На втором заседании секции, посвященном международным миграционным процессам, доклад «Причинный анализ мировых миграций» сделал канадский профессор П. Депрэ, оспаривавший общепринятое в литературе объяснение миграций экономическими причинами. Он попытался создать единую корреляционную схему, учитывающую степень культурного различия между страной эмиграции и страной иммиграции, расстояния между ними, степень осведомленности эмигрантов о стране, куда они направляются, и их имущественное положение. В прениях доклад Депрэ был подвергнут критике. В частности, советская делегатка проф. В. В. Любимова отметила, ссылаясь на факты европейских и трансатлантических миграций, несостоятельность схемы Депрэ.

В сообщении Л. Голлавея и Р. Веддера (США) «Расселение американских иммигрантов (1850—1967)» факторы этого расселения были разделены на внеэкономические и экономические. Машинные подсчеты по данным ценов и других официальных источников привели авторов к выводу о большей приемлемости экономической гипотезы. На наш взгляд, представляется, однако, что самая постановка вопроса была неверна, поскольку в так называемых «внеэкономических» факторах ощутимо присутствует экономический элемент.

С интересным сообщением «Португалия между экспансией и эмиграцией» выступил Ж. да Силва (Париж). Массовая эмиграция из Португалии, по его данным, привела к уменьшению брачности и рождаемости в стране, а также (в силу того, что эмигранты посылали на родину деньги) к установлению там денежного равновесия, что в конце концов способствовало политической и социальной стабильности и даже стагнации.

В сообщении швейцарского делегата А. М. Агманна «Анализ причин иностранной иммиграции в Швейцарию в период между 1888 и 1914 гг.» превращение края традиционной эмиграции в область, принимающую переселенцев, было объяснено второй фазой промышленной революции в стране, а особенности миграционных процессов — языковой пестротой, живой связью с сопредельными государствами, горным ландшафтом и т. д.

В интересной общей дискуссии английский делегат Э. Грин подчеркнул необходимость изучения «первого толчка» эмиграции. Это, по его мнению, обычно выселение небольшой высококультурной группы, иногда религиозной. Грин отметил также, что миграции следует рассматривать и как отрасль международных перевозок. Профессор

Гарвардского университета О. Хэндлин отметил в своем выступлении важность изучения стран эмиграции, а также политической ситуации внутри них. Нужно исследовать историю европейского крестьянства, из которого, сказал он, вышло большинство во эмигрантов. Статистика здесь не поможет, необходимы исследования на местах. В интересном выступлении проф. Кауфман из Таллина поднял вопрос об изучении путей миграции. Председательствовавший на заседании советский ученый А. Н. Шлепаков отметил в своей речи, что «выталкивание» массы эмигрантов из Европы в конце XIX в. сочеталось с огромной поглотительной способностью Америки.

Миграционной проблематики касался и доклад советского историка С. Т. Еремина «Армения, армянское купечество и развитие торговли между Европой и Азией д. XIX в.», сделанный в другой секции Ленинградского конгресса. В этом докладе говорилось о многовековой эмиграции армян и о значении армянской диаспоры. Переселившиеся группы армян сыграли выдающуюся роль в культурном развитии всего армянского народа. По мнению докладчика, центр культурного развития армянского народа оказался вне его этнической территории.

Большой интерес вызвал на Московском конгрессе доклад канадского ученого Р. Кука «Роль пограничных земель в истории континентов». Докладчик подверг критическому разбору широко известное в американской, а теперь и вообще в западной историографии понятие «границы», которое было выдвинуто крупным американским историком Фр. Дж. Тернером и легло в основу одной из концепций американского национализма. Под границей (frontier) в Америке понимали крайнюю область, земледельчески освоенную и заселенную выходцами из Европы. «Граница» передвигалась на Запад до конца XIX в. Тернер придавал ей решающее значение в образовании американского общества и американской нации. По мнению Р. Кука, на канадском Западе не создалась однородная нация, как, по тернеровской концепции, на американском Западе, а возникла вертикальная мозаика различных этнических элементов. Ось доклада — вопрос о соотношении новых социальных процессов на колонизируемых землях и традиций метрополии. В Канаде роль центрального правительства в заселении новых земель сказалась гораздо больше, чем в США. Р. Кук подчеркнул важность сравнительно-исторического метода в изучении этих проблем.

Доклад Кука вызвал оживленный обмен мнениями. Советский делегат Г. Ф. Дахштейгер говорил о необходимости формализовать понятие «граница» и рассматривал его с точки зрения развития капитализма вширь. Он упрекнул докладчика в пренебрежении к возникавшим проблемам коренного населения Америки — индейцам, что тот в заключительном слове признал справедливым. Оратор сопоставил колонизацию окраин в России и территориальную экспансию США, причем подчеркнул, что советские историки не идеализируют колонизационную политику царской России. Проблемы истории России и заселения ее окраин, особенно колонизации Сибири, были освещены целым рядом ораторов (советские делегаты А. А. Преображенский, Н. А. Аполлова, В. А. Александров, Ю. А. Васильчук, Е. И. Дружинина, американский делегат И. Л. Рудницкий). Делегат ГДР Х. Штекер счел понятие «границы» неприменимым к Тропической и Южной Африке. Советский делегат М. В. Демиховский высказал мнение, что, вопреки теории «границы», американская нация сложилась не на Западе США, а в старых штатах Востока. Советский ученый Н. Н. Болховитинов отметил важность городов «границы», а также классовую разнородность населения пограничных территорий. Он подчеркнул многоукладность американской экономики в XVIII и XIX вв. Другой советский историк, О. Т. Сороко, отметил, что по всей Канаде утвердился американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, только позже, чем в США. Колонизация канадского Запада ускорила развитие капитализма и вместе с тем канадской нации. Канадский делегат Ж. П. Валло высказался против переоценки влияния Франции на французскую Канаду.

На секции новой истории Московского конгресса слушался доклад советских ученых А. В. Ефимова и Г. П. Куропятника «К вопросу об общей тенденции истории США», где, в частности, также разбирался вопрос о западных землях и критиковалась тернеровская концепция «границы». В этом докладе характеризовалось американское рабство и отмечалась происходившая в Америке этническая консолидация негров. В дискуссии по докладу участвовали советские делегаты: Ш. А. Богина, говорившая об иммиграции как основе этногенеза американской нации; Э. Л. Нитобург, отметивший две тенденции — к обособленности и слиянию с окружающим населением — в истории негритянского движения; М. В. Демиховский и Р. Ф. Иванов. Выступили также американские историки: О. Хэндлин, охарактеризовавший, в частности, тенденции американской историографии в последние десятилетия, и С. В. Вудворд, уделивший много внимания вопросу о классовом расслоении современных американских негров.

В связи с дискуссиями по истории США следует отметить доклад Р. Фогеля и С. Энгермана «Относительная эффективность рабства: сравнение северного и южного сельского хозяйства в США в 1860 г.», сделанный на Ленинградском конгрессе. Доклад этот пересматривал установившиеся в литературе взгляды на производительность рабского труда в Америке. Машинные подсчеты экономических показателей обнаружили, что рабовладельческое хозяйство было более производительным, чем свободная ферма. Для объяснения этого авторы выдвинули несколько предположений —

об интенсивной эксплуатации рабов «на износ», о лучшей организации крупного хозяйства и т. д.

Следует также упомянуть слушавшийся на секции новой истории доклад американского ученого С. Персона «Джентри в США». Этот своеобразный и почти не вызвавший отклика доклад касался интеллектуальной истории США, вернее, истории американской интеллигенции. Американский «образованный класс» XVIII—XIX вв., о котором говорит Персон, представлял, главным образом, англоамериканскую культурную традицию протестантского характера, а к концу XIX в. в нем проявились черты расизма и этнических предрассудков. Угасание этой элиты Персон относит к началу XX в.

Интересный доклад под названием «Эмансипации и реконструкции: сравнительное исследование» был представлен Московскому конгрессу упоминавшимся уже американским ученым С. В. Вудвордом. В нем рассматривались освобождение рабов-негров и его непосредственные последствия в районе, простирающемся от южных штатов США до южных границ Бразилии, районе, который Вудворд называет плантационной Америкой. Сравнимые им страны и районы этой области отличались сложным расовым и этническим составом, везде в них господствовали расовые предрассудки и дискриминация, но в разнообразных формах и степени. Освобождение рабов повсюду сопровождалось либо принуждением их к работе и подавлением (как в США), либо, там где неграм удалось получить землю (как на Ямайке или Британской Гвиане), ввозом законtracted рабочих. Ввозили индийцев, китайцев, яванцев, на бразильские кофейные плантации ввезли почти миллион европейцев, главным образом итальянцев. Вудворд отмечает, что межрасовые отношения в этот период обострились.

Несомненный интерес представлял доклад западногерманского ученого И. Гайсса «Возникновение современных элит в Африке (с середины XVIII в.)» — о происхождении западноафриканской интеллигенции, отчасти национальной буржуазии. В разных странах Западной Африки эти слои формировались, в большей или меньшей степени, из мулатов, крещеных африканцев и репатриировавшихся афро-американцев и афро-вестиндцев. Подобные группы, жившие на побережье и иногда называвшиеся «креолами», пренебрежительно относились к племенам глубинных районов и часто сотрудничали с колониальной администрацией. На рубеже XX в., когда назревал поворот к борьбе за независимость, в Западной Африке чрезвычайно усилился белый расизм, что повело к изменению идеологических позиций африканской «элиты». Более того, из ее среды стали пополняться кадры национально-освободительного движения. Автор особо подчеркнул несостоятельность утверждения о природных различиях между «вышшими» и «низшими» расами.

На Московском конгрессе вызвало интерес краткое сообщение Г. Люти (Швейцария) об английском проекте предоставить Индии мандат на управление Германской Восточной Африкой после первой мировой войны. Докладчик коснулся также проблемы весьма значительной индийской эмиграции в Африку.

В докладе А. Палата (Чехословакия) «Качественные изменения в развитии азиатских стран после второй мировой войны» подчеркивалась необходимость регулировать бурный рост населения в этих странах и отмечалось, что внедрение механизации может явиться для них отрицательным фактором, так как лишит работы избыточную неквалифицированную рабочую силу.

На Московском конгрессе при обсуждении темы «Национализм и классовая борьба в процессе модернизации в Азии и Африке», по которой и были сделаны эти четыре доклада (Вудворда, Гайсса, Люти и Палата), советский делегат Р. Т. Ахрамович высказал мнение о незавершенности процессов классового образования и образования наций во многих странах Азии и Африки. Как и другие ораторы, он констатировал крайнее сужение прогрессивного содержания националистической идеологии. Делегат Конго (Киншаса) проф. Б. Евсевичкий высказался против европоцентризма в подходе к Африке и подчеркнул, что Африку до европейского завоевания нельзя рассматривать как *tabula rasa*.

Многие из этих вопросов обсуждались — в другой связи — на заседании Международной комиссии по истории социальных движений и социальных структур (Московский конгресс), посвященном теме «Крестьянские движения и аграрные проблемы с конца XVIII в. до наших дней». В представленном комиссией сводном докладе рассматривались и этносоциологические сюжеты. В частности указывалось, что коллективное национальное сознание формируется в связи с антифеодальной борьбой. В современных развитых капиталистических странах, как отмечалось в докладе, происходит разрыв связи между семьей и хозяйством в земледелии, исчезновение сельской цивилизации. В разделе, посвященном Латинской Америке, высказывалась мысль, что индейское крестьянство не входит в латиноамериканские нации, образовавшиеся в ходе войны за независимость, о чем свидетельствует якобы и индейское движение.

Очень важной и уже неоднократно затрагивавшейся проблеме этносоциологического значения города посвятила свою работу во время Московского конгресса Международная ассоциация по славянским исследованиям, избравшая тему «Город и его роль в развитии национального сознания». Среди поставленных там сообщений можно отметить доклад советского делегата И. И. Лещиловской о роли городов в Хорватии и Словении (до середины XIX в.), которые стали центрами хорватского национального возрождения. И. И. Лещиловская подчеркнула сильное воздействие евро-

пейской мысли на это движение. Польский делегат Ю. Жарновский, делавший сообщение о польских городах в той же связи, отметил зависимость национального самосознания от культурного уровня населения и особо сказал о роли интеллигенции и современных средств коммуникации в распространении именно городской культуры. Другой польский делегат нашел, что в сообщении Жарновского было недооценено крестьянское движение, а третий указал, что города, будучи многонациональными, становятся центрами национальной жизни для разных народов, что относится и к польским городам.

В докладе чехословацких историков Ю. Месароша и В. Матулы о национальном движении в Словакии подчеркивалось, что оно развивалось без участия городов. Словацкие города, как и школа, являлись центрами мадяризации. Социальной опорой словацкого национального возрождения было главным образом крестьянство. Однако с 90-х годов XIX в., в связи с подъемом городской буржуазии и рабочего класса, словацкое национальное движение распространяется в городах Словакии, а также других областей Австро-Венгрии и США, куда из Словакии шла массовая эмиграция и где национальным центром словаков стал город Кливленд.

Делегат ГДР В. Шульце и ленинградский историк Лаптева затронули вопрос о лужичанах. Шульце подчеркнул действие на их культурное и национальное развитие немецкой культуры и университетских городов, например Лейпцига, и отметил панславизм лужичан. По мнению Лаптевой, национальное объединение господствующей нации вызывает национальное движение нации угнетенной.

Остановимся особо на теме религии. При Московском конгрессе работала Международная комиссия по сравнительной истории церкви. Этнические проблемы более всего были затронуты здесь на последнем заседании, где обсуждалась тема «Католическая церковь в англоязычном мире в XIX в.» Речь шла, собственно говоря, о католическом населении англоязычных стран. Доклад американского делегата Э. Ларкина касался преимущественно Ирландии. По его мнению, там после катастрофического голода в конце 40-х годов XIX в. и вызванного им психологического потрясения якобы резко усилилась религиозность народа. Ларкин сделал из этого малоубедительный вывод, что ирландские иммигранты в США, покинувшие родину после этого религиозного перелома, отличались более высокой нравственностью, чем их предшественники, и потому пользовались лучшей репутацией среди американцев. Докладчик отметил движение так называемого гэльского возрождения в конце XIX в., когда в Ирландии стали делаться попытки воскресить древний гэльский язык.

Канадский делегат П. Савар говорил о католицизме во Французской Канаде. Католическая церковь там выиграла, по его словам, битву с либерализмом и радикализмом за франко-канадскую буржуазию и до 60-х годов нашего века удерживала под своим влиянием все население, даже горожан. В отличие от других стран, католическая церковь Французской Канады, по мнению Савара, близка к массам. Доклад другого канадского делегата, Дж. С. Мойра, освещал вопрос об англоязычной католической церкви в Канаде в XIX в. Первым ее контингентом были иммигрировавшие из Ирландии шотландцы-католики. Они, отметил Мойр, представляли собой меньшинство в двойном смысле: от англоканадцев их отделяла религия, от франкоканадцев — язык. С последними они не смешивались, но и не враждовали. Переселившиеся в Канаду позже католики-ирландцы, особенно беглецы от голода середины XIX в., представляли собой иной слой — это были бедняки, настроенные антибритански и либерально. С франкоканадцами у них были постоянные трения, несмотря на призывы католических епископов к единству. Франкоязычная паства католической церкви была этнически монолитна, англоязычная — нет.

Затем был сделан доклад о социальном католицизме в Англии. Многие из английских католиков в XIX в. принадлежали к поместному слою. В середине XIX в., с массовым притоком в Англию нищих единоверцев из Ирландии, в английский католицизм наступил перелом. Страх перед общественными низами, соперничество с протестантизмом и боязнь перехода в него детей католических бедняков заставили католическую верхушку организовывать благотворительные общества. Но католическая благотворительность носила узко вероисповедный характер и во многом уступала протестантской. Социальными реформами она не занималась.

Австралийский делегат сообщил об особом, по его словам, пути католицизма в Австралии. Очень долго все католическое население Австралии состояло из ирландцев, которые, по мнению докладчика, обладали особой субкультурой. Ирландские рабочие поддерживали профсоюзы, а на выборах голосовали за рабочую партию. В Австралии, как полагал оратор, осуществилось пугавшее католическую иерархию слияние католицизма с социализмом.

Беднее этносоциологическим материалом оказались другие доклады по католицизму, обсуждавшиеся на Московском конгрессе. Прежде всего, к ним относятся слушавшийся на секции новой истории доклад упоминавшегося уже проф. А. Дюпрона «Единство христиан и единство Европы в период новой истории». В этом сложном по мысли и форме докладе, касающемся главным образом религиозного раскола в эпоху реформации и последствий этого раскола, сквозит дух воинствующего католицизма. Стойкость единой католической традиции обеспечивала, по мысли докладчика, и после раскола европейское единство и христианскую преемственность. Как и в докладе «Язык и история», Дюпрон пользовался понятиями «коллективной души» и «кол-

лестивой памяти». Как и там, он подкреплял свою идею лингвистическими изысканиями.

В дискуссии по докладу Дюпрона польский делегат А. Каспржак отметил стремление к единству веры и терпимость, наблюдавшиеся в Польше эпохи реформации. Подобно Нидерландам, Польша служила убежищем гонимым за веру. Религиозному единству Европы способствовала борьба с турками. Последнюю мысль высказывали и другие участники прений. Советский ученый А. И. Клибанов возразил Дюпрону, что христианство находилось как бы в обратном отношении к историческому развитию Европы нового времени, так как вступление Европы в новую историческую эпоху совпало с расколом католической церкви, а единство Европы гораздо шире христианского единства. Делегат ГДР Х. Мор объяснял сохранение идеи христианского единства после раскола отставанием общественного сознания от общественного бытия и заметил, что классовое разделение сильнее религиозного. В заключительном слове проф. Дюпрон заявил, что в качестве историка он не воспринимает католицизм как нечто вечное и призвал историков-марксистов и немарксистов к совместной работе.

Доклад каноника Р. Обера (Бельгия и Ватикан) «Христианский социализм» представлял собою обзор, преимущественно историографический, этого движения, как в протестантской, так и в католической разновидности. В докладе других католических авторов, А. Фригони и Р. Манселли (Италия), «Модернизм» шла речь об обновленческом движении, возникшем в католической церкви в конце XIX — начале XX в. и пытавшемся приспособить ее к новейшей стадии развития капиталистического общества.

Испанский историк П. М. Монтавес представил на конгресс доклад «Ислам и христианство в экономике Средиземноморья позднего средневековья». В религиозном различии здесь воплощено также различие хозяйственных и государственных структур. Между христианским Западом, где в эти века возникал капитализм, и мусульманскими странами, где господствовали феодальные государства, существовали постоянные связи и взаимовлияния, в развитии которых, как отмечал докладчик, важнейшую роль сыграло этнически пестрое население Пиринейского полуострова. Анализ цен и заработной платы приводит Монтавеса к предположению о сокращении населения Средиземноморья в этот период.

Интересное сообщение о роли религии было сделано, как это ни странно, на Ленинградском конгрессе шотландским ученым Т. К. Смаутом — «О роли внешнеэкономических факторов в развитии Шотландии в XVIII в.» Как страна классического кальвинизма, говорил автор, Шотландия должна была бы служить подтверждением теории Макса Вебера о стимулировании буржуазного предпринимательства протестантской этикой. Так оно и было, но только с XVIII в., когда шотландский кальвинизм переключил центр своего внимания с жизни религиозной на жизнь мирскую. С этим автор связывает рост шотландской экономики, а также формирование в Шотландии организованной и цельной личности, качества которой проявились в целой плеяде изобретателей, предпринимателей, ученых, писателей и других деятелей «шотландского просвещения». Очень большое значение автор придает воспитанию детей в шотландской семье, которое в ту пору стало более свободным и дружелюбным, а также распространению образования — от начальной школы до университета.

* * *

Сколько-нибудь полный обзор Московского и Ленинградского конгрессов даже по одному кругу проблем пока невозможен, хотя бы потому, что материалы конгрессов в настоящий момент недостаточно обработаны. Но уже сейчас можно сказать, что оба конгресса отразили состояние мировой исторической науки и ее современные тенденции и что на них сказалось преобладание творческой марксистской мысли, которая не только руководит учеными социалистических стран, но пользуется признанием и уважением ученых Запада, на многих из которых она в той или иной мере оказывает влияние.

Ш. А. Богина

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ЭПОСУ НАРОДОВ СИБИРИ И КРАЙНЕГО СЕВЕРА (1965—1969)

Последние пятнадцать лет были отмечены исключительными результатами в области собирания и изучения памятников народного эпического искусства. На наших глазах сформировалась целая отрасль фольклористики — эпосоведение. Были вновь открыты и введены в научный и культурный обиход эпосы отдельных народов. Существенно продвинулась разработка проблем генезиса, исторических корней и развития эпоса как специфического вида народного искусства. В нашей науке успешно преодолеваются вульгаризаторство в понимании народности эпоса, наивно-упрощенное толкование эпического историзма, иллюстративный подход. Эпические памятники исследуются в тесной связи с изучением быта и социальных институтов народной жизни, с учетом новейших достижений и поисков этнографической науки.

На фоне несомненных успехов эпосоведения особенно заметно досадное отставание в области научной публикации эпических памятников, недостаток научных переводов их на русский и другие европейские языки, почти полное отсутствие публикаций нотной записи эпических напевов, недостаток монографических исследований по эпосу отдельных народов, а также исследований широкого сравнительного плана.

Советская фольклористика в отношении эпоса находится в особо благоприятном положении, потому что у многих народов нашей страны эпос сохраняется (либо сохранялся до самого недавнего времени) в живых формах. Это обстоятельство позволяет нам ставить и конкретно разрабатывать чрезвычайно важные и интересные проблемы — бытование эпоса, отношение к эпосу в народной среде, искусство эпических певцов, эпос и быт и многие другие. Одна из актуальных задач науки состоит в том, чтобы провести как можно больше наблюдений над жизнью эпоса, над особенностями его исполнения, передачи, усвоения и т. д. Живой эпос угасает повсюду, хотя степень интенсивности этого процесса у разных народов различна. Именно поэтому нельзя ждать. Фронт исследований сегодня должен быть как можно шире, только в этом случае наука получит ценнейшие материалы, утрата которых уже завтра, быть может, станет невосполнимой.

Эпос каждого народа — явление национальное, вместе с тем эпическое творчество характеризуется многими общими типологическими закономерностями. Недаром современные специалисты по Гомеру, стремясь понять его поэмы, обращаются к живому эпосу, еще сохраняющемуся в наше время у многих народов. В эпосоведении сравнительно-исторические аспекты особенно важны и органичны. Все, что найдено и выявлено в связи с кругом памятников (или даже одним памятником) какого-либо народа, приобретает общее значение, поскольку может способствовать выяснению принципиальных закономерностей и специфических особенностей эпического творчества.

В этом плане самого пристального внимания заслуживают работы последних лет, связанные с собиранием, изучением, публикацией и переводом памятников эпоса народов Сибири и Крайнего Севера. Памятники эти представляют интерес в разных аспектах: и как существенная составная часть фольклора (и шире — духовной культуры) тех народов, которым они принадлежат; и как ценный историко-этнографический источник, содержащий прямые или косвенные данные об этногенезе, ранних стадиях и этапах развития народов, сохраняющий свидетельства об утраченных (или пройденных) сторонах быта, социально-бытовых отношениях и институтах прошлого. С точки зрения общего (или сравнительного) эпосоведения памятники эти представляют исключительный интерес, так как в них запечатлены относительно ранние этапы эпического творчества, а в историко-типологическом отношении одни из них стоят как бы у истоков эпического творчества, другие же сохранили его архаические черты. Памятники эти — нередко живое выражение сложных и длительных процессов, происходивших в

эпическом творчестве, существенных сдвигов, трансформаций и наслоений в нем, вместе с тем свидетельствуют о необычайной прочности эпических традиций. Наконец, совершенно исключительный интерес для общего эпосоведения представляют живые хранители и носители эпоса. В их творчестве, технике исполнения, искусстве усвоения, запоминания и передачи произведений эпоса, несомненно, преломились и получили конкретные формы общие закономерности эпического искусства. Поэтому самое тщательное и всестороннее изучение сибирских и северных сказителей, основанное на максимальном учете живых реальных данных, может во многом способствовать разгадке этого замечательного, во многом еще непознанного, феномена народной культуры, имя которому — эпический певец.

Цель настоящего обзора, ограниченного рамками последнего пятилетия и отнюдь не претендующего ни на библиографическую полноту, ни на обстоятельные характеристики вышедших работ, состоит прежде всего в том, чтобы с точки зрения современного общего эпосоведения взглянуть на основные направления, результаты и ведущие тенденции в изучении эпических памятников Сибири и Крайнего Севера.

* * *

Хотелось бы отметить прежде всего появление первоклассных в научном отношении изданий отдельных памятников народного эпоса¹. Издания эти, в сущности, заново открывают эпосы целого ряда народов и закладывают прочный фундамент их изучения. В первую очередь должна быть названа книга об эвенкийском эпосе². Героические сказания эвенков — нимгакан — до сих пор были известны мало, лишь по несколькими разрозненными публикациям. Теперь перед нами фундаментальный научный свод произведений этого жанра — двадцать текстов, отражающих эпический репертуар всех основных групп эвенков³. Сказания записывались в течение двадцати пяти лет Глафирой Макарьевной Василевич, чьи исследования в области этнографии, языка и фольклора эвенков заслужили всеобщую известность. Запись, перевод и двуязычная публикация текстов осуществлены на высоком филологическом уровне и в соответствии с современными требованиями фольклорной текстологии. Это позволяет фольклористам, не владеющим тунгусскими языками, пользоваться книгой как надежным источником и привлекать опубликованные в ней тексты для историко-фольклорных исследований. К ценным качествам сборника надо добавить еще наличие нотаций, выполненных специалистом по народной музыке Б. М. Добровольским и снабженных весьма квалифицированными пояснениями. Столь же высокой оценки заслуживают и довольно пространственные комментарии к текстам. В них читатель найдет и толкование отдельных терминов, оставленных без перевода, и исторические и этнографические пояснения, и сведения об особенностях исполнения, а кроме того, — замечания, относящиеся к подробностям содержания эпоса. В комментариях особенно отчетливо сказалось то обстоятельство, что в лице Г. М. Василевич счастливо соединяются собиратель фольклора и вдумчивый этнограф — полевой работник и серьезный исследователь.

Во вступительной статье Г. М. Василевич трактует эвенкийские нимгакан как «своего рода зародыш эпоса» (стр. 6). Такая отчасти полемическая трактовка имеет серьезные основания. В собранном и опубликованном ею материале Г. М. Василевич выделяет две основные группы, различающиеся в типологическом отношении: сказания восточных эвенков, которые в большей степени приближаются собственно к эпосу, и сказания зейско-алданские, стоящие ближе к богатырским сказкам. Относительно первых устанавливается немаловажный факт их общности с эпосом якутов и бурятов. По мнению Г. М. Василевич, «общие поэтические традиции складывались в глубочайшей древности, когда тюрко- и монголоязычные племена были такими же охотниками, как и тунгусоязычные, и скотоводство у них еще только зарождалось». И лишь позже развитие эпоса народов пошло самостоятельным путем (стр. 13). Таким образом, близость эпоса разных народов основывается на типологической общности традиций, в основе которой, в свою очередь, лежит единство историко-этнографического характера.

Г. М. Василевич отмечает далее, что самостоятельный путь развития эпоса привел к большим различиям в поэтике, сюжетике, героях и т. д. Замечу, что характеристика этих различий (стр. 13—15) несколько фрагментарна, она касается отдельных элементов, то более, то менее существенных, но не захватывает эпических систем в целом.

¹ Оставляю за пределами данного обзора издания эпоса для широкого читателя, имеющие в первую очередь литературное и культурное значение, — поэтические переводы и прозаические переложения на русский язык. Они требуют прежде всего литературно-критического анализа (см., например, превосходно оформленную книгу «Гэ-сэр. Бурятский героический эпос». Перевод с бурятского С. Липкина. Подстрочный перевод и предисловие А. Уланова, М., 1968).

² Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич, М. — Л., 1966.

³ Обзор преданий (43 номера) не входит в нашу задачу. Замечу лишь, что они представляют исключительный интерес для исследователей исторической народной прозы, помогая понять ранние этапы ее развития.

Предстоит еще работа по широкому соотнесению эвенкийских сказаний с другими эпическими системами, по выяснению их художественной специфики, установлению их типологии. Книга Г. М. Василевич создает отличные предпосылки для дальнейших исследований и сама является важнейшей ступенью в изучении эвенкийского эпоса.

В недавней своей новой работе по этнографии эвенков Г. М. Василевич частью обобщает свои прежние наблюдения над эпосом, частью приводит дополнительные данные о характере его связей с историей и бытом народа, а также использует отдельные элементы эпоса в главах, посвященных собственно этническим проблемам⁴.

К рассмотренному выше сборнику эвенкийских сказаний близко стоит по типу и значению сводное издание памятников ненецкого эпоса⁵. Оно также осуществлено на двух языках, выполнено примерно по тем же текстологическим принципам, в нем также даны нотные записи, публикация которых сопровождается статьей Б. М. Добровольского. Примечания и словарь хотелось бы видеть более подробными, но ведь объем их не всегда зависит от желаний автора.

Хотя образцы ненецких эпических песен уже издавались в разное время, труд З. Н. Куприяновой, в сущности, впервые по-настоящему дает представление о жанровом и сюжетном составе ненецкого эпоса, позволяет ощутить его своеобразие и подойти к проблемам его генезиса и исторического развития. З. Н. Куприяновой удалось дать свой ответ на основные вопросы, связанные с историей эпоса ненцев. Он возник, по ее мнению, «на разных этапах разложения родового строя». Один эпический жанр — сюдабаб «связан с ранним периодом разложения патриархально-родовых отношений», другой жанр — ярабц появляется на позднейшем этапе этого длительного процесса (стр. 55). Очень важна высказанная З. Н. Куприяновой мысль о том, что эпос ненцев, в определенной своей части идеологически связанный с отношениями родового строя, был как бы направлен на его укрепление и идеализацию (стр. 55). Исследователям предстоит еще многое сделать для уяснения типологии ненецкого эпоса и для изучения отдельных его сторон и особенностей⁶.

Попутно следует заметить, что с научной публикацией эпоса народов Севера дело обстоит далеко не благополучно. В недавнем своем обзоре З. Н. Куприянова рассказала об энтузиастах-собираателях, благодаря которым выявлены ценнейшие материалы по фольклору ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, хантов, манси. К сожалению, в научный оборот эти материалы поступают плохо, да и состояние их научного хранения вызывает тревогу⁷.

Издание эпических памятников на языке оригинала (с точным соблюдением научных принципов) и в параллельном научном переводе на русский язык — одна из самых насущных задач современного эпосоведения. Только такие издания по-настоящему вводят эпос в научный оборот, обеспечивают возможность его всестороннего изучения, создают предпосылки для дальнейшей его литературной популяризации. В этом плане заслуживает всяческой поддержки опыт Бурятского института общественных наук, в стенах которого осуществлена подготовка двуязычного научного издания эпического памятника «Еренсей», до сих пор известного лишь на языке оригинала⁸.

Поскольку научный аппарат этой книги содержит лишь небольшие (хотя и весьма ценные) примечания, можно пожелать, чтобы уже в ближайшее время появилось специальное исследование о монументальном улигере, насчитывающем девять с половиной тысяч стихов.

Поучительным является опыт Иркутского университета — издание книги, объединяющей обширное монографическое исследование и публикацию перевода одного эпического памятника⁹. На этот раз бурятский текст не приводится, о чем можно пожалеть (хотя он и был издан в свое время). Как раз для учебных целей двуязычное параллельное издание во многих отношениях было бы весьма полезным. Замечу также, что подстрочные примечания слишком лаконичны. Теоретическая часть книги весьма содержательна и не только успешно выполняет функцию учебного пособия, обстоятельно и широко освещая сложную проблематику изучения «Гэсэра», но и содержит интересные наблюдения и обобщения автора — результат ее собственных многослетних разысканий и раздумий.

⁴ Г. М. Василевич, Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.), Л., 1969.

⁵ «Эпические песни ненцев». Составитель, автор вступительной статьи и комментариев З. Н. Куприянова, М., 1965.

⁶ Заметным вкладом в это изучение явилась докторская диссертация самой З. Н. Куприяновой «Эпические песни ненцев», защищенная в 1966 г. и, к сожалению, до сих пор не опубликованная. Данные об эпосе отражены в соответствующем разделе этнографического исследования: Л. В. Хомич, Ненцы, Л., 1966.

⁷ См.: З. Н. Куприянова, Собрание и изучение фольклора народов Севера в советскую эпоху (угро-самодийская группа). Сб. «Языки и фольклор народов Крайнего Севера», «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института, им. А. И. Герцена», т. 383, 1969.

⁸ «Еренсей», подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова, Улан-Удэ, 1968.

⁹ Н. О. Шаракшинова, Героический эпос о Гэсэре. Учебное пособие для студентов филологического факультета, Иркутск, 1969.

Не свидетельствуют ли появление в последние годы фундаментальных изданий эпических памятников о начавшемся в нашей науке новом этапе? Хотелось бы верить, что за названными в обзоре книгами последуют и другие, не менее ценные публикации. Сделать предстоит еще очень много. В недавней своей статье «Сибирская фольклористика и ее задачи»¹⁰ Л. Е. Элиасов называет обширный круг записей эпоса бурят, алтайцев, тувинцев, хакасов, ожидающих своего издания. Автор справедливо подчеркивает необходимость академических изданий текстов, т. е. изданий, возможно более полно охватывающих известные записи, основанных на строго научных текстологических принципах, обязательно двуязычных и снабженных необходимым языковедческим и этнографическим комментарием.

Все большее значение в современном эпосоведении приобретают генетические аспекты. При этом исследования генезиса все шире опираются на выявленные нашей наукой общие типологические закономерности эпического творчества и на изучение художественной специфики эпоса. Выше мы уже говорили о принципиальном значении работ Г. М. Василевич и З. Н. Куприяновой для понимания генетических проблем. Свой вклад в эту проблематику вносят и исследователи бурятского эпоса. В уже названной книге Н. О. Шаракишиной различные национальные версии «Гэсэра» рассматриваются как самобытные, имеющие свою историю. «Каждый народ создавал свою версию в соответствии с конкретно-историческими условиями его развития» (стр. 58). Разумеется, этот общий тезис нуждается в подробном обосновании и развитии. Ценной представляется сама по себе попытка автора разобраться во взаимоотношениях между отдельными национальными (а также и «областными») версиями «Гэсэра», не прибегая к постулатам миграционизма, а исходя из понимания общих закономерностей эпического творчества.

В другой своей книге Н. О. Шаракишина, рассматривая основные теории происхождения бурятских улигеров, а также прослеживая отражение в них различных общественных формаций, приходит к заключению, что «большинство бурятских улигеров сложилось в эпоху первобытнообщинного строя, причем не в пору его расцвета, а в эпоху упадка, разложения, в пору героической борьбы народа против иноземных захватчиков, наиболее ярко проявившейся в XII—XIV столетиях»¹¹. При этом автор признает наличие в улигерах более древних элементов. Возникает в таком случае вопрос, что собой представляло то архаическое целое, которому эти элементы принадлежали. По мнению Н. О. Шаракишиной, это были лишь «контуры будущего эпоса» (стр. 10). Думаю, что историко-типологический подход позволил бы представить эти «контуры» более определенно. В этом плане интерес вызывают работы знатока бурятского эпоса А. И. Уланова. Основной его труд, в котором рассматриваются генетические проблемы, вышел в 1963 г. и мы, следуя принятым хронологическим ограничениям, не включаем его в свой обзор. Недавно вышла книга того же исследователя, продолжающая и развивающая прежние его идеи¹². Автор, думается нам, глубоко прав, когда ставит собственные генетические проблемы в теснейшую связь с проблемами содержания и формы эпоса в целом. Попытки ответить на вопросы о происхождении эпоса, извлекая из него лишь отдельные элементы, к тому же не всегда существенные, обречены на неудачу. Работы А. И. Уланова привлекают целеустремленным анализом эпической системы бурят — самобытной, своеобразной и одновременно соотносящейся с другими известными науке эпическими системами. В вопросе о генезисе улигеров А. Уланов и в новой книге занимает свою особую позицию. Его гипотезе нельзя отказать в научной привлекательности и смелости, но, конечно, она остается гипотезой, требующей дальнейшей разработки. «Содержание и форма эхирит-булагатского героического эпоса явно свидетельствуют о том, что этот эпос возник именно у „лесных людей“ (т. е. у охотников и собирателей.— Б. П.). Вот почему он является находкой, „первичным документом“ для исследователя древнего наследия в героическом эпосе, для анализа устнопозитического творчества доклассового общества» (стр. 23). Он «носит на себе все черты „охотничьего“ эпоса и сохраняя их до наших дней, отражая борьбу женщин и мужчин за господство, борьбу с чудовищами, побратимство с животными, приручение собак, лошадей» (стр. 24). А. Уланову чужда нарочитая архаизация эпоса, он постоянно отмечает в эпосе динамические сдвиги и вместе с тем умело вскрывает черты древности. Стойкость, удивительную сохранность эпоса, его традиционность исследователь справедливо объясняет прежде всего двумя взаимосвязанными факторами: эпическое искусство, имеющее в своей основе по-разному реализуемое требование полного следования традиции, базируется на внутренней прочности системы, но сама эта прочность в конечном счете обусловлена степенью и масштабами сохранения традиций народного быта и социальных институтов, берущих свое начало в первобытнообщинном строе.

Генетические поиски приобретают свою значимость и научную убедительность на фоне более широких исследований истории, художественного содержания, образности, поэтической специфики народного эпоса.

И в этом плане работы последнего пятилетия заслуживают большого внимания.

¹⁰ «Фольклор народов Сибири», «Труды БКНИИ СО АН СССР», № 18, Серия филологическая, Улан-Удэ, 1965.

¹¹ Н. Шаракишина, Героический эпос бурят, Иркутск, 1968, стр. 11.

¹² А. Уланов, Бурятские улигеры (Исполнение, композиция, изображение человека), Улан-Удэ, 1968.

Пожалуй, наиболее разработаны соответствующие проблемы бурятского эпоса. В уже упоминавшейся книге Н. О. Шаракишиной «Героический эпос бурят» с большей или меньшей обстоятельностью рассмотрены сюжеты, идеи и образы улигеров, их композиция, поэтический язык и стиль; специальные разделы посвящены отражению в улигерах эстетических воззрений народа¹³, древних идеологий и общественных отношений, хозяйства, быта и пр. Исследовательнице удалось не только сделать много ценных наблюдений, но и убедительно показать народный характер улигеров, взвешать накопившиеся неверные представления об эпосе, его идеологии и связях с жизнью. При всем том автору подчас недостает взгляда на эпос «изнутри», со стороны свойственных только ему специфических закономерностей. Так, на стр. 105—127 Н. О. Шаракишина прослеживает, как отражены в улигерах охота, рыболовство, скотоводство, земледелие, ремесло и изображены жилище, одежда, пища, предметы домашнего обихода. В качестве квалифицированно и внимательно сделанной сводки обширных и пестрых данных эта часть книги, несомненно, полезна. Но следовало бы учесть, что предметные списания и изображения в эпосе редко присутствуют сами по себе, они «пропущены» сквозь призму своеобразного эпического сознания, они живут в эпическом контексте и обладают некоторыми характерными эстетическими качествами. В частности, предметным описаниям свойственны ситуативность, функциональность и эпическая экспрессивность. Вне учета этих особенностей характеристика «отражений» неизбежно оказывается и неполной, и односторонней, и самое главное — мало проясняет сложный вопрос о взаимоотношении эпоса с действительностью.

В монографии А. Уланова «Бурятские улигеры» привлекает настойчивое стремление подняться над традиционно описательным подходом к поэтике эпоса и рассмотреть ее элементы в связи с общим характером эпоса, особенностями эпического историзма, динамикой эпического творчества в целом. Так, метод изображения человека в улигерах ставится в связь «с характером познания, мировоззрения, ступенью общественной жизни, когда еще не было разграничения логического и образного познания» (стр. 57), и соотносится в его генезисе с периодом магеринского рода. Такой взгляд, сколь бы ни был он дискуссионным, позволяет А. Уланову заново истолковать ряд особенностей улигеров. Особого внимания заслуживает, в частности, мысль о том, что эпические «общие места» обусловлены прежде всего не техникой исполнения, а коллективностью эпического творчества и вытекающей отсюда «однородностью» содержания и формы улигеров (стр. 62—64). Жаль, что объем книги не позволил автору ни развернуть многие тезисы, ни прокомментировать их на текстовом материале. Впрочем, А. Уланов принадлежит к числу тех ученых, которые предпочитают сжатое, лаконичное изложение и рассчитывают на то, что «о недосказанном пытливые читатели догадуются и „достроят дом“, допоят или дорасскажут улигер» (стр. 5).

Поэтике и истории улигеров посвящены также содержательные статьи М. Тулохонова¹⁴, С. Чагдурова¹⁵, Р. Шерхунаева¹⁶. Первая из них интересна тем, что автор исследует произведение, героем которого является реальное историческое лицо, а не архаический вымышленный персонаж. В связи с этим становится возможным рассмотреть вопрос об эволюции историзма в эпосе, о смене жанров, о возникновении бурятских исторических песен. Весьма содержательна вторая статья, в которой последовательно проводится мысль о том, что эпическое произведение «есть прежде всего определенная художественная структура, состоящая из каких-то специфических, присущих только ему элементов» (стр. 206, 207), и сделана попытка выявить основные уровни (или группы) структурного изучения. Замечу здесь, что структура содержания эпического произведения пока еще известна нам крайне недостаточно и включает такие элементы (подтекст, второй сюжетный план и др.), которые не всегда могут быть выявлены, вопреки утверждениям автора статьи, «через речевую структуру».

Отрадным является выход статей по эпосу других народов Сибири. Надо отметить, в частности, работы В. Е. Майногашевой по хакасскому эпосу. Ей принадлежит содержательный обзор истории собирания, публикации, изучения эпических памятников¹⁷. Автор стремится строго критически и принципиально оценивать результаты прежних работ, отмечает их недостатки (в частности, случаи искажений подлинно народных текстов, отсутствие подлинно научных публикаций). Можно приветствовать намерение Хакасского института языка, литературы, истории дать научные двуязычные публикации эпических произведений. Две статьи того же автора посвящены хакасскому героиче-

¹³ См. также статью: Н. О. Ш а р а к и ш и н о в а, Отражение эстетических воззрений народа (по мотивам бурятских версий «Гэсэра»), сб. «Эстетические особенности фольклора», Улан-Удэ, 1969.

¹⁴ М. Ту л о х о н о в, Историческая основа песен о Шоно Баторе, сб. «Бурятский фольклор», «Труды Бурятского ин-та общественных наук», вып. 8, серия филологическая, Улан-Удэ, 1968.

¹⁵ С. Ш. Ч а г д у р о в, Речевая структура улигеров как национальная форма искусства (к истории изучения), сб. «Эстетические особенности фольклора», Улан-Удэ, 1969.

¹⁶ Р. А. Ш е р х у н а е в, Эстетические воззрения бурят в улигерах, сб. «Эстетические особенности фольклора», Улан-Удэ, 1969.

¹⁷ В. Е. М а й н о г а ш е в а, Об изучении героического эпоса хакасов, «Известия СО АН СССР». Серия общественных наук, вып. 1, № 1, Новосибирск, 1967.

скому сказанию «Алтын-Арыг»¹⁸. В. Майногашева знакомит нас с эпическим сказанием, до сих пор не известным русскому читателю, выявляет в нем архаические черты и мотивы более поздние, устанавливает связь его содержания с внутриплеменными конфликтами.

Нет сомнения, что дальнейшее изучение хакасского эпоса во многом будет зависеть от того, как скоро и на каком научном уровне будет осуществлено его издание.

Работа о шорском эпосе принадлежит А. И. Чудоякову¹⁹. Статья эта вполне современна и по проблематике, и по подходу к материалу. В ней затрагиваются вопросы структуры сюжетосложения, т. е. ключевые вопросы для понимания эпоса. Очень интересны наблюдения над песнями о героическом сватовстве, изучение которых вообще является принципиально важным, поскольку эта сюжетная тема проходит через народный эпос от его возникновения как вида фольклора до самых позднейших его форм.

* * *

Специального внимания заслуживают работы (и соответствующие разделы монографий и статей) об эпических певцах, их искусстве, «школе», традициях и т. д. Тема эта для современного эпосоведения, несомненно, одна из центральных. Исполнение — не формальный момент в существовании эпоса. Исполнение, равно как и усвоение, заимствование, хранение в памяти, передача от поколения к поколению, все это составляет естественную внутреннюю жизнь эпоса, вне всего этого эпос просто не существует; будучи «записан», он превращается в литературный памятник, утрачивая многие неповторимые свои качества.

В изучении народных певцов и традиций передачи и хранения эпоса велики заслуги «русской школы» фольклористики. Наиболее значительный вклад в эту область эпосоведения за последние десятилетия внесла А. М. Астахова, благодаря усилиям которой наука получила множество точных свидетельств и обобщений, касающихся последних хранителей былинного эпоса. В зарубежной науке широкую известность получили работы М. Парри и А. Лерда об искусстве южнославянских гуслей, имеющие принципиальное значение. Беспорны и достижения в изучении мастеров эпоса народов СССР. При всем том нельзя избавиться от горького ощущения, что сделано непросто, что многое непоправимо упущено. Сейчас, когда живое эпическое искусство угасает, работы, основанные на непосредственных наблюдениях за певцами, на рассказах очевидцев, на восстановлении даже отрывочных сведений, чрезвычайно важны. Необходимо зафиксировать как можно больше свидетельств, используя при этом всю современную технику. Столь же важно не ограничиваться, так сказать, эмпирическими задачами, но вести исследование, постоянно выдвигая все новые теоретические проблемы, прибегая к различным экспериментам, используя опыт социологического анализа и т. д.

В сущности, по-прежнему остается загадкой, как овладевает певец эпической традицией, как он ее хранит и развивает. Далеко не все ясно в вопросе о взаимоотношении памяти и творческого акта в процессе исполнения: идет ли речь о простом воспроизведении выученного текста (с элементами импровизации «по ходу») или о воссоздании всякий раз текста как бы заново.

Столь же недостаточно проясненными остаются вопросы о психологии эпического певца, о его понимании содержания эпоса, о его умении выразить это понимание логически, о власти над ним «эпического сознания» и многое другое.

Работы последних лет по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера содержат немало интересного для выяснения обширного круга всех этих проблем. Здесь можно назвать прежде всего работы, посвященные отдельным сказителям²⁰. В них можно почерпнуть ценные сведения, представляющие общий интерес: о роли семейных традиций в усвоении эпоса, о самом процессе формирования эпического сказителя, о взаимоотношениях между певцами, о роли традиционных состязаний сказителей, о самом понятии «плохого» и «хорошего» знания эпоса, о типовых ситуациях, в которых происходило исполнение (а значит и усвоение новыми певцами) произведений, и многое другое. К сожалению, авторы лишены возможности (а в тех случаях, когда она есть, не используют ее) сопоставить тексты «учеников» и «учителей» с тем, чтобы проследить

¹⁸ В. Е. Майногашева, Образ Хуу-Иней, в хакасском героическом эпосе, сб. «Исследования по языку и фольклору», вып. 1, Новосибирск, 1965; ее же. Идейное содержание хакасского героического сказания «Алтын-Арыг», «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XII, Абакан, 1966.

¹⁹ А. И. Чудояков, Развитие шорского эпоса в рамках эпического повествования, «Материалы к предстоящей VII Научной конференции Новокузнецкого педагогического института». Серия филологическая, 1967.

²⁰ См. Р. А. Шерхунев, Сказитель Пеохон Петров. Очерк жизни и творчества, Иркутск, 1969; Т. Г. Тачеева, Хакасский хайджи С. П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения), «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XI, 1965; И. Мадасон, Папа Тушемиллов, сб. «Бурятский фольклор», Улан-Удэ, 1968; А. Уланов, Пеохон Петров (сто лет со дня рождения), там же; М. Хомонов, Улигеры в исполнении Буры Барнакова, там же; см. также соответствующие разделы книги Н. О. Шаракшиной «Героический эпос о Гэсэре».

эволюцию. Такого рода анализ может существенно дополнить другие наблюдения и свидетельства.

Сами по себе творческие портреты сказителей, данные в статьях, исключительно интересны. Чего стоит, например, рассказ М. Хомонова об улигершине, который в течение сорока лет жил вдали от дома и, чтобы совсем не забыть улигеры, пел их по ночам для себя в постели. Или воспоминания Папы о том, как он боялся одного сказителя и избегал состязаний с ним и как скучно ему теперь на гулянках, потому что не с кем состязаться в песнопении — теперь все боятся его.

В статье Т. Тачеевой приводится генеалогия певца (хайджи) Кадышева, которая обрывается на 1760 (!) году. Двухсотлетняя семейная традиция — не редкость среди сибирских сказителей. Такая преемственность и длительность — залог устойчивости прочности и естественности развития эпоса.

В ряде работ последнего времени предприняты опыты обобщенных характеристик сказителей и анализа типовых моментов исполнения эпических песен. Особенно ценно стремление внести в эти характеристики историческое начало. Так, интересно (и спорно) высказанное Г. М. Василевич предположение о первоначальной связи между сказителем и шаманом и даже о совпадении функций того и другого в одном лице, а также мысль о том, что «шаманство в формах камлания наследовало много от форм сказа»²¹. В статье об исполнении улигеров А. Уланов высказывает обоснованное предположение, что «в древнее время они исполнялись, вероятно, только перед охотой или походом» и «главное назначение улигеров — содействие успеху... героев»²². Согласно А. Уланову, «исполнение бурятских улигеров шло от практической цели к искусству — состязаниям, исполнению для развлечения, для эстетического удовольствия; от слитности улигершина с коллективом к его выделению из массы, к осознанию личности мастера, *хотя этот процесс еще не завершен у бурят* (курсив мой. — Б. П.); от отношения к слову как к непосредственно действующему началу, к отношению к нему как к средству воздействия (еще недостаточно осознанному)»²³.

Г. Василевич, А. Уланов и другие исследователи отмечают принципиальную установку сказителей на точное сохранение эпического текста при усвоении и исполнении. «Улигер нельзя сокращать, нельзя его переделывать, перекривать, говорить по-другому, чем сказывали раньше... Это не только неписаный закон, но и критерий оценки исполнения, отношения к сказителю», — пишет А. Уланов в приведенной выше статье (стр. 98). И он же отмечает постоянную и закономерную эволюцию эпоса: «Жизнь, помимо желания улигершинов, вопреки их стремлению сохранить традицию, врывается в организм улигеров» (стр. 101). Вопрос о взаимоотношениях того и другого, о темпах и масштабах перемен требует конкретного изучения, которое, однако, затрудняется недостатком текстов для сравнения. Здесь много могли бы помочь повторные записи, записи «по следам» прежних собирателей.

В известной мере на этот вопрос проливает свет статья М. Хомонова²⁴. Он сопоставляет мастерство отдельных певцов, стремится выяснить, «как велика их память и эрудиция», насколько они способны к импровизации. Автор приводит вариации формул, сопоставляет различные разработки одинаковых по содержанию мест, выявляет разные трактовки одних ситуаций. В результате ему удается до известной степени подметить индивидуальность певцов, принадлежность их к разным «школам», а также указать возможности и границы их творческого участия в тексте. Однако вопрос о степени устойчивости текста в исполнении одного и того же певца остается за пределами данной статьи.

В названных работах содержится много ценного и свежего материала по вопросу об исполнении эпических песен. Разнообразие исполнительских принципов, скажем, в якутских олонхо, бурятских улигерах, эвенкийских сказаниях, ненецких песнях очевидно. Важнее, однако, то обстоятельство, что в рамках этого разнообразия есть ряд совпадений и параллелей и что дальнейшее сопоставительное изучение может выявить известную типологию эпического исполнительства. Элементы этой типологии тем более важны, что в классических формах эпоса они утрачены, а иногда обнаруживаются в виде слабых следов. Чрезвычайно интересны факты, указывающие на прямое участие слушателей в исполнении улигеров и эвенкийских сказаний, на своеобразный диалог хора и сказителя, а также на случаи формульного реагирования — отклика слушателей. Надо отметить очень интересную статью И. Пухова, показывающую сложный характер исполнения якутских олонхо, исполнения, сочетающего искусство поэтическое с драматическим и даже вокальным²⁵. И. Пухов специально останавливается на песенных частях олонхо и характеризует редчайшее искусство олонхосутов — умение создать «двухголосие», сочетать пение текста с передачей голосов птиц и зверей, способность одновременно петь «голосом героя» и передавать дополнительную звуковую окраску, выражать голосом перемены в содержании олонхо.

²¹ Г. М. Василевич, Исторический фольклор эвенков, стр. 8.

²² А. И. Уланов, Исполнение улигеров, Сб. «Фольклор народов Сибири», стр. 92. Ср. его же, Бурятские улигеры, стр. 7.

²³ А. И. Уланов, Бурятские улигеры, стр. 22.

²⁴ М. П. Хомонов, О мастерстве улигершина, сб. «Фольклор народов Сибири».

²⁵ И. Пухов, Характеристика голосом в песнях олонхо, «Полярная звезда», Якутск, 1969, № 4.

Статья эта — лишнее доказательство того, какие ценнейшие наблюдения можно еще сделать в области исполнительства и как они могут по-новому раскрыть перед нами живой народный эпос.

В заключение мне хотелось привести слова из книги А. Уланова, которые можно рассматривать как призыв к возможно более широкой, не терпящей отлагательств, вдумчивой работе над живым (пока еще живым!) эпическим наследием: «Со сбором материалов по эпосу надо спешить: молодое поколение не знает эпических традиций, у него другие интересы, у него имеются возможности в свободное время заниматься спортом, искусством, творчеством. Это поколение эпосом... интересуется больше всего в плане знакомства с достоянием прошлого. Мы же, фольклористы, должны сохранить все материалы, собрать все об улигерах и их исполнителях не только для науки, но и для извлечения из них всего ценного, всего достойного для будущих поколений»²⁶.

Б. Н. Путилов

²⁶ А. У л а н о в, Бурятские улигеры, стр. 21.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Herausgegeben von Laszlo Földes, Budapest, 1969, 900 S.

В последние годы в мировой этнографической науке наблюдается некоторое оживление интереса к исследованию скотоводческих народов. В результате этих исследований были опубликованы новые работы, однако количество их еще далеко недостаточно. Поэтому появление каждого нового труда, в основу которого положен оригинальный полевой материал, — безусловно большое событие в этой области науки.

Рецензируемый сборник является продолжением издания, начатого девять лет назад¹, и многим выгодно отличается от предыдущего. Прежде всего широтой охваченных географических регионов и скотоводческих народов, разнообразием тематики, большим вниманием к серьезным теоретическим проблемам. Его авторский коллектив многочислен, ряд статей принадлежит советским исследователям.

Объем сборника довольно велик. Он насчитывает более 900 страниц и состоит из введения, 37 статей, заключений, словника и указателей. Рассмотреть все статьи сборника здесь невозможно, только перечисление их названий и самая краткая аннотация потребовали бы во много раз больше места, чем отводится для журнальной рецензии. Поэтому остановимся только на тех статьях, в которых затрагиваются, на наш взгляд, наиболее важные проблемы.

Подавляющая часть статей второго сборника, впрочем, как и первого, посвящена скотоводческим народам Европы и лишь некоторые — скотоводческим народам Средней и Передней Азии и Африки. Все без исключения статьи насыщены богатым и разнообразным фактическим материалом, в основном мало у нас известным. Многие из впервые публикуемых данных, полученных в экспедициях, могут иметь большое значение при решении теоретических проблем истории кочевого, полукочевого и пастушеского скотоводства.

Интересно в теоретическом плане предисловие редактора книги Ласло Фельдеша. Так, заслуживает внимания его мысль о глубоких исторических связях между пастушеством Европы и скотоводством Азии и Северной Африки. Автор предисловия прав, когда говорит, что такие проблемы, как одомашнивание животных, возникновение подвижного скотоводства и т. п. могут решаться только на широком фактическом материале, собранном во всех областях, где происходили эти процессы. Но некоторые его взгляды представляются спорными. Так, Ласло Фельдеш склонен считать, что определенные черты сходства в животноводческом хозяйстве народов Средней Европы и различных областей Азии объясняются главным образом прямыми заимствованиями и миграциями. Так объясняется возникновение «малого кочевничества Европы», происхождение которого связывается с прямыми заимствованиями у средневековых азиатских кочевников в эпоху великого переселения народов. Думается, что этот подход несколько односторонен. Нельзя, конечно, отрицать факторы влияния и заимствований многих элементов хозяйства, скотоводческой терминологии. Но предположение о том, что начало европейскому пастушеству было положено только вторгшимися азиатскими кочевниками, находится в противоречии с известными археологическими данными о развитии животноводства в последнединовое время. Не отрицая возможности различного рода миграций, в том числе и хозяйственно-культурных, следовало бы, думается, уделить также самое пристальное внимание проблемам конвергентного развития хозяйства,

¹ Первый сборник вышел в 1961 г. под названием: «Viehzeit und Hirtenleben in Ostmitteleuropa», Budapest, 1961.

выявлению общих закономерностей развития скотоводства в сходных условиях среды и общественного развития. Эта проблема весьма актуальна в плане исследования общих закономерностей развития хозяйства, общественной организации и социальной структуры скотоводческих народов.

Сборник открывает статьи, посвященные скотоводческим народам республик Советского Союза. Первая из них принадлежит перу известного советского этнографа и археолога С. И. Руденко и посвящена рассмотрению крупных теоретических проблем и задач исследования кочевничества на примере прошлого народов СССР (С. И. Руденко, «Исследования по кочевничеству»). Тематически статья распадается на две части. В первой говорится о возникновении кочевого скотоводства и его формах, во второй — об изучении традиционного молочного хозяйства. Рассмотрим проблемы, затронутые в первой части. Касаясь одомашнивания животных, С. И. Руденко выступает сторонником одной из наиболее вероятных гипотез, согласно которой domestикации подвергались главным образом молодые животные. Автор предлагает выделить три этапа-варианта развития кочевнического хозяйства: 1) часть племени (или его подразделения) обитает оседло, часть кочует более или менее длительное время на пастбищах, 2) все племя покидает весной зимник и кочует до поздней осени, 3) племя кочует круглый год.

По мнению автора статьи, этим трем вариантам соответствуют этапы развития скотоводства от отгонного хозяйства к кочевничеству. В целом эта схема представляется вероятной, но с оговоркой, что историческая действительность могла быть значительно сложнее, иными могли быть и ступени развития и варианты перехода к кочевничеству.

Начало массового содержания скота в Восточной Европе и степях Азии С. И. Руденко относит к позднеандоновскому, доскифскому периоду. Интересны его взгляды на причины развития подвижного скотоводства. Как полагает автор, как раз в это время сложились условия, способствовавшие интенсивному обмену между степным и оседло-земледельческим населением. Степняки, стремившиеся получить в обмен на скот как можно больше оружия и предметов роскоши, умножали свои стада, что, в свою очередь, вынудило их вести более подвижное пастбищное хозяйство, сначала отгонное, а затем кочевое. Эта гипотеза интересна, но, как думается, все же односторонняя. Так, исходя из этой гипотезы, трудно найти ответ на вопрос, почему именно на рубеже II и I тысячелетий до н. э. сложились наиболее благоприятные условия для развития обмена на обширных пространствах Евразии, и почему затем в результате этого процесса к кочевничеству не перешло все полуседлое население. Следует также заметить, что в эпоху, когда происходило интенсивное развитие подвижного скотоводства, в различных ареалах его становления существовали неодинаковые экономические, политические и другие условия. Неодинаковыми были и условия для развития обмена. Тем не менее, становление подвижного скотоводства происходило на обширных пространствах примерно одновременно. Спорной представляется также мысль С. И. Руденко о том, что первоначально к отгонному, а затем к кочевому хозяйству переходили только зажиточные хозяйства, тогда как менее богатые хозяйства оставались относительно оседлыми (стр. 24). Возможно, что в сравнительно небольших горных долинах Алтая такие процессы могли иметь место. Но на необятных пространствах степей и пустынь Евразии такая социально-хозяйственная дифференциация неизбежно вызвала бы крупные этнические последствия в виде полного разделения племен. Особенно трудно представить себе такую дифференциацию при частых тогда миграциях степного населения.

Рассматривая развитие скотоводства в степях Азии в XIX в., С. И. Руденко рисует интересную картину развертывавшихся тогда процессов. Однако следует отметить, что события рассматриваются несколько схематично (см. стр. 25). Между тем известно, что во всех областях Азии, где расселялись подвижные скотоводы, политические, хозяйственные и социальные условия заметно изменялись в течение столетия. Поэтому трудно, например, согласиться с высказываниями автора о том, что в XIX в. зимники и обрабатываемые земли от Урала до Восточной Монголии находились в частной собственности семей. Это справедливо только для отдельных областей, да и то к концу рассматриваемого столетия.

Малонисследованному вопросу — раннесемитскому кочевничеству — посвящена статья И. Хеннингера «О раннесемитском кочевничестве». Заслуживает внимания его методический подход к проблеме. Исследуя ее, он исходит из предположения, что семиты могут рассматриваться исключительно как языковая группа, и что они никогда не представляли собой пра-семитской культурной общности. Автор отмечает, что существующие фактические данные свидетельствуют о том, что самые ранние из известных семитских народов, обитавших в середине III тысячелетия до н. э. в Передней Азии, были оседлыми земледельцами. Историю кочевничества этих народов автор связывает главным образом с одомашниванием и распространением верблюда. Из-за ограниченного количества материалов автор смог лишь присоединиться к распространенному мнению о развитии верблюдоводства во II тысячелетии до н. э. Хеннингер высказывает сомнение в переднеазиатском происхождении верблюдоводства и склонен скорее допустить, что оно пришло из Средней Азии.

Интересен, но спорен раздел, в котором автор статьи пытается доказать наличие кочевничества среди семитских народов во II тысячелетии до н. э. Как думает автор, уже в это время кочевыми были часть израильских племен и прото-бедуны. Однако

исторические данные, приводимые автором, неопределенны, туманны и скорее позволяют говорить о полусоседности — таком состоянии хозяйства и быта, о котором Хеннингер даже не упоминает. То же самое можно сказать и о реконструируемом у части семитских племен «ослином кочевничестве» (*Eselpomadismus*) (стр. 52). Многие неточности в рассуждениях Хеннингера являются, очевидно, следствием того, что он не дал четкого определения понятию «кочевничество», вложив в него излишне широкий смысл.

Не лишена интереса статья А. С. Бежковича «Кочевое хозяйство и образ жизни киргизов (XIX — начало XX в.)». Автор, основываясь на интересном полевом материале, убедительно показывает общинный характер владения пастбищами. Поэтому некоторое удивление вызывают высказанные далее предположения о «родовых-феодальных» (?) отношениях у киргизов (стр. 111), противоречащие всему материалу, содержащемуся в статье. Не могу умолчать и о своем несогласии с выводом автора о том, что кочевание было первоначальным видом содержания скота (стр. 94). На этой проблеме нет нужды задерживаться, так как она детально освещена в рассмотренной выше статье С. И. Руденко. Но в целом описание хозяйства и быта киргизов выполнено весьма удачно.

Прекрасный материал и логически обоснованные выводы содержит интересная статья Б. Х. Кармышевой «Виды скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана».

Интересны две работы зарубежных авторов, из которых одна посвящена кочевникам Афганистана, другая — туарегам. Первая — «Кочевничество в Афганистане с приложением относительно молочных продуктов» — принадлежит перу К. Фердинанда, вторая — «Кочевничество и скотоводство у туарегов» — Ю. Николайсена. Авторы статей, используя методы традиционной этнографии, дают довольно подробный очерк хозяйства и быта этих народов. При недостатке этнографических данных приведенные материалы очень полезны.

Значительная группа работ посвящена интересной проблеме формирования скотоводческого населения в Средней Европе и его оседания на землю. Эти статьи написаны на основе широкого круга этнографических, археологических (палеоэтнографических), лингвистических и других источников.

С большим интересом читается работа С. Чалого «О кочевничестве захватывавших землю венгров (новый опыт установления фаз перехода к оседлости)». Автор предлагает оригинальную методику определения форм скотоводческого хозяйства и степени оседлости по сезонному распределению захоронений на кладбищах. Отсутствие на кладбище круглогодичных захоронений свидетельствует, по мнению автора, о подвижности хозяйства. Сопоставляя эти сведения с топонимическими и историческими данными, автор приходит к интересным выводам о путях развития земледельческой оседлости в средневековой Венгрии.

В нескольких работах рассматриваются вопросы формирования скотоводческого населения Карпат и валахская проблема. Решаются они авторами по-разному. Интересно в этом плане сопоставить статьи К. Добровольского «Замечания о методах исследования пастушеской культуры в Карпатах» и Д. Кранджалова «К вопросу о происхождении пастушества и его терминологии в Карпатах».

Первый автор склонен придавать большее значение в формировании скотоводческого населения Карпат пришлому элементу и его смешению, ассимиляции с местными жителями. Свои выводы Добровольский основывает главным образом на анализе языкового субстрата. Исследуя топонимику на различных хронологических этапах, он пытается наметить последовательность развития форм скотоводства в Карпатах: 1) старейшая кочевая, 2) отгонная, 3) сокращенная отгонная, 4) отгон стад на лето из деревень (стр. 209). Предложенная автором схема развития форм хозяйства вероятна, но недостаточно четко разработана и слабо аргументирована. Особенно это относится к предположению, что древнейший, кочевой тип скотоводства имеет балкано-румынское происхождение.

В свете решения этой проблемы важное значение имеет статья второго из названных авторов, посвященная вопросам возникновения пастушества и разбору словарного фонда населения Карпат. Анализируя исторические данные и словарный фонд валахов, Кранджалов выступает против предположения о том, что население Северных Карпат сложилось вследствие миграции туда румын из Семигорья (стр. 223). Он, основываясь на достаточно убедительном материале, отрицает румынское происхождение большей части субстрата валахского языка, а также так называемого «валахского права» (стр. 230, 231). Критикуя возрождающуюся гипотезу о том, что древнейшей хозяйственной формой у румын было кочевничество (стр. 229), автор не только критикует взгляды других авторов, но высказывает также интересные позитивные мысли (в частности, о происхождении валахов, которые сформировались, по его мнению, из украинских, польских, словацких, моравских, чешских, венгерских и немецких групп, переселившихся в Карпаты, стр. 229). Серьезного внимания заслуживает мысль о том, что румынская терминология, распространенная в области Тиссы и к северу от нее, никак не связана с прародиной румын и не может служить доказательством предположения об автохтонности румын к северу от Дуная. Тем более, что все основные слова обитающего там населения, относящиеся к скотоводству, славянского происхождения (стр. 238).

Ряд содержательных статей сборника посвящен описанию скотоводческого хозяйства в различных местностях Венгрии и Болгарии. Много места уделено в нем также описанию традиционного молочного хозяйства в самых различных европейских государствах.

Несомненный интерес вызывает статья О. Люрафи «Альпийский образ жизни, в частности, товарищества и хозяйственное освоение Альп и Тичино» об альпийском хозяйстве и скотоводческих объединениях в Тичино (Швейцария). Автор статьи приводит обширный фактический материал о формах распространенного там скотоводческого хозяйства и, что особенно важно, о видах собственности и об использовании пастбищ скотоводческими объединениями. Оказывается, что значительная часть пастбищ, перераспределяемых каждые 4—6 лет по жребию между группами (объединениями) животноводов (стр. 759 и след.), находится в собственности общины (общая собственность лиц, рожденных в общине «*Patriziat*»). Автор не ставит, к сожалению, вопроса о причинах бытования подобного рода собственности. Не пытается он и сопоставить свой материал с данными по другим скотоводческим народам и выяснить причины сохранения скотоводческих объединений, а ограничивается лишь замечанием, что они восходят к варварскому времени. Допустить, что в условиях высокоразвитого капиталистического хозяйства Швейцарии сохраняются без каких-то веских причин «варварские» традиции — совершенно невозможно. Очевидно, такие формы собственности существуют там в связи с совершенно определенными условиями и законами ведения скотоводческого хозяйства, вскрытыми в свое время К. Марксом. Сопоставление данных, сообщаемых Лурати о швейцарском скотоводстве, с данными о кочевниках и полукочевниках Азии наводит на серьезные размышления о существовании общих закономерностей у народов, ведущих скотоводческое хозяйство не только в области хозяйственных форм, но и в явлениях общественного порядка, в частности, в формах собственности, владении и пользовании пастбищами. Весьма любопытно, что сходные отношения собственности и условия пользования пастбищами у кочевых народов Азии определяются многими авторами как феодальные. Однако сама мысль о бытовании феодальных порядков в современной Швейцарии представляется нелепой, и к тому же противоречит данным, сообщаемым в рассматриваемой статье. Это обстоятельство также может навести на серьезные размышления о характере собственности на средства производства у подвижных скотоводов Азии.

Много интересных фактических данных содержат три заключительные статьи сборника об отгонном скотоводстве к северу от Альп (ФРГ), о пастушестве в Португалии и об отгонном скотоводстве в Норвегии.

Говоря о сборнике в целом, следует отметить, что его выход в свет — явление несомненно полезное. Включенные в него работы содержат богатейший фактический материал, интересные теоретические выводы. Вместе с тем нельзя не остановиться на его слабых сторонах. Так, во введении редактор сборника Л. Фёльдеш указывает, что составители старались включить в книгу материалы об исследованиях большого числа скотоводческих народов, сопоставить эти данные, сделать широкие теоретические обобщения. И действительно, в сборник оказались включенными работы не только по европейским, но и по азиатским народам. Однако органической связи между этими статьями не чувствуется. Если некоторые работы, написанные на европейском материале, обнаруживают между собой внутреннюю связь, логически развивают общие проблемы, то в «азиатских» материалах такая корреляция отсутствует. Ссылки на «азиатские влияния» и т. п. поверхностны и отрывочны. Между тем, как коротко было отмечено выше, сопоставление европейского материала с азиатским может дать важные научные выводы.

Другая слабая сторона сборника состоит, на мой взгляд, в том, что тематика его ограничена. В нем много интересных статей, содержащих общее описание хозяйства и быта тех или иных скотоводческих групп, работ, посвященных исследованию формирования скотоводческих народов, их оседания на землю. Особенно много статей посвящено традиционному молочному хозяйству. Это безусловно интересно. Однако хотелось, чтобы в сборнике рассматривались и такие важные проблемы этнографии, как общественная организация и социальная структура скотоводов, организация власти, формы эксплуатации.

Но, как известно, отмечать недостатки проще всего. Заслуги же редактора сборника, авторского коллектива несомненны, как несомненна научная ценность рассматриваемой публикации. Остается пожелать, чтобы вслед за вторым появились следующие издания, в которых еще шире и глубже ставились бы и решались наиболее существенные проблемы истории и этнографии скотоводческих народов.

Г. Е. Марков

НАРОДЫ СССР

Кавказский этнографический сборник, т. IV, М., 1969, 200 стр.

В очередной том «Кавказского этнографического сборника» включены исследования, посвященные слабо разработанным проблемам социальной истории, семейного быта и материальной культуры кавказских народов.

Сборник открывается статьей Н. Г. Волковой «Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв.» (стр. 3—54). В этой работе рассмотрены различные аспекты этнических процессов в пределах исследуемого региона: дан анализ изменений в национальном составе населения, вопросов двуязычия, процессов национальной консолидации, этнической ассимиляции и культурно-языкового взаимовлияния. На основе значительного фактического материала автору удалось показать многообразие и сложность этих процессов и выявить их тесную связь с социально-экономическим и политическим развитием закавказских народов. Н. Г. Волкова справедливо подчеркивает, что ее статья — лишь первая попытка исследования этнических процессов в Закавказье. Дальнейшее изучение этой проблемы естественно потребует привлечения широких этно-социологических материалов.

Вопросам истории семьи азербайджанцев Апшерона (1920—1950 гг.) посвящена работа А. Г. Трофимовой (стр. 183—198). Автор подробно рассматривает структуру семьи и взаимоотношения ее членов, показывает, как на основе социально-экономического прогресса исчезают такие пережитки прошлого, как многоженство, левират и т. п. Сопоставление современных статистических данных с дореволюционными позволяет автору проследить изменение брачного возраста, показать рост духовной культуры, преобразование семейных и общественных обрядов и традиций. Сделанные А. Г. Трофимовой выводы особенно ценны, так как в исследовании использованы материалы по истории Апшерона — родины азербайджанского пролетариата, в жизни которого в течение долгого времени тесно переплетались традиции крестьянского и рабочего быта. Анализ приводимых в статье материалов позволяет говорить о том, что в результате вовлечения населения в рабочую среду преодолеваются вредные обычаи, сохраняются же и развиваются лучшие обычаи и традиции.

В статье Г. А. Сергеевой «Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане» использованы полевые, литературные и архивные материалы. Здесь также рассматриваются проблемы семьи и семейного быта. Автор исследует роль женщины в семье и хозяйстве, а также соотношение мужского и женского труда в хозяйственной жизни дагестанцев в горах и на равнине. В статье показано, как с первых дней Советской власти партийные и советские органы Дагестана боролись за освобождение женщины, за вовлечение ее в общественное производство. В 1926 г. в Дагестане число занятых в производстве женщин составляло 10,5% от общего числа работающих, в 1930—27%, а в 1940 — уже 30%.

В 1950-х годах более 4 тыс. женщин преподавали в средних школах, техникумах и вузах. В 1968 г. только в области здравоохранения работало 6815 женщин. Приведенные автором факты ярко рисуют коренные изменения в положении женщин Дагестана за годы Советской власти.

Эволюцию лакского жилища в XVIII—XX вв. показал в своей работе Д.-М. С. Габиев (стр. 147—182). На основе большого полевого и литературного материала подробно описывается планировка горных поселений и жилищ, архитектурные особенности жилых построек, способ кладки стен, конструкции межэтажных перекрытий, интерьеры и т. п. Рассмотрены также различные народные обряды, связанные с постройкой жилищ. Статья богато иллюстрирована и представляет большой интерес для кавказоведов.

Несколько подробнее следует остановиться на монографическом исследовании Л. И. Лаврова «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.» (стр. 55—119), посвященном истории и культуре наиболее слабо изученных народов Северного Кавказа. Автор анализирует сложнейшие проблемы: 1) происхождение балкарцев и карачаевцев; 2) социально-экономическое положение этих народов; 3) их культуру и верования. Во введении дан обзор методики использования и трактовки различных (письменных, антропологических, этнографических, фольклорных, археологических и т. п.) источников.

Разбираются две основные гипотезы происхождения балкарцев и карачаевцев. В первой выдвигается мысль о происхождении этих народов от кавказских аборигенов, смешавшихся с аланами, болгарами и половцами. Вторая связывает их происхождение с половцами, смешавшимися с аланами. Л. И. Лавров — сторонник второй гипотезы. Рассматривая археологические материалы, относящиеся в частности, к истории северо-кавказских алан (они были одним из компонентов в формировании древних карачаевцев и балкарцев), автор соглашается с В. А. Кузнецовым, который, полемизируя с Е. П. Алексеевой, отмечает, что нельзя связывать кобанские каменные ящики с каменными выкладками над карачаевскими могилами XVII—XVIII вв. без привлечения большего промежуточного материала. Обряд погребения мог изменяться и заимствоваться. Между тем в данном случае мы имеем дело с непрерывным развитием кобанского обряда по-

гребения и кобанской культуры. Л. И. Лавров пишет, что у адыгов бывали бескурганные грунтовые ямы и курганы с колодами, что вполне можно объяснить влиянием половец в XIII — XIV вв. С таким же явлением мы сталкиваемся в Балкарии и Карачае, где примерно в это же время в исконно кавказские каменные ящики и склепы вставляются деревянные колоды-сандык¹ половецкого типа. В последнем случае речь также может идти не об изменении обряда погребения, а о сочетании двух элементов этого обряда.

Во втором разделе своей работы Л. И. Лавров дает яркую характеристику социально-экономического состояния Балкарии и Карачая. К этому разделу можно сделать единственное замечание: сваны не жили постоянно ни в Баксанском, как это утверждает автор, ни в других ущельях Балкарии. Они обитали в этих ущельях посезонно, что наблюдается и в наши дни.

Глубоко разработан Л. И. Лавровым вопрос об уровне и формах феодальных отношений. Приведены многочисленные факты, свидетельствующие о том, что Карачай и Балкария в XVII—XVIII вв. находились на стадии раннего феодализма. Это подтверждается письменными источниками первой половины XVII в., например, статейными списками русских послов.

В работе Л. И. Лаврова рассматриваются вопросы вассальной зависимости балкарских князей от кабардинских и о русско-балкарских отношениях. Скрупулезный анализ документов позволяет автору нарисовать довольно ясную и исторически верную картину. Приведенные в статье факты показывают, что различного рода дани, выплачиваемые балкарцами, носили всегда договорный характер. В данном случае имеется в виду плата за использование пастбищных угодий. Балкарцы уплачивали также дань кабардинским князьям за политическое покровительство, однако это не влекло за собой никаких ограничений во внешней политике балкарских князей.

Третий раздел работы Л. И. Лаврова посвящен культуре и верованиям балкарцев и карачаевцев. Здесь опубликованы эпиграфические памятники, свидетельствующие о появлении зачатков письменности у балкарцев. Чрезвычайно интересны приведенные в этом разделе материалы из обнаруженного автором редкого источника — ранее не публиковавшегося альбома Д. А. Вырубова с зарисовками архитектурных памятников Балкарии, большинство которых ныне уже разрушено. Автор убедительно доказывает факт проникновения ислама к карачаевцам и балкарцам из Дагестана и описывает ряд культовых и религиозных обрядов и празднеств балкарцев и карачаевцев.

В небольшой рецензии невозможно охватить все стороны многогранного труда Л. И. Лаврова. Это несомненно неоценимый вклад в кавказоведение вообще и в историю Балкарии и Карачая в частности.

Очередной том «Кавказского этнографического сборника» с большим интересом прочтут специалисты, занимающиеся историей и этнографией Кавказа.

И. М. Мизиев

¹ Х. О. Лайпанов, К истории карачаевцев и балкарцев, Черкесск, 1957, стр. 18, 19; И. М. Мизиев, Могиляник Кураят в Кабардино-Балкарии, «Археологические открытия 1968», М., 1969, стр. 125, 126.

Таджики Каратеги́на и Дарваза, вып. 1, 1966, 379 стр. с илл.; вып. 2, 1970, 312 стр. с илл.

Этнографы Таджикистана выпустили в свет очередной труд — вторую книгу капитального исследования «Таджики Каратеги́на и Дарваза», — результат многолетнего сплошного этнографического изучения различных районов республики. Читатели с нетерпением ожидают третьего выпуска, завершающего эту серию.

Первый выпуск, помимо общих сведений по географии и истории этого края и обзора литературы, дает характеристику состава и процесса формирования населения и его хозяйственной деятельности. Во втором выпуске рассматривается весь комплекс материальной культуры: поселение, жилище, одежда, пища. Как сказано в предисловии к первому выпуску, третий выпуск будет содержать исследование семьи и описание полного цикла семейных обрядов.

Авторы этого труда «стремились идти не от прошлого к настоящему, а наоборот, от настоящего к прошлому» (вып. I, стр. 5). Такой подход (отступающий от ставшего почти стереотипом рассмотрения явлений в их исторической последовательности) в этнографическом труде вполне оправдывает себя.

В рецензируемом издании развернута вся картина народного быта, в том числе и того нового, что принес советский строй, и традиционных национальных форм жизни, которые либо гармонично сливаются с новым, либо постепенно изживаются, если они несовместимы с современным бытом.

Горный Таджикистан, в состав которого входят Каратеги́н и Дарваз, относится к таким районам Средней Азии, где суровость природных условий и отдаленность от городских центров долгие годы задерживали ломку старого бытового уклада и спо-

способствовали сохранению там следов далекого прошлого. Вместе с тем это районы компактного поселения более или менее однородного таджикского населения, что обусловило сложение здесь в течение долгого исторического периода своеобразного центра самобытной таджикской национальной культуры. Авторы тщательно собирали и подготовили к публикации материалы, рисующие традиционный народный быт таджикского населения. Оно сумело приспособиться к неблагоприятным природным условиям, создать такие формы быта, которые помогли бороться с трудностями, использовать небогатые в прошлом возможности сделать жизнь более удобной, обеспечить выживание многих поколений и развитие их культуры. Более того, они смогли создать в этих скупых условиях живое, красочное искусство.

Короткий «Исторический очерк» (автор Н. А. Кисляков) содержит сведения о сословном и социальном строе во время господства здесь местных шахов, а потом во времена бухарского владычества. Большое научное значение имеют материалы о проявлении института феодального пожалования *танхо*. Они дополняют постепенно накапливаемые исследователями сведения о конкретном выражении этого феодального института в отношении самого низшего слоя держателей пожалования — самых мелких *танходоров*¹.

Автор характеризует административное устройство края в тот период, когда он находился под властью бухарского эмира. Интерес представляет и описание до недавнего времени неизвестного звена в структуре эмирской администрации — почти автономного «мирдари хона», в котором автор справедливо усматривает «реликт прошлого административно-территориального устройства страны» (стр. 37). Большое внимание Н. А. Кисляков уделяет административному устройству в советское время. В очерке кратко излагается история становления Советской власти, зарождения и развития колхозного строя.

Раздел «Население» (автор Р. Я. Неменова) — это глубокое исследование различных этнических групп, живущих в Каратегине и Дарвазе, их происхождения (по народным историческим преданиям) и расселения. Автор по-новому характеризует процесс сложения населения этих горных местностей; в прошлом оно было значительно более подвижным, чем население равнин, особенно районов древнего орошаемого земледелия, где исторически сложившаяся система каналов и водопользования служила мощным стимулом прикрепления населения к месту жительства его предков. В горах этот стимул тоже существовал, но не имел такой силы, так как там не было таких мощных водных систем, которые складывались веками. При неблагоприятных условиях (недород и т. п.) горцы нередко видели в переселениях единственное средство улучшения, а иногда и спасения своей жизни. Основную роль в миграционных процессах играло периодически повторяющееся перемещение жителей близких районов. В результате население многократно перемешивалось и скрещивалось, пополнялось новым, но преимущественно родственными компонентами. Наряду с этим на формирование местного населения воздействовали факторы и более широкого значения, приводя в малогостеприимные горные районы переселенцев с равнин, в частности, из таких центров как Бухара и Самарканд. Вследствие этих процессов образовалось современное население Каратегина и Дарваза. Исследователю удалось проследить основные направления наиболее важных миграционных потоков, в результате которых современное население Каратегина окончательно сложилось, по-видимому, в течение последних двух-трех столетий (стр. 57), в то время как население Дарваза, которое имело этнические связи, с одной стороны, с Ванчем и Юго-западной частью Куляба, а с другой, — с Припамирьем, сложилось в более отдаленные времена (стр. 55).

В основной части первого выпуска рецензируемой работы подробно рассмотрена хозяйственная деятельность населения края в прошлом и настоящем (авторы М. Р. Рахимов — «Сельскохозяйственные занятия населения», Н. Н. Ершов — «Домашние промыслы и ремесла»). Материалы, содержащиеся в этих разделах, очень ценны. Описанные в этих разделах хозяйственные навыки таджиков доказывают, как успешно сумели они, жители горных районов, приспособиться к особым природным условиям. В этом плане значительный интерес представляют своеобразные формы кооперации при обработке молочных продуктов. Сложившиеся еще, вероятно, в древности, эти формы кооперации можно рассматривать как проявление древних общинных отношений и как наиболее рациональный в тех условиях способ организации молочного хозяйства, позволявший каждой семье, при малом количестве скота и его низкой продуктивности, делать необходимые для зимы запасы.

Н. Н. Ершов в своем разделе дает характеристику кузнечного дела, ткачества, гончарства и обработки дерева, приводит ценные сведения по истории техники у народов Средней Азии. Подробные, очень хорошо составленные описания техники изготовления и самой выпускаемой продукции сопровождаются многочисленными иллюстрациями, которые дают возможность представить себе техническую сторону промысла и разобраться в самой сути используемых в нем приемов. В этом смысле рецензируемый раздел можно признать образцовым. Хорошо освещены вопросы обмена,

¹ М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период, Сталинабад, 1957, стр. 41, 134—141; О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв., Ташкент, 1954, стр. 209.

система обучения и получения доступа к занятию ремеслом. В этом отдаленном горном районе ремесло стояло на одной из ранних ступеней своего развития, поэтому приведенные данные имеют значение для понимания развития ремесленного производства вообще. На этом этапе искусство носило прикладной характер и в связи с этим проблемы развития искусства включены в раздел, посвященный ремеслу.

Как продолжение рассмотренного нами исследования читаются разделы второго выпуска, изданного в 1970 году. Вместе с тем этот выпуск имеет и самостоятельное значение, представляя собой монографию по материальной культуре таджиков Каратегина и Дарваза.

В разделе о жилище (автор А. К. Писарчик) большое внимание уделено приемам строительства, материалам, архитектурному декору и организации всех строительных работ. Автор проанализировал характер и планировку как современного, нового по своей архитектуре и виду жилища, так и, особенно подробно, старинного жилища.

Раздел «Жилище» может рассматриваться как часть исследования ремесла, основные материалы о котором помещены в первом выпуске.

Вместе с тем, во втором выпуске, посвященном материальной культуре, жилище и народная архитектура рассматриваются как неотъемлемые части материальной культуры этого района. А. К. Писарчик наметила в старинном жилище изученного района два типа. Первый — связан с жилищем других районов Средней Азии; он назван «равнинно-каратегинским». Этот тип жилища распространился, по сообщению пожилых людей, в начале XX в. Второй тип — исконный, местный, назван «припамирским». Выводы автора вполне подтверждаются приведенными в книге описаниями и имеют большое значение для установления типологии среднеазиатского жилища. Выделение этих двух типов жилища (второй подразделяется еще на два подтипа) следует признать очень важным результатом работы.

Большое значение имеет также типология селений (они разбиты на три типа). При этом особенности каждого типа, по мнению авторов (А. К. Писарчик и Р. Л. Неменова, стр. 12 и дальше), объясняются своеобразием сельскохозяйственного хозяйства того или иного микрорайона и, таким образом, они обусловлены, с одной стороны, природными, а с другой, — сложившимися там историческими условиями. Очень ценно, что авторы не ограничились рассмотрением собственно жилища и дали также характеристику усадьбы, что особенно важно, так как этот вопрос в литературе освещен слабо. Специально выделено архитектурно-декоративное оформление зданий.

В том же разделе дано и описание общественных зданий. Именно через них прежде всего в горные районы приходит современная архитектура и строительные приемы, которые постепенно начинают использоваться и в жилом строительстве.

В заключение отмечается, что уже в 1952—1957 гг., в Дарвазе и Каратегине происходил процесс перехода от старого традиционного жилища к новому, более благоустроенному; в быту населения появляются современные красивые и удобные вещи. Вместе с тем, как отмечено, сохраняет свое значение и традиционное жилище. Следует однако отметить, что в этом разделе недостаточно глубоко рассматривается убранство жилища и утварь.

Очень подробно освещаются вопросы, связанные с народным костюмом («Одежда» автор З. А. Широкова). Выделены основные типологические формы всех видов одежды, прослежено их географическое распространение. Таким образом, создана основа для картографирования народной одежды, что имеет важное значение для работы над составлением историко-этнографического атласа народов Средней Азии. Подробно описаны способы изготовления различных предметов одежды, приемы покроя и шитья, употребляемые при этом швы. Рассматриваются способы украшения одежды вышивкой и пр. Автор вскрывает магическое значение, которое придавалось раньше отделке одежды. Особо выделен вопрос о прическах, среди которых еще недавно различались возрастные формы. Одежда описывается полно и точно, дана характеристика ее отдельных частей и целых комплексов народного костюма людей разного возраста, в частности костюма ритуального. Это свидетельствует о том, что материалы собирались в среде их бытования с большой тщательностью.

Выделены типы украшений, входящих в народный костюм, которые распространены в изученных районах, подробно описан способ ношения отдельных украшений в цельном комплексе. Особо отмечается значение украшений в костюме новобрачной.

В разделе об одежде, в котором нашли отражение некоторые вопросы, уже освещенные в литературе, автор выделяет основные типы женской рубахи-платья и высказывает соображения об эволюции этого типа одежды. Это позволяет выделить самый старый покрой рубахи, в которой можно видеть исходную форму среднеазиатской наплечной одежды вообще. В дальнейшем из нее выделились и развились другие виды наплечной одежды. Много раз в литературе описывались знаменитые таджикские свадебные лицевые занавески-рубанды. Но только в рецензируемой работе впервые описана техника их выполнения, приводятся сведения и о ритуалах, с которыми связано их употребление.

Во втором выпуске «Таджиков Каратегина и Дарваза» помещен небольшой раздел об узорных изделиях из кусочков разных тканей («Узорные изделия из кусочков материи», авторы А. К. Писарчик и М. Хамиджанова). Такие изделия имеют в Средней Азии широчайшее распространение, они считались настолько обычными, что им не при-

давалось особого значения, и в литературе они не освещались. Между тем в быту эта, казалось бы, малозначительная область материальной культуры, играла весьма важную роль. Изделия из кусочков материи сшивались так искусно, образовывали такие красочные узоры, что играли немалую роль в украшении жилища. Как оказалось, узором из тканей разного цвета в прошлом придавался магический смысл. Вещи, сшитые из кусочков тканей, имели специальное ритуальное значение, что само по себе доказывает древность этого скромного явления национальной культуры не только таджиков, но, вероятно, и других народов Средней Азии.

В плане изучения народной культуры традиционная пища таджиков Каратегина и Дарваза, как и вообще народов Средней Азии, принадлежит к наименее разработанным темам. Между тем, в жизни каждого народа характер пищи, способы ее приготовления и распорядок питания очень важны. Они зависят, с одной стороны, от направления хозяйства, а с другой, — определяются глубокими и прочными традициями. В данной работе раздел о пище (автор Н. Н. Ершов), невелик и содержит в основном сведения об употребляемых в пищу продуктах и способах приготовления разных блюд. Сообщается как едят то или иное блюдо. Так же как и в предыдущих разделах, здесь отражено то новое, что вошло в быт в советское время.

Размеры рецензии не позволяют остановиться на других разделах рецензируемой работы («Охота», автор Н. Х. Нурджанов, вып. I, «Народная медицина», автор Н. Н. Ершов, II вып.), которые содержат новые важные сведения.

Мы уже говорили о широте поставленной задачи и о богатстве приведенных данных. Вместе с тем нельзя не отметить еще одну важную сторону издания. Все разделы насыщены уникальным и исчерпывающим терминологическим материалом. Приведены не только термины (и притом много старых и специальных), но и подробно и очень конкретно показано их значение, а нередко — рисунком и внешний вид обозначаемых терминами предметов. В рецензируемой работе содержатся богатейшие материалы для лексикографов и составителей толковых словарей и, вероятно, для историков языка.

Ценное как монографическое исследование, отражающее традиционную таджикскую культуру в ее местном варианте, рассматриваемое серийное издание служит вместе с тем необходимым источником для проводимой в СССР и во многих странах мира работы по составлению историко-этнографических атласов различных народов. Приведенный материал необходим для выяснения ареалов культурных явлений, установления их связи с этническим происхождением тех групп, у которых они наблюдаются или имелись в прошлом. Если учесть, что в Таджикистане уже издан подобный труд о таджиках долины Хуф, подготовлены работы о таджиках долины Варзоба и верховьев Зеравшана, проведены полевые исследования в некоторых районах Куляба, то ясно, какие возможности для составления атласа имеют этнографы Таджикистана, бесспорно, занимающие первое место среди этнографов среднеазиатских республик и Казахстана в отношении накопления и обработки материалов, пригодных для картографирования.

Первый и второй выпуски этой большой монографии подготовлены и изданы очень тщательно. Авторы поставили перед собой определенную задачу и выполнили ее очень хорошо. Можно было бы пожелать больше обобщений и сопоставлений, но нельзя забывать, что перед нами лишь часть обширной серии и только после окончания работы можно будет сделать достаточно обоснованные и глубокие выводы о таджикской культуре в целом. Этот цикл исследований был в свое время очень широко задуман крупным ученым М. С. Андреевым. Оба выпуска органически входят в крупнейшую общую этнографическую работу нашего времени — составление историко-этнографических атласов. Этнографы Таджикистана задумали и организовали исследования в этом направлении прежде, чем советскими этнографами были сформулированы задачи атласа. Следует продолжать эту грандиозную работу по сплошному этнографическому обследованию Таджикистана. Вызывает только беспокойство, что в сообщении о содержании третьего выпуска ничего не говорится о народных верованиях, которые хранят особенного много следов далекого прошлого, связанного с этногенезом и историей культуры народа. Следовало бы этому вопросу посвятить специальный раздел, а не только попутно затрагивать его в описаниях быта.

Хотелось бы пожелать лучшего типографского качества издания. Если оно стоит на достаточно высоком уровне в отношении обработки текста (ответственные редакторы Н. А. Кисляков и А. К. Писарчик, редактор издательства Е. Г. Кацабенко), если неплохо получилось графически выполненные иллюстрации, то качество фотографий — крайне низкое. Между тем, фотографии служат не только украшением книги, но и являются ценным документом. Может быть благодарнее изготовлять прорисовки, сохраняя фотографии в архиве как документ для издаваемых книг.

О. А. Сухарева

Х. Аргынбаев. Казактын мал шаруашылыгы жайында этнографиялык очерк. Алматы, 1969, 170 стр. (на казахском яз.)

Рецензируемая книга написана казахским этнографом и посвящена исследованию проблем скотоводческого хозяйства казахов в дореволюционное время. Работа основана главным образом на полевых материалах, собранных автором почти по всей территории республики; широко использована также литература, интересные сведения извле-

чны из казахского фольклора и исторических архивов. Не последнее место занимают в книге и статистические данные, проливающие свет на многие сложные явления дореволюционного хозяйства и образа жизни казахского народа.

Сбор полевых, литературных и архивных материалов осуществлялся автором по обширной программе Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана¹, поэтому в книге рассматриваются самые различные вопросы народного опыта и знаний, связанные с разведением и содержанием домашних животных в дореволюционном Казахстане. Весь материал, согласно общим принципам сбора данных для историко-этнографического атласа, по возможности излагается с географической локализацией, что является необходимым условием для этнографического картографирования.

Во введении автор говорит о значении скотоводческого хозяйства в жизни кочевых и полукочевых казахов в дореволюционный период и определяет задачи своего исследования.

В первом разделе книги автор характеризует природно-климатические особенности Казахстана и, привлекая статистические материалы, рассматривает вопрос о влиянии географической среды на состав стада в различных природных зонах. Основное внимание Х. Аргынбаева сосредоточено на описании четырех главных видов скота, называемых у казахов «төрт тулік мал», это — лошади, верблюды, крупный рогатый скот и овцы. Далее приводятся сведения о местных породах домашних животных, об исключительно богатой терминологии, выработанной казахами для обозначения скота разного пола, возраста, масти, для животных, отличающихся какими-либо особыми приметами. Автор с большим знанием дела описывает способы таврения и клеймения животных, рассказывает о нанесении надразов (меток) на ушах овец; таблица на стр. 32 иллюстрирует разные виды и названия этих меток.

В этом цикле материалов очень интересны данные о формировании и развитии местных пород домашних животных, приспособленных к разнообразным природным зонам обширного края. Надо полагать, что помимо естественного отбора этому способствовал унаследованный казахами от своих предков опыт ведения скотоводческого хозяйства, народные способы селекции.

В течение столетий в разных географических условиях формировались и совершенствовались местные породы овец — баганалинские, едилбайские, адайские, жустанайские, иргизские, сарысуйские, каркаралинские, жетысуйские, зайсанские и другие, отличавшиеся друг от друга многими признаками. Как показывает автор, наряду с местными породами в Казахстане получали распространение и породы, заимствованные у соседних народов: в северных районах отмечалось наличие сибирских, а на юге — каракульских овец.

Х. Аргынбаев приводит также большой материал, характеризующий различные породы лошадей Казахстана. При этом он полемизирует со многими дореволюционными авторами, утверждавшими, что казахи не предпринимали никаких мер по улучшению пород своих лошадей, и весьма убедительно доказывает обратное. Уже в XVIII и XIX вв., по имеющимся данным, многие казахи понимали необходимость улучшения породы лошадей и занимались этим, главным образом, путем искусственного отбора, а также путем скрещивания местных особей с привозными аргамаками из соседних областей Средней Азии. В результате этого в конце XIX — начале XX в. на территории Казахстана сложилось не менее семи пород лошадей: западноказахстанская, адайская, аулиеатинская, центрально-казахстанская, жетысуйская, найманская и южноалтайская. О наличии в Казахстане разнообразных пород лошадей свидетельствуют литературные и архивные источники, а также казахский фольклор.

Особое значение казахи придавали иноходцам и очень высоко их ценили. Знатоки безошибочно определяли различные достоинства этого свойства лошадей; для каждой разновидности существовали определенные термины.

Отмечая наличие у казахов двух основных пород верблюдов — одногорбого и двухгорбого, Х. Аргынбаев приводит в книге интересные данные о результатах скрещивания этих пород. Казахи умели различать по внешнему виду, поведению и другим признакам несколько поколений потомков, появившихся от такого скрещивания. Опытные скотоводы проявляли исключительную наблюдательность и искусно производили отбор, избавляясь от неудавшихся, непригодных в хозяйстве гибридов. В книге приводится большое количество терминов, соответствующих различным разновидностям верблюдов.

Полемизируя со многими дореволюционными авторами (А. Левшиним, Л. Мейером, А. Алекторовым, А. Добросмысловым, Л. Костенко), которые ошибочно считали, что до второй половины XVIII в. казахи не имели даже понятия о разведении крупного рогатого скота, автор рецензируемой работы на основе своих полевых материалов, фольклорных источников и, главным образом, на материалах исследований советских археологов, производивших раскопки на территории древнего и средневекового Казахстана, убедительно доказывает, что преемники древних степных племен — казахи — еще задолго до XVIII в. имели и разводили (правда, в ограниченном количестве) местную породу крупного рогатого скота. Однако улучшением этой породы казахи почти

¹ С. М. Абрамзон, Программа для сбора материалов по теме «Животноводство». Региональное совещание по вопросам подготовки историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы. М., 1967, стр. 43—65.

не занимались. Даже попытки русских скотопромышленников, предпринимавшиеся в этом плане, не дали какого-либо ощутимого результата.

Второй раздел книги, посвященный исследованию организации животноводческого хозяйства казахов, включает большой круг вопросов. Здесь говорится об особенностях содержания скота в кочевых, полукочевых и оседлых хозяйствах, в степных, пустынных и горных районах в различные сезоны года. В связи с этим рассматриваются данные о размещении сезонных пастбищ, о способах выбора опытными пастухами пастбищ для разных видов скота по временам года; большое внимание уделено перекочевкам. Автор пишет, что каждое казахское родо-племенное объединение имело постоянные зимние и летние пастбища и определенные маршруты кочевок от одного водопоя к другому; об этом свидетельствуют полевые, архивные и литературные материалы, а также многочисленные легенды и другой фольклорный материал. Направление перекочевки у казахов было в основном меридиональным, лишь на Южном Алтае и в пределах Семиречья, где летние пастбища располагались в горах, имели место и вертикальные перекочевки. Расстояние между летними пастбищами и зимними стоянками измерялось в пределах от 20 до 1000 км в одну сторону.

Значительное место в работе отводится вопросам заготовки сена на зиму. Дается полное описание народных приемов сенокосения, сбора и перевозки сена к зимовкам. На основе поездных статистических данных конца XIX — начала XX в. создается ясное представление о степени развития сенокосения в различных районах края. Автор отмечает значительное прогрессивное влияние соседнего русского населения на казахов, способствовавшее развитию у них трудовых навыков заготовки запасов сена и соломы на зиму для скота на случай джуга (гололедицы, во время которой скот не может добыть корм), сильного снегопада и других стихийных бедствий. При описании содержания скота в зимнее время уделено внимание встречающимся типам открытых загонных и крытых помещений для скота. Автор, пользуясь историческими сведениями, пытается проследить динамику развития строительства скотопомещений у казахов.

Одним из наиболее важных и трудоемких процессов в скотоводческом хозяйстве казахов была организация водопоев, особенно в безводных пустынных районах, где часто располагались зимовки скотоводов. Это, в первую очередь, касается строительства колодцев на Устьурте, в песках пустынь Бетпакдала и Кызылкум, где глубина их доходила до 30—40 м. Строительство и использование подобных колодцев требовало от скотовладельцев затраты значительных средств, а от строителей — большого мастерства и тяжелого труда. На достоверном статистическом материале, относящемся ко второй половине XIX и началу XX в., дается география распространения различных типов колодцев и приводятся сведения о принадлежности их определенным категориям частных лиц или обществам. Эти данные проливают свет на социальные отношения, поскольку последние были у казахов-скотоводов непосредственно связаны с использованием водопоев и прилегающих к ним пастбищ.

Подробно описаны в книге народные способы содержания каждого из видов домашних животных по сезонам года. От правильного выбора зимовок и летних стоянок, от рационального использования пастбищ в зависимости от природно-климатических условий местности зависел успех скотоводческого хозяйства. Казахи были большими знатоками своих домашних животных и особенностей природы своего края и накопили богатый опыт пастбищного кочевого скотоводства. Полное этнографическое описание и обстоятельный анализ этого опыта дается в книге на высоком научном уровне.

На конкретном фактическом материале рассказано о пагубных результатах многих джугот. Подробно описывает автор тяжелые условия труда табунщиков, которые своим умением и отвагой спасали от верной гибели во время гололедицы или многодневных буранов тысячи голов лошадей. В книге говорится также об исключительно ценных, никем еще не описанных приемах опытных табунщиков по спасению огромных табунов от гибели в солончаках, глубоких снежных сугробах и др.

Не менее интересны материалы о способах пастбы и водопоя овец, верблюдов и крупного рогатого скота в различных районах Казахстана во все времена года. Много внимания автор уделяет описанию условий труда пастухов, разным формам их найма; все это иллюстрируется в книге конкретными цифрами и достоверными фактами, нередко записанными непосредственно у стариков, бывших до революции пастухами в байских хозяйствах.

В особые параграфы выделены в этом разделе такие темы, как получение приплода и воспитание молодняка, организация молочного хозяйства, стрижка овец, верблюдов и лошадей, способы приручения к седлу молодых лошадей и верблюдов, а также искусство некоторых лиц в определении качеств скакунов и в особом уходе за ними. Все эти вопросы освещаются почти исключительно на основе полевых материалов автора, благодаря которым в научный оборот впервые вводится большое количество интересных этнографических сведений. Дается также и описание народных обычаев, сопровождающих уход за скотом.

Третий раздел полностью посвящен народной ветеринарии у казахов и поверьям, связанным с болезнями скота. Не будучи знакомой с основами научной ветеринарии, казахи в результате многовековой скотоводческой практики сумели выработать множество народных способов лечения самых различных болезней домашних животных. В их богатом опыте много рационального, но, к сожалению, немало и бесполезных, а порой даже вредных приемов лечения. Народная ветеринария развита среди каза-

хов больше других областей народных знаний. Наглядным доказательством этого служит тот огромный круг вопросов, связанных с лечением животных, который рассматривается в книге Х. Аргынбаева. Автор сгруппировал болезни в следующей последовательности: инфекционные болезни; болезни внутренних (органов дыхания и желудочно-кишечного тракта) и внешних органов; переломы и вывихи; случайные болезни; болезни молодняка; заболевания от укусов ядовитых пресмыкающихся и насекомых; болезни, вызванные отравлением животных ядовитыми травами. Подробно описаны и верования казахов, связанные с заболеваниями животных и очень эффективные народные способы почти безошибочной диагностики заболеваний скота. Затем излагаются самые различные народные приемы ветеринарии.

Из многих способов и средств лечения болезней животных обращает на себя внимание смелое и, очевидно, далеко не бесполезное хирургическое вмешательство, широкое применение популярных лекарственных средств (опий, сулема, медный купорос, сера и др.), лекарственных трав (у коргасын, у сойны, нтсигек, кара андыз), а также табака, эфедры, полыни, лебеды и др. веществ, изготовляемых из местного сырья (косяной жир, самодельное мыло, древесный уголь и др.); некоторых покупных веществ (керосин) и продуктов питания (пищевая соль, сахар, кумыс, молоко и др.). Наконец, казахам были знакомы и методы искусственных прививок при оспе у овец и ящура у коров, эффективность которых доказана не только практикой, но и научной ветеринарией. Не ограничиваясь простым описанием народных методов лечения, автор по возможности оценивает их с точки зрения современной научной ветеринарии. Соответствующая интерпретация дается также обрядам и поверьям казахов, связанным с лечением животных. Х. Аргынбаев подробно описывает обряды, но вместе с тем и разъясняет их бесполезность, а в некоторых случаях и вредность.

Отметим некоторые недостатки, имеющиеся в работе. Так, на стр. 10 автор пишет, что в природно-климатическом отношении Западный Казахстан благоприятен преимущественно для разведения мелкого рогатого скота и верблюдов. Однако казахи, живущие в этих районах, наряду с указанными видами скота имели также довольно значительное поголовье крупного рогатого скота и лошадей. Так, в 1898 г. только в Актобинском уезде насчитывалось 117783 голов крупного рогатого скота (стр. 12). Это немалое количество для одного уезда. Еще больше крупного рогатого скота выращивали казахи, жившие в низовьях Сырдарьи и в Уральской области.

На стр. 11 говорится, что род шекты был расселен в Кызылкумах. Это неточно, шектлинцы жили и живут в основном в низовьях Сырдарьи, в районе Казалинска почти до Кызыл-Орды и по северному, северо-западному и восточному побережью Аральского моря.

Х. Аргынбаев выделяет только два вида загонов для скота: открытые и закрытые (см. стр. 46). Нам кажется, что видов загонов (как стационарных, так и временных) у казахов было больше: например, камышовые «калмак кора», войлочные «кийиз кора» и др.

Содержание работы вполне соответствует той цели и задачам, которые ставил перед собой автор. Это серьезное научное исследование, в котором на основе богатого историко-этнографического материала обобщается трудовой опыт казахского народа в области пастбищного кочевого скотоводства; при этом четко разграничиваются рациональные, эффективные и бесполезные, а порой и вредные приемы, имевшие место в дореволюционном скотоводческом хозяйстве казахов.

Нет сомнения, что книга Х. Аргынбаева представляет собой серьезный вклад в изучение агроэтнографии Казахстана и Средней Азии. Как сама монография, так и не вошедшие в нее обширные полевые и архивные материалы, собранные автором, будут положены в основу ряда карт и очерков казахстанского раздела Среднеазиатского регионального историко-этнографического атласа.

Книга имеет и большое научно-практическое значение. Многовековые навыки и опыт казахских скотоводов до настоящего времени широко используются в отгонно-пастбищном животноводстве колхозов, и свод этих народных познаний в книге Х. Аргынбаева безусловно заслуживает внимания работников сельского хозяйства.

Т. А. Жданко, У. Х. Шалекенов

Л. Г. Бараг. Белорусская казка. Минск, 1969.

Первые статьи Л. Г. Барага о белорусских сказках появились больше двадцати лет назад. Они сразу привлекли к себе внимание фольклористов богатством материала и глубиной анализа. С тех пор, несмотря на широту и многообразие научных интересов Л. Г. Барага, белорусская сказка остается в центре его внимания, ей была посвящена и его докторская диссертация, защищенная в октябре 1969 г.

Имя Л. Г. Барага как исследователя белорусской сказки получило особенно широкую известность после выхода в свет в 1967 г. его книги «Belorussische Volksmärchen», выпущенной Берлинским академическим издательством и выдержавшей уже три издания.

Наконец вышло его исследование и на родине тех сказок, которыми он всю жизнь занимается, и на языке тех сказочников, творчество которых он неутомимо собирал в

течение долгих лет: первая его экспедиция, сразу давшая плодотворные результаты, состоялась еще в 1944 г.

То, что Л. Г. Бараг — «полевой» работник, с огромным опытом и большим запасом наблюдений, несомненно благотворно отразилось на его книге, отличающейся глубиной проникновения в живые процессы народного творчества, пониманием особенностей бытования сказки в народе, знанием ее жизни в современности.

В книге затронуты разнообразные и, я бы сказала, кардинальные вопросы народного творчества, рассматриваемые на материале белорусских сказок: сказка и общественная жизнь, сказочная героика, сказочная фантастика и народные верования, изменения традиционного сказочного стиля, судьба сказочной традиции в современности и т. д. Несмотря на эту многотемность книги, вся она пронизана стремлением решить одну основную проблему — выявить, в какой мере содержание и форма традиционных сказок испытывают воздействие социальной действительности. И каждая из глав книги, по-своему богатая материалом, тонкими наблюдениями, оригинальными выводами, прежде всего отвечает на эти вопросы.

Основой книги, которая дала возможность для широких теоретических обобщений, является глава, посвященная сюжетному репертуару (стр. 128—180). Глава эта — результат огромной, чрезвычайно кропотливой работы. В ней сравниваются русские, белорусские и украинские сказки о животных, выясняется, какие именно сюжеты и насколько часто встречаются в репертуаре трех, двух или одного восточнославянских народов. Анализируется также и то, какие из этих сюжетов представлены и в фольклоре других народов, а какие — только в восточнославянском фольклоре.

При этом автор книги приводит исчерпывающие библиографические данные, уточняет сведения русских указателей, указателей известного польского исследователя Кржижановского и американского сказковеда Томпсона.

Все это сделано на основе составленного самим автором указателя и приводит к чрезвычайно весомым выводам об особой роли восточнославянских народов в международном процессе сказочного творчества. Об этом же говорят и результаты сравнительного анализа репертуара белорусских, русских и украинских волшебных сказок. Характеризуются белорусские бытовые и легендарные сказки.

В результате гигантского труда Л. Г. Бараг приходит к выводу, сделанному «не на глазок», а на основе неопровержимых подсчетов и фактов о единстве восточнославянского сказочного эпоса и утверждает, что белорусский сказочный репертуар по своему составу ближе к украинскому, чем к русскому.

Можно только мечтать о том, чтобы Л. Г. Бараг в ближайшее время подарил науке указатель восточнославянских сказок, в котором так остро нуждаются исследователи этого жанра.

К главе о репертуаре по содержанию теснейшим образом примыкает последняя глава исследования, посвященная жизни сказочной традиции в Советской Белоруссии (стр. 227—251). Глава эта могла быть написана только опытным собирателем. Она представляет особую ценность, поскольку о бытовании белорусской сказки и о белорусских сказочниках до сих пор не было специальных исследований; написана она в основном на материале, собранном самим автором и участниками экспедиций, которыми он руководил. Характеризуя жизнь народной сказки в Советской Белоруссии, Л. Г. Бараг рассматривает ее взаимодействие с русской, украинской польской и еврейской сказкой. Очень ценно то, что, не опровергая общепринятого положения относительно затухания сказочной традиции, автор говорит о имеющихся в этом творческом процессе возможностях, которые могут использовать современные сказочники.

На материале белорусской волшебной сказки написана в основном большая глава о традиционном сказочном стиле и его изменениях (стр. 181—227). В ней scrupulously рассмотрены переходные формулы и типические места, вступительные и заключительные сказочные формулы, повторы, сравнения, метафоры, эпитеты и т. д. Методологически очень ценно, что Л. Г. Бараг рассматривает стилистические особенности сказки как элементы ее целостной художественной структуры. Ему удалось убедительно показать, как в стиле восточнославянских сказок проявляются черты национального своеобразия, их связь с жизнью и языком народа, как под влиянием действительности изменяется традиционный стиль.

В этом же плане в книге показано взаимоотношение сказочной фантастики с народными верованиями (стр. 100—128). На материале белорусских сказок, легенд и быличек убедительно доказано, что взаимодействие сказок и фольклора, непосредственно отражающего народные верования, влияет не только на сюжетную структуру, но и на стиль сказок. Очень тонко прослежен в этой главе сложный процесс трансформации мотивов поверий, быличек и заклиний в качественно иной сказочный материал, а главное показано, что процесс этот обусловлен историческими условиями и имеет существенное значение для всего хода развития сказочной традиции.

Большое внимание в книге уделено сказочной героике (стр. 71—100) белорусских сказок и преданий об осликах и волотах, преданий, от которых «...тянутся нити на запад и восток».

Основной пафос книги, идейное кредо ее автора, которое освещает всю работу и придает ей, как я говорила выше, цельность — заключен в главе «Национальная сказка и общественная жизнь» (стр. 26—70). В ней показано, как неразрывно белорусские сказки, записанные в XIX и начале XX в., связаны с жизнью Белоруссии тех лет, как в

них отражены классовые противоречия и их обострение. В этой главе говорится о стремлении белорусских сказочников развить традиционные сюжеты и образы в социально-эпическом плане. Учитывая связь в сказке этического и эстетического начал, Л. Г. Бараг рассматривает особенности репертуара и художественное своеобразие творчества белорусских сказочников и показывает, как идейное содержание сказки связано с ее художественной формой.

Выход книги Л. Г. Барага — значительное событие не только для белорусской фольклористики, но в силу ее обобщающего теоретического характера и для сказковедения в целом.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Ш! Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић. Српски митолошки речник. Београд, 1970, 317 стр.

Сербские этнографы составили и издали чрезвычайно полезный словарь-справочник по верованиям и обрядам своего народа. Вопреки заглавию, здесь собран материал не только по «мифологии» в собственном смысле слова. Как пишут во Введении сами составители, словарь «в своей большей части охватывает многочисленные народные верования, магические действия и элементы культа, имеющие отношение к природе, растениям, животным, небесным телам, атмосферным явлениям, и даже к отдельным предметам, как например цепь, топор и пр., которым приписывается мистическая сила и которые представляют предмет культа или атрибут некоего древнего божества. Охвачены также, — пишут далее составители, — обычаи и верования, связанные с трудом и производством, прежде всего с земледелием и скотоводством, затем множество поверий и религиозных обычаев, относящихся к человеческой жизни от рождения до смерти, где особенно выделяются верования и обычаи культа умерших» (стр. XI). Включены в словарь и поверья, влившиеся в христианский культ, а также легенды, касающиеся исторических личностей.

Объем словаря довольно велик — 310 страниц текста в 2 столбца, не считая Введения и библиографии. Объяснено несколько сотен слов, одни коротко, другие подробнее, некоторым посвящены обстоятельные статьи. Из народных мифологических представлений наиболее содержательны очерки о таких: аждаха, вампир, вештица, вила, дух, душа, мора... Очень солидные статьи посвящены таким религиозно-магическим обрядам и обычаям, как: бадьяк (рождественское полено), бајање (заговоры, главным образом лечебные), божји (Рождество), везивање (магический акт связывания), опасивање (магическое значение опоясывания), жртва (виды жертвоприношений), колац (обрядовый хлеб), коледа (святочное колядование), додоле (магический обряд против засухи), полагањик (первый посетитель на святки или Новый год, приносящий счастье), кумство (кумовство), крсно име (то же, что «слава» — сербский семейный праздник), «дубочке русале» (характерный женский обряд в селе Дубокой, в северо-восточной части Сербии: экстастически-оргиастические пляски, быть может, слабые отголоски древнего культа Диониса).

Интересны статьи о суеверных представлениях и обрядах, касающихся животных, — волка, змея, орла, петуха и пр., — материальных предметов — огня, воды, цепи и др., наконец, чисел (бројеви); легендарные мотивы об исторических личностях — св. Савы, Милоша Обилича, краљевића Марко.

По поводу целого ряда более или менее неясных или спорных понятий составители словаря приводят существующие в литературе взгляды, — и это очень хорошо. Во многих случаях приводится и сравнительно-этнографический материал — о бытовании сходных поверий или обычаев у других славянских и неславянских народов, и это, конечно, тоже очень хорошо.

Словарь щедро иллюстрирован: фотографии (правда, не очень высокого качества), снимки с музейных экспонатов, рисунки — в том числе сделанные современными художниками по мотивам народных поверий.

Библиография — на разных языках — включает около 120 названий книг и статей. «Речник» в целом производит очень солидное впечатление. Тип издания не совсем новый: подобные хорошие справочники по народным верованиям издавались в Германии, в Польше и в других странах. Но «Српски митолошки речник» выдерживает по научному качеству сравнение с лучшими из них.

Правда, это можно сказать не обо всех статьях. На некоторых лежит печать некоторой спешности, кое-что и спорно. Например, очень сомнительно утверждение, что мифологические образы «вукодлака» и «вампира» по существу тождественны (стр. 83—84): происхождение этих образов совсем неодинаково, ибо вукодлак — это волк-оборотень («вук» — волк, «длака» — шерсть), а вампир (вариант — упырь) — это злой мертвец, выходящий из могилы; другое дело, что эти два разных образа постепенно переплелись и контаминировались.

Статью «Тотемизм» не следовало бы вообще включать в словарь: таких общих научных терминов есть немало; тогда надо было бы дать и статьи: «Анимизм», «Аниматизм», «Фетишизм», «Шаманизм» и пр., которых, конечно, в словаре нет. Само содержание статьи «Тотемизм» весьма расплывчато и совсем не соответствует современному состоянию этой проблемы в науке.

Ни к чему и небольшая статья «ярац живодерац» (стр. 156): это просто текст народной сказки, каких есть сотни.

Странно, что слово «балван» составители словаря считают «словом неизвестного происхождения» (стр. 19). Едва ли можно сомневаться в происхождении его из иранских языков (Пехлеван-богатырь), быть может через тюркскую языковую среду.

Подобные мелкие погрешности, однако, не меняют общего весьма положительного впечатления от рецензируемой книги. Было бы хорошо, если бы она послужила образцом для издания таких справочников и в других странах — особенно в СССР, где давно назрела потребность и в этнографическом, и в фольклорном словаре, и в собственно мифологической энциклопедии.

С. А. Токарев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Е. В. Иванова. Тайские народы Таиланда. М., 1970, 198 стр.

В последние годы среди советских этнографов значительно повысился интерес к изучению этнографии и этнической истории тайских народов, которые являются самым крупным национальным меньшинством Китайской Народной Республики и основным населением Таиланда и Лаоса. Значительное число их живет и в Бирме.

Книга Е. В. Ивановой «Тайские народы Таиланда» посвящена вопросам происхождения, лингвистической принадлежности, материальной и духовной культуры тай Таиланда — наиболее многочисленной и развитой в культурном и экономическом отношении группе тайских народов. Это первая в советской литературе обобщающая работа в данной области.

Книга состоит из шести глав, в каждой из которых рассматривается определенный круг вопросов. Большинство глав подразделяется, в свою очередь, на связанные между собой тематические разделы.

Один из самых сложных вопросов, затрагиваемых автором монографии, — проблема лингвистического родства народов тайской группы (гл. I). В настоящее время по этому поводу имеется две основные точки зрения, разделяемые различными исследователями.

Одни считают, что тайская группа относится к китайско-тибетской семье языков; другие же придерживаются мнения, что тайская группа не входит в эту семью, а родственна австронезийским и мон-кхмерским языкам. Проанализировав значительное число лингвистических исследований, Е. В. Иванова приходит к выводу о справедливости второй концепции.

Автор прав и в том, что эта концепция еще нуждается в подкреплении данными других наук — антропологии, этнографии, истории (стр. 27). Однако нам представляется, что для подтверждения второй точки зрения проделанная работа еще явно недостаточна и в плане собственно лингвистических исследований.

Следует отметить, что классификация тайских языков, приведенная в рецензируемой работе, не может быть названа лингвистической: она построена по географическому принципу. Так, языки дун-шуйские и ли, включенные в северо-восточную подгруппу, в действительности являются самостоятельными ветвями по отношению ко всем остальным тайским языкам. Последние делятся, в свою очередь, на юго-западные тайские (сиамский, лаосский, шан, черные и белые тай и др.) и северные (чжуанский). Внутри юго-западной группы тайских языков можно выделить более мелкие подгруппы — южную и западную. Тогда к южным языкам будут относиться сиамский и лаосский, а к западным — шанский, однако относительно чжуанского языка они будут составлять одну подгруппу, а не две, как это предлагается в рецензируемой работе. Современная разработка классификации тайских языков содержится в ряде трудов¹. Впрочем, в процессе работы над книгой автор еще не имел возможности с ними ознакомиться.

Проблема происхождения современных тайских народов рассматривается во второй главе книги. Недостаток материала не позволяет с уверенностью назвать какие-либо конкретные племена предками сиамцев и лао. Автор справедливо критикует ученых, считающих, что сиамцы непосредственно отделились от шанов. В пользу этой гипотезы, правда, говорит адекватность сиамских надписей XIII в. (государство Сукотай) и надписей, сделанных на шанском языке. Но против нее свидетельствуют следующие факты:

¹ См., например: A. G. Haudricourt, *La langue lakkia*, «Bulletin de la société de linguistique de Paris», t. 62, fasc. 1, 1967; Fang-kuei Li, *The Tai and the Kam-Sui languages*, «Lingua», vol. 14, 1965, pp. 148—179.

1. Формирование сиамцев связано скорее не с государством Сукотай, а с королевством Аюття, которое и было прямым предшественником современного Таиланда. Основатель этого государства, король Раматибоди, согласно преданию, принадлежал к королевскому роду, правившему в лаосском княжестве Чиенгмай. Язык государства Аюття и должен был лечь в основу современного сиамского языка.

2. По данным лингвистики, близость между лаосским и сиамским языками значительно больше, чем между последним и шанским.

Однако участие в качестве компонента какой-либо группы шанов в формировании сиамцев и лао вполне вероятно. Е. В. Иванова как раз и обращает внимание на то, что лао юань произошли от мао-шань (из Монгмао) и нгай-лао (из Наньчжао) и заселили территорию Ланьна (столица Чиенграй). В другом месте автор монографии пишет: «Из тех компонентов, слияние которых дало народ „сиам“, не следует, по-видимому, исключать ни тай-юнь, ни тай-йй (мао-шань), ни лао с северо-востока». Однако, если государство Сукотай и было основано шанами, предположение, что другие племена, близкие по языку лаосским, позже растворили эту группу и утвердили свой диалект, остается все же более вероятным. Автором проделана большая работа по исследованию этногенеза тайских народов. Однако эта тема, конечно, не исчерпана. Проблема происхождения сиамцев еще требует тщательного изучения, и решение ее усложняется близким родством тайских языков.

В третьей главе рассматриваются хозяйство и материальная культура тай. Основное занятие населения — выращивание риса. Развитие получили также морской и речной промыслы. Животноводство в Таиланде носит вспомогательный характер. В главе приводятся сведения о жилище, населении, пище, одежде, прическе, украшениях тай (в основном сиамцев и лао). Анализируются изменения, происходящие в настоящее время в связи с развитием капитализма в Таиланде и проникновением туда западной культуры. Автор отмечает, что многие из рассматриваемых аспектов материальной культуры теряют в настоящее время значение этнических признаков.

Анализ хозяйства и материальной культуры тай Таиланда приводит автора к выводу о том, что тайские народы имеют много сходных черт, и основы их культуры были заложены еще задолго до прихода тай на территорию Таиланда. При переселении тай оседали в районах, подходящих к сложившемуся уже у них типу хозяйства. Специфичность хозяйства различных групп тай объясняется, в первую очередь, различными природными условиями.

В четвертой главе дается краткий анализ развития тайского общества с периода средних веков до наших дней. Подчеркивается специфический характер общественных отношений средневекового Таиланда. Не ставя перед собой задачи определения общественного строя этой страны в период средневековья, автор отмечает, что «отсутствие частной собственности на землю, характерное для Сиам вплоть до XX в., вряд ли дает право для характеристики его общества как феодального» (стр. 87). Подробно исследованы сущность, происхождение и особенности рабства в Таиланде. Особое внимание уделено тайской общине и семье. В настоящее время распространено семейное владение землей; окончательному отмиранию общины как института, по словам автора, препятствует низкий уровень развития производительных сил. «В тайской деревне сохраняются пережитки давних общинных традиций трудовой взаимопомощи» (стр. 99).

Интересны выводы о том, что система родства у тай отличается от систем родства у других народов Юго-Восточной Азии, а также, что между отдельными тайскими народами отмечается большое сходство систем родства. Особенности общественных отношений в локальных группах тай объясняются не их этнической спецификой, а неравномерностью развития социально-экономических отношений различных районов страны.

Глава пятая, посвященная духовной культуре, открывается очерком о буддизме. В этом очерке излагается история проникновения буддизма в Сиам, утверждения его в качестве государственной религии, а также дается характеристика его современного состояния.

Пережиткам древних религиозных воззрений посвящен следующий раздел данной главы — «Добуддийские верования тай Таиланда», занимающий центральное место. Раздел, о буддизме носит по отношению к нему вспомогательный характер, что вполне соответствует тематике рецензируемой работы.

В книге подробно описаны очень древние обряды, связанные с добуддийскими верованиями, представляющие интерес как памятники неписаной истории тай (родильные обряды, обряды, направленные на защиту ребенка от вредных влияний, свадебные обряды, похоронные обряды, обряды, связанные с земледелием). Работа содержит большой фактический материал, показывающий влияние религиозных воззрений тай и связанной с ними обрядности на повседневную жизнь тайского крестьянства. Анализируя фактические данные, автор выявляет происхождение некоторых обрядов. Отмечаются различия, существующие в обрядности у некоторых этнических групп тайского населения Таиланда (в основном у сиамцев и лао). В то же время недостаток материала не позволил, к сожалению, проанализировать специфические особенности обрядности у всех многочисленных тайских народов, что представляло бы большой интерес для их этногенеза. Добуддийские представления проявляются не только в существующей обрядности, но и в вере в духов «пхи», что также оказывает влияние на образ жизни тай и является характерной особенностью тайского этноса.

К сожалению, в книге почти нет сопоставления тайской обрядности и добуддийских пережитков в религии со сходными явлениями у соседних народов не тайского происхождения. Научная значимость таких данных несомненна, однако мы не в праве упрекать автора за то, что они отсутствуют, так как Е. В. Иванова не ставила перед собой цель осветить эту тему, которая может послужить предметом специального исследования.

В разделе об архитектуре, скульптуре и живописи рассматривается материал о происхождении и развитии этих видов искусства в Таиланде, о влиянии на них искусства соседних народов, отмечаются характерные заимствования. Далее автор пишет об основной цели исследования: «Задача исследователя тайской культуры состоит не только и не столько в установлении всех разнородных элементов, из синтеза которых она произошла, сколько в анализе той своеобразной манеры преломления заимствуемого, которая свойственна племени тай, и в выявлении творческого духа его создателей» (стр. 155). Процессам возникновения и развития литературы, театра, танцев и музыки посвящены заключительные разделы главы о духовной культуре.

Исследуя этнические процессы в современном Таиланде (глава VI), Е. В. Иванова приходит к выводу о том, что они протекают интенсивно. Формирование тайской нации носит ассимиляторский характер, который обусловлен интересами сиамской буржуазии.

Такое решение национального вопроса вызывает противодействие со стороны наиболее развитых народов страны, например, лао. Автор пишет о том, что с сиамцами в первую очередь сближаются народы, стоящие на одинаковом с ними уровне экономического развития; в то же время остальные племена (сенои, семанги и др.) находятся вне ассимиляционного процесса и продолжают сохранять самобытность своей культуры.

В конце книги подводятся итоги исследования. Работу завершает обширный список использованной литературы.

Таким образом, работа Е. В. Ивановой «Тайские народы Таиланда» охватывает все основные проблемы этнической истории и этнографии тайского населения Таиланда. В книге содержатся самые разнообразные сведения по истории, литературе, архитектуре, живописи этой страны. Широко использован лингвистический материал. Работа бесспорно, представляет большой интерес для специалистов, занимающихся различными вопросами истории и культуры Южного Китая и Юго-Восточной Азии.

В. И. Гохман

НАРОДЫ АФРИКИ

M. Powne. *Ethiopian music. An introduction. A survey of ecclesiastical and secular Ethiopian music and instruments.* London — New York — Toronto, 1968, 153 p.

Богатая, древняя и своеобразная культура народов Эфиопии, унаследовавшая многое из средиземноморских цивилизаций (от Древнего Египта до Византийской империи) и семитской культуры Аравии — прародины населяющих Эфиопию семитоязычных народов, всегда привлекала внимание исследователей. История, литература, религия этой страны были и являются объектом изучения многих ученых. Начиная с XX в. значительное внимание стало уделяться также материальной культуре и фольклору, широко осуществлялись археологические, лингвистические и этнографические экспедиции. И лишь эфиопская музыка была и, к сожалению, остается фактически неисследованной. До XX в. почти не было работ, посвященных этой интереснейшей теме, если не считать приложений к работам Мариануса Викторуса (1552 г.) и Иова Лудольфа (1691 г.), которые теперь представляют интерес лишь для истории изучения вопроса. В XX в. вышло в свет считанное число работ, причем наиболее информативные из них, за исключением, пожалуй, работы Мондон-Видайе, появились лишь к середине века¹.

На фоне такой скудности литературы по эфиопской музыке книга Майкла Поуна «Эфиопская музыка» не может не порадовать читателя. Работа представляет собой введение в изучение музыки народов Эфиопии, охватывает самый широкий круг вопросов и поэтому интересна не только для узких специалистов, музыковедов-африканистов, но также для историков, этнографов и фольклористов. Ценность книги заключается также в том, что в основу ее положены полевые материалы, собранные автором во время экспедиции в Эфиопию, длившейся с 1954 по 1960 г., данные, полученные в результате изучения коллекции музыкальных инструментов в Музее Института эфиопских исследований при университете им. Хайле Селассие I, и собрания гимнографических рукописей в Эфиопской Национальной библиотеке. Использовал М. Поун

¹ E. Wellesz. *Studien zur aethiopischen Kirchenmusik*, Oriens Christianus, 1920; C. Mondon-Vidaïhet, *La musique Ethiopienne*, «Encyclopedie de la Musique et Dictionnaire du Conservatoire», Paris, 1922; G. Barblan. *Musiche e strumenti musicale dell'Africa orientale italiana*, Naples, 1941; H. Hickmann. *Aethiopische Musik*, *Die Musik in Geschichte und Gegenwart*, Kassel, 1949—1951. M. Cohen, *Sur la notation musicale ethiopienne* «Levi della Vida Festschrift», Roma, 1956.

также ценные и интересные сведения о Национальном фольклорном оркестре при театре им. Хайле Селассие I в Аддис-Абебе и факты, сообщенные кень-гетом Мэсфын Хайле Марьяма, преподавателем музыки в Духовном колледже Аддис-Абебы.

Все это позволило автору широко осветить самые разнообразные стороны эфиопской музыки, а также обратить особое внимание на отдельные наиболее сложные вопросы.

Книга состоит из предисловия, введения, пяти глав, полной библиографии, словаря и указателя. Текст сопровождается рисунками, нотными записями музыкальных примеров.

Первая глава книги невелика по объему, но содержит интересные и полезные для широкого круга читателей сведения по истории, географии и этнографии страны.

Вторая, самая большая глава, состоящая из трех разделов, посвящается музыкальным инструментам. В первом разделе описываются ударные инструменты: барабан (нэгарит, кэбэро, атамо), колокола (даваль и марават), погремушки (качель) и систры (ценацель); во втором — духовые: флейты (вашинт, эмбильта) и трубы (маляка), в третьем — струнные инструменты: эфиопская скрипка (масэнко) и два весьма древних и интересных типа лиры (кырар и бэгэна). В этом же разделе приводится небольшой очерк из истории развития лиры (начиная с древнегреческой и древнеевропейской и кончая эфиопской, суданской и арабской, которые широко распространены и по сегоднешний день).

Третья глава посвящена песенному творчеству и танцам светского характера. Несмотря на сравнительно небольшой размер главы, автору удалось достаточно подробно осветить эту широкую тему. Глава делится на шесть разделов, каждый из которых посвящен отдельному вопросу. В первом из них, «Бродячие певцы», описываются два основных типа носителей исторической и фольклорной песенной традиции в Эфиопии.

Наиболее известны «азмариоч» (мн. число от «азмари») бродячие певцы и музыканты, порождение эфиопского средневековья — собраты европейских менестрелей и трубадуров. Они путешествуют из одного города в другой, являясь непременными участниками всех празднеств, составляя окружение эфиопской знати. Песни, зачастую импровизируемые ими тут же, могут быть и героико-эпического, и хвалебного, и сатирического характера. Все зависит от события, которому посвящается песня, и от отношения самого азмари к этому событию. В настоящее время — по мере того, как феодальные отношения в Эфиопии стремительно уступают место отношениям капиталистическим — этот тип странствующего певца исчезает из эфиопской жизни.

Вторым чрезвычайно интересным типом певцов являются «лалибелоч» (мн. число от «лалибела»), члены своеобразного и совершенно неизученного тайного братства прокаженных. Закутанные с головы до ног, они поют свои песни перед рассветом у ворот домов и исчезают с восходом солнца, забирая подарки, оставленные для них перед воротами хозяином дома.

Второй раздел третьей главы посвящен народным песням: праздничным, трудовым и любовным. Небольшой объем, отведенный для рецензии, не позволяет автору дать подробный анализ этой обширнейшей темы.

В следующих разделах описаны такие типы эфиопского народного и песенного творчества, как «фоккара» — монологи-самопрославления, выкликаемые солдатами и охотниками, «мушо» и «лексо» — погребальные плачи и причитания. Последний раздел посвящен народным танцам.

В четвертой главе М. Поун рассматривает духовную музыку, которая с давних пор привлекала к себе внимание исследователей. Эфиопская гимнография, довольно широко представленная в европейских рукописных собраниях, изучалась до сих пор почти исключительно с точки зрения филологов и историков-религиоведов. М. Поун в своей работе подходит к этому вопросу с позиции музыковеда. Рассматривается также такая интереснейшая особенность эфиопской музыки, как система эфиопских нотационных знаков — «мэлэкэт», в виде букв и значков, которые применяются для обозначения трех различных ладов — «гезэ», «эзелъ», «арарай». Эта нотационная система, изобретение которой предание приписывает эфиопскому святому Яреду-Сладкопевцу, выгодно отличается своей разработанностью от соответствующих систем византийской, сирийской и армянской гимнографии.

Заключительный раздел главы, носящий название «Проблемы изучения музыки восточных церквей», автор посвятил вопросам влияния сирийско-византийской и арабо-персидской музыкальных культур на эфиопскую духовную музыку. Подчеркивается, что тщательное изучение этого вопроса могло бы пролить свет и на характер музыкальных культур этих древних цивилизаций.

В последней главе М. Поун, сделав общий обзор музыкальной культуры народов Эфиопии и подчеркнув ее самобытность и своеобразие, отмечает, что народные песни, мелодии, танцы, мало или совсем не изученные, исчезают прямо на глазах по мере того, как в эфиопскую провинцию проникает популярная современная музыка.

В итоге хочется сказать, что книга Майкла Поуна «Эфиопская музыка», написанная кратко и доступно, является надежным и полным источником, по которому музыкальное искусство народов Эфиопии смогут изучать как специалисты-этнографы, так и широкий круг читателей, интересующихся музыковедческими проблемами.

С. Б. Чернецов

ВЕРА ВАРДЕНОВНА БАРДАВЕЛИДЗЕ

23 ноября 1970 г. после продолжительной болезни скончалась Вера Варденовна Бардавелидзе — видный советский ученый, заслуженный деятель науки Грузинской ССР, доктор исторических наук, профессор. Она была человеком высокой принципиальности и редкого обаяния, ее имя широко известно как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Крупный ученый-исследователь, педагог и воспитатель нескольких поколений ученых, В. В. Бардавелидзе внесла неоценимый вклад в развитие советской этнографии как разработкой научных основ, метода и принципов этнографических исследований, так и изучением узловых проблем древних социальных отношений и идеологии грузинского и других народов Кавказа.

С именем В. В. Бардавелидзе неразрывно связаны все успехи грузинской советской этнографии.

Вера Варденовна родилась в 1899 г. в Тбилиси. После окончания Тбилисского государственного университета проходила аспирантуру в ГАИМК-е, в Ленинграде под руководством Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и А. А. Миллера.

Вернувшись в Грузию, В. В. Бардавелидзе начала систематическую работу по изучению основных проблем древних социальных отношений и идеологии грузинского народа. К этой работе она привлекла молодых научных работников, студентов и многочисленных ею же хорошо проинструктированных корреспондентов. Основой для такой обширной собирательской работы послужил большой и подробный вопросник, разработанный и составленный самой В. В. Бардавелидзе на новых научных принципах.

В итоге кропотливого, весьма напряженного труда В. В. Бардавелидзе создала архив, содержащий уникальные материалы по быту и культуре грузинского народа, особенно по вопросам форм общинных организаций, их структуры и управления, форм землевладения и землепользования, храмового земледельческого и скотоводческого хозяйства, календаря народных праздников (годовой цикл), обрядового графического искусства, традиционных общественно-культурных памятников горцев Восточной Грузии, духовных текстов и др. Этот архив (количество материалов превышает 25 000 машинописных страниц) стал базой для изучения многих научных проблем и научных публикаций.

Перу В. В. Бардавелидзе принадлежит около ста статей, ряд крупных монографий и других публикаций на грузинском, русском и иностранных языках. Ее работы отличаются тонким анализом вновь собранного и ранее известного этнографического материала с широким использованием письменных, археологических и лингвистических материалов.

В 1958 году Вера Варденовна защитила докторскую диссертацию на тему «Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен», получившую высокую оценку в советской этнографии. В этой работе она не только отвергла традиционное представление о «вечном родовом строе» у грузин-горцев, но показала абсурдность схематической архаизации общественного быта кавказских гор-

цев в целом и наметила принципиально новый подход к исследованию социальных пережитков вообще. В процессе развития древнейшего мировоззрения грузинского народа Бардавелидзе установила две ступени древнегрузинского пантеона: пантеон периода разложения первобытнообщинного строя и пантеон раннеклассового общества. Изучение этих данных и тщательный анализ этнографического материала из быта грузин-горцев позволили ей по-новому осветить идейное содержание изображений верхнего фриза и вопрос этнической принадлежности триалетского серебряного кубка (середины II тыс. до н. э.). В. В. Бардавелидзе выделила главное божество древнегрузинского пантеона — Гмерти, с которым увязывается культ быка. Важная роль этого животного в разнообразных древнегрузинских обрядах и обычаях позволила ей включить древнегрузинскую религию в обширный религиозный мир древних культурных народов Передней Азии и Средиземноморья.

В работах Бардавелидзе особо следует отметить разработку вопросов об обрядовом графическом искусстве, которое до того не было предметом специального изучения. Вере Варденовне удалось не только собрать совершенно уникальный материал — сванские обрядовые графические изображения (свыше 250 рисунков), но и раскрыть их первоначальное идейное содержание, отображающее идеологию скотоводческо-земледельческого общества, — слияние магических действий и словесных формул в связи с идеей плодородия. Грузинское обрядовое графическое искусство имеет огромное значение для расшифровки и понимания массы графического материала Кавказа (и не только Кавказа), добытого археологами.

Особо следует упомянуть подготовленную к печати трехтомную фундаментальную работу В. В. Бардавелидзе «Традиционные общественно-культурные памятники восточногрузинских горцев». В этом труде дается описание и анализ кавказских, переднеазиатских и других памятников.

В течение многих лет В. В. Бардавелидзе вела большую педагогическую работу в Тбилисском государственном университете и руководила аспирантскими занятиями в Академии наук Грузинской ССР.

Много сделала Вера Варденовна для этнографических музеев. Она собрала ценные этнографические коллекции для Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа, для Музея истории религии и атеизма в Ленинграде, для краеведческих музеев.

В последние годы коллектив грузинских этнографов Института истории, археологии и этнографии им. Джавахишвили работал над составлением грузинского историко-этнографического атласа. Отделом этнографии до последних дней руководила В. В. Бардавелидзе.

В. В. Бардавелидзе вела активную общественную работу, ее неоднократно избирали депутатом райсовета; она была председателем Республиканского координационного Совета по проблеме мировой культуры. Коммунистическая партия и советское правительство высоко оценили заслуги В. В. Бардавелидзе. Она была награждена орденом Ленина.

Год назад грузинская общественность торжественно отметила семидесятилетие со дня рождения и 45-летие научной, педагогической и общественной деятельности В. В. Бардавелидзе.

Смерть В. В. Бардавелидзе — большая утрата для науки, но ее труды навсегда останутся в сокровищнице истории культуры как ценное достояние грузиноведения и кавказоведения. Светлая память о Вере Варденовне Бардавелидзе — скромном, бескорыстном, отзывчивом человеке долго будет жить в памяти ее друзей, коллег, многочисленных учеников и родного народа.

ОСНОВНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ В. В. БАРДАВЕЛИДZE

- О культе деревьев в Грузии. «Изв. Музея Грузии», т. III, Тбилиси, 1927 (на груз. яз.). Ритуал, связанный с рождением ребенка у грузин-горцев. «Изв. Музея Грузии», т. IV, Тбилиси, 1928 (на груз. яз.).
Образец народного творчества. «Изв. Музея Грузии», т. VIII, Тбилиси, 1938.
Духовные тексты грузин-горцев Восточной Грузии. «Материалы по этнографии Грузии», т. I, Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
Календарь сванских народных праздников. I. «Новогодний цикл». Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).
Грузинский народный орнамент, т. I, Тбилиси, 1939 (на груз., русск., франц. яз.).
Сванское песнопение Барбал-долаш. «Изв. ИЯИМК», т. V—VI, Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).
Среди иорских пшавов (дневник поездки). «Изв. ИЯИМК», т. XI, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
Из истории древнейших верований грузин. I. Божество Барбар-Бабар. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
Из истории древнейших верований грузин. II. Гмерти, Тбилиси, 1946 (на груз. яз.).
Из истории древнейших верований грузин. III. Великая мать Нана, Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).
Земельные владения древнегрузинских святилищ. «Сов. этнография», 1949, № 1.

- Из истории древнейших религиозных верований грузин. «Ян децеш», «Материалы по этнографии Грузии», т. IV, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
- Хевсурская община. Структура института «джварис кмоба». «Сообщ. АН Груз. ССР», т. XIII, № 8, Тбилиси, 1952.
- Главное божество древнегрузинского пантеона Гмерти. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952.
- Календарь сванских народных праздников. (Липанал, Квидришоб, Чалгароб). «Материалы по этнографии Грузии», т. VI, Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
- Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
- Храмовое скотоводческое хозяйство по этнографическим материалам восточногрузинских горцев. «Тезисы докладов на Всесоюзном совещании ИЭ АН СССР», М., 1956.
- Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- Chevsurska občina. «Ceskoslowenski Ethnografie» VI. Praha, 1958 (с цветной картограммой структуры хевсурской общины).
- Die thematischen Darstellungen am Silberpokal aus den Gräberhügelfeld von Trialeti im Lichte des grussinischen Ethnographie. «Opuscula Ethnologica memoriam Ludowici Biro-Sacra», Budapest, 1959.
- Одна из древнейших ступеней развития пантеона астральных божеств грузинских племен (состав пантеона, иерархия божеств, их природа). «Материалы по этнографии Грузии», т. X, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Одна из древнейших ступеней развития пантеона астральных божеств грузинских племен (функции божеств, подчиненные духи. Выводы). Материалы по этнографии Грузии, т. XI, Тбилиси, 1960.
- Rapports Sociaux des Montagnards de la Géorgie orientale au debut de l'époque esclavagiste d'après de survivances ethnographiques. М., 1960.
- Грузины. Общественный быт. Пережитки раннеклассовых отношений. «Народы Кавказа», т. II, М., 1962.
- Грузины. Религия и народные верования. «Народы Кавказа», т. II, М., 1962.
- Из истории древнейших верований грузин. IV. Знамя «Лем», волк — собака. «Материалы по этнографии Грузии», т. XII—XIII, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Formes anciennes de la propriété foncière d'après le matériel ethnographique Géorgien. «Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. IV, М., 1967.
- Исторические корни традиционных общественно-культовых памятников Кавказа. «VIII международный конгресс антропологических и этнографических наук в Токио. 1968». М., 1968.
- Традиционные общественно-культовые памятники горной части Восточной Грузии. «Исторические памятники», т. II. Тбилиси, 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Алексеев (Москва). Теоретическое наследство Энгельса и антропологическая наука	3
И. Л. Андреев (Владимир). О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу	13
Л. С. Толстова (Москва). Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков	25
Н. Г. Волкова (Москва). Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв.	38
Т. И. Алексеева (Москва). Этногенез восточных славян по данным антропологии	48
Д. С. Раевский (Москва). Позднескифская семья по археологическим данным	60
Н. А. Бутинов (Ленинград). Н. Н. Миклухо-Маклай и проблемы этнографии Берега Маклая на Новой Гвинее	69
Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Заметки о календаре майя. Общий обзор. I	77
Народы мира	
Информационные материалы	
А. М. Решетов (Ленинград). Население Сингапура	87
Сообщения	
Ф. М. Пармон (Москва). Народная одежда из овчины у славян и их соседей и возможности использования некоторых ее элементов в современной одежде	99
С. М. Абрамзон, Н. А. Кисляков (Ленинград). Добыча золота — один из древних промыслов горных таджиков	114
Г. В. Цулая (Москва). Два комментария к хронике Леонти Мровели	123
И. М. Джаббаров (Ташкент). Некоторые этнографические материалы в узбекской версии эпоса «Алпамыш»	128
Поиски, факты, гипотезы	
Н. И. Гаген-Торн (Ленинград). Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии)	134
Научная жизнь	
Ш. А. Богина (Москва). Международные исторические конгрессы 1970 года	146
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Б. Н. Путилов (Ленинград). Новые труды по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера (1965—1969)	154
Общая этнография	
Г. Е. Марков (Москва). <i>Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien</i>	161
Народы СССР	
И. М. Мизнев (Нальчик). <i>Кавказский этнографический сборник, т. IV.</i>	165
О. А. Сухарева (Москва). <i>Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1 и 2</i>	166
Т. А. Жданко (Москва), У. Х. Шалекенов (Нукус). <i>А. А. Арғынбаев. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк</i>	169
Э. В. Померанцева (Москва). <i>Л. Г. Бараг. Беларуская казка</i>	172

Народы зарубежной Европы

- С. А. Токарев (Москва). *Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић Н. Пантелић*. Српски митолошки речник 174

Народы зарубежной Азии

- В. И. Гохман (Ленинград). *Е. В. Иванова*. Тайские народы Таиланда . . . 175

Народы Африки

- С. Б. Чернецов (Ленинград). *М. Рowne*. Ethiopian music. An introduction. A survey of ecclesiastical and secular Ethiopian music and instruments . . . 177

- Вера Варденовна Бардавелидзе 179

На первой странице обложки: Школьники Сингапура на спортивной площадке (см. статью А. М. Решетова)

SOMMAIRE

- V. P. Aléxéiev (Moscou). L'héritage théorique de F. Engels et les sciences anthropologiques 3
- I. L. Andréiev (Vladimir). Du caractère des liens sociaux à l'époque de transition du régime de communauté primitive à la société de classes 13
- L. S. Tolstova (Moscou). Ethnogenèse des Karakalpak: les contacts les plus anciens au sud-ouest 25
- N. G. Volkova (Moscou). Les migrations de la montagne vers la plaine au Caucase du Nord aux XVIII-e — XX-e sc 38
- T. I. Aléxéieva (Moscou). Ethnogenèse des Slaves orientaux d'après les données de l'anthropologie 48
- D. S. Raievski (Moscou). La famille basse-scythe d'après les données archéologiques 60
- N. A. Boutinov (Léningrad). N. N. Mikloukho-Maklaï et les problèmes ethnographiques de la Côte de Maklaï en Nouvelle-Guinée 69
- Yu. V. Knorozov (Léningrad). Remarques sur le calendrier des Maya: aperçu général. I 77

Peuples du monde. Materiaux d'information

- A. M. Riechétov (Léningrad). Population de Singapore 87

Communications

- F. M. Parmon (Moscou). Vêtements populaires en peau de mouton chez les Slaves et leurs voisins et les possibilités d'utilisation de certains éléments de celui-ci dans le vêtement moderne 99
- S. M. Abramzon, N. A. Kisliakov (Léningrad). Extraction de l'or: une des anciennes industries des Tadjik de montagne 114
- G. V. Tsoulaya (Moscou). Deux commentaires à la Chronique de Léonti Mroveli 123
- I. M. Djabbarov (Tachkent). Quelques matériaux ethnographiques dans la variante uzbéque du poème épique dit «Alpamysh» 128

Recherches, faits, hypotheses

- N. I. Gaghén-Torn (Léningrad). Ecole ethnographique de Léningrad dans les années vingt (Au début de l'ethnographie soviétique) 134

Вie scientifique

Ch. A. Boguina (Moscou). Congrès historiques internationaux de 1970 . . . 146

Critique et bibliographie

Articles de critique et revues

B. N. Poutilov (Léningrad). Nouvelles études sur la poésie épique des peuples de la Sibérie et de l'Extrême-Nord (1965—1969) . . . 154

Ethnographie général

G. Ye. Markov (Moscou). *Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien* . . . 161

Peuples de l'U.R.S.S.

I. M. Miziyeu (Naltchik). *Recueil ethnographique caucasique, t. IV* . . . 165

O. A. Soukharieva (Moscou). *Les Tadjik de Karateghin et Darvaz, fascicules 1 et 2* . . . 166

T. A. Jdanko (Moscou), Ou. Kh. Chalekienov (Noukous). A. A. Arghynbaiev. Essais ethnographiques sur l'élevage chez les Kazakh . . . 169

E. V. Pomierantseva (Moscou). L. G. Barag. La conte bielorusse . . . 172

Peuples de l'Europe étrangère

S. A. Tokariev (Moscou). Ch. Koulichitch, P. J. Pietrovitch, N. Pantielitch. Dictionnaire mythologique serbien . . . 174

Peuples de l'Asie étrangère

V. I. Gokhman (Léningrad). Ye. V. Ivanova. Les peuples Thaïs de Thaïlande . . . 175

Peuples de l'Afrique

S. B. Tchiernietsov (Léningrad). M. Powne. Ethiopian music. An Introduction. A survey of ecclesiastical and secular Ethiopian music and instruments . . . 177

Véra Vardenovna Bardavélidzé . . . 179

Sur la couverture: Ecoliers de Singapour sur le terrain de sport (voir l'article de Réchétov) . . .

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/1-1971 г.	Т-04088	Подписано в печати 24/11-1971 г.	Тираж 2390 экз.
Зак. 4455	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 16,1	Бум. л. 5 ³ / ₄ Уч.-изд. л. 18,0
